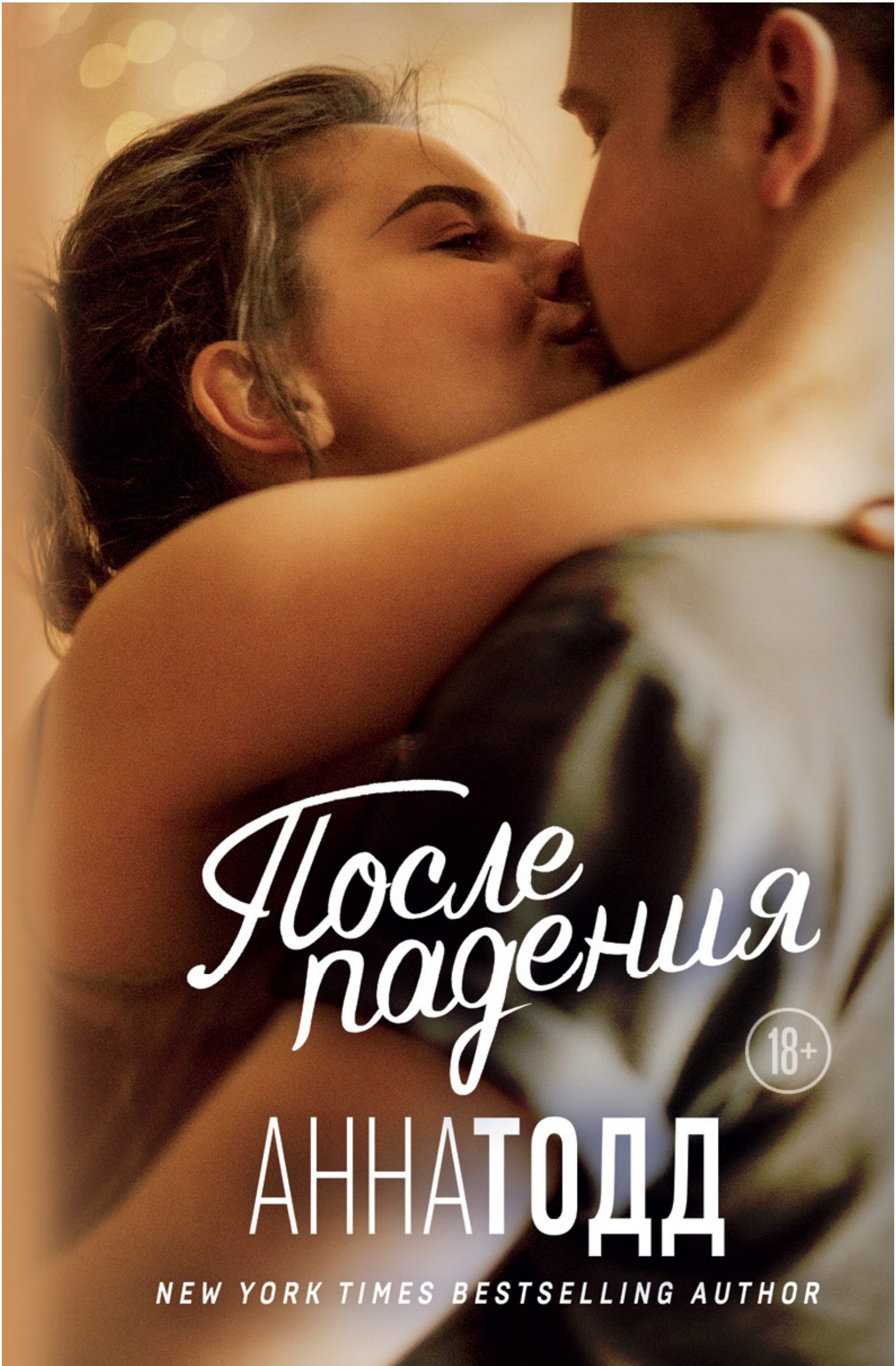

После падения

18+

АННА ТОДД

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

После

Анна Тодд

После падения

«Эксмо»

2014

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Тодд А.

После падения / А. Тодд — «Эксмо», 2014 — (После)

ISBN 978-5-699-82194-5

Отношения Тесс и Хардина далеки от идиллии. Бешеная страсть, неодолимое влечение притягивают их друг к другу и в то же время мешают хладнокровно решать проблемы, которые неизбежно возникают у всех людей без исключения: сложности в отношениях с родителями и друзьями, необходимость строить карьеру, наконец, разные взгляды на брак. Тесс и Хардин молоды, им только предстоит понять, что вдвоем пережить многие потрясения гораздо проще, тем более что Хардина ждет очень неприятное открытие, которое, возможно, перевернет его жизнь…

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-82194-5

© Тодд А., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог 6
Глава 1 7
Глава 2 13
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 26
Глава 6 30
Глава 7 34
Глава 8 37
Глава 9 39
Глава 10 42
Глава 11 45
Глава 12 47
Глава 13 48
Глава 14 52
Глава 15 54
Глава 16 59
Глава 17 63
Глава 18 69
Глава 19 73
Глава 20 76
Глава 21 79
Глава 22 81
Глава 23 86
Глава 24 89
Глава 25 92
Глава 26 94
Глава 27 97
Глава 28 100
Глава 29 101
Глава 30 104
Глава 31 105
Глава 32 108
Глава 33 110
Глава 34 114
Глава 35 120
Глава 36 124
Конец ознакомительного фрагмента. 125

Анна Тодд
После падения

© Беляков М., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Посвящается J за такую любовь ко мне, о которой большинство людей могут только мечтать.

А также Хардинам всего мира, история которых достойна рассказа.

Пролог

Тесса

Я вглядываюсь в знакомые черты бродяги, и меня переполняют воспоминания. Блондинка Барби… Я всегда так хотела быть такой, как она: она совершенство. Очаровательная, ухоженная и всегда такая, какой ей и положено быть. Ее родители, наверное, очень важные, думала я. Ее отец, где бы он ни находился, был, вероятно, главным генеральным директором, колесившим по миру, чтобы обеспечивать семью, пока ее мать занималась домом.

Отец Барби, возвращаясь домой, не шатался и не орал. Он никогда не стал бы скандалить с матерью, так что Барби не приходилось бы прятаться в теплице от шума и бьющейся посуды. И если иногда, случайно, между родителями возникали небольшие, легко разрешимые недоразумения, у Барби всегда был Кен, ее идеальный светловолосый бойфренд, который всегда составит ей компанию… даже в теплице.

Барби идеальна, поэтому у нее идеальная жизнь и идеальные родители.

Мой отец, бросивший меня девять лет назад, стоит сейчас передо мной, грязный и изможденный. Он совсем не похож на себя, ничего общего с тем, что я помню. На его лице появляется улыбка, но в моей памяти всплывает другое.

Той ночью, когда отец ушел, лицо матери превратилось в камень.

Она не плакала. Она просто стояла и ждала, когда он уйдет. В ту ночь она изменилась; она больше не была любящей матерью. Она стала суровой, далекой и несчастной.

Но осталась со мной после того, как он решил не возвращаться.

Глава 1

Тесса

– Папа? – Человек передо мной не может быть моим отцом, несмотря на знакомые карие глаза, которые смотрят на меня.

– Тесси? – Его голос грубее, чем в моих далеких воспоминаниях.

Хардин с горящими глазами поворачивается ко мне, а затем снова смотрит на этого человека.

Мой отец. Здесь, в этом ужасном районе, в грязной на спине куртке.

– Тесси? Это действительно ты? – спрашивает он.

У меня шок. Я не знаю, что сказать этому пьяному мужчине с лицом моего отца.

Хардин кладет мне руки на плечо, пытаясь отвлечь:

– Тесса…

Я делаю шаг в сторону бродяги, и он улыбается. В его бороде много седины; его улыбка не такая белоснежная, как мне помнится… Как он до этого докатился? Я всегда считала, почти верила, что в конце концов отец изменит свою жизнь. Сейчас надежды исчезли, и осознание, что этот человек – мой отец, больнее, чем я ожидала.

– Это я, – произносит кто-то, и через некоторое время я понимаю, что это мои слова.

Он преодолевает оставшееся пространство между нами и обнимает меня.

– Не могу в это поверить! Ты здесь! Я пытался…

Хардин отталкивает его от меня. Я отступаю назад, не зная, как себя вести.

Бродяга – мой отец – тревожно и недоверчиво смотрит на Хардина и на меня. Но вскоре он вновь принимает беззаботный вид и держит дистанцию, чему я очень рада.

– Несколько месяцев я пытался тебя найти, – говорит он, проводя рукой по лбу и оставляя на коже грязные разводы.

Хардин стоит передо мной, готовый к прыжку.

– Я была здесь, – спокойно говорю я, глядя из-за его плеча.

Я благодарна Хардину за защиту, и я понимаю, что он, должно быть, окончательно запутался.

Отец переключает внимание на него и некоторое время разглядывает.

– Ого! Ной сильно изменился.

– Это Хардин, – сообщаю я.

Отец переминается с ноги на ногу и когда наконец решается подойти ко мне поближе, я вижу, как Хардин напрягается. Отец рядом, и я чувствую, как от него пахнет.

В его дыхании чувствуется то ли виски, то ли какая-то дикая смесь, он пьян, раз так перепутал; Хардин и Ной – полные противоположности, их просто нельзя сравнить. Отец тянется обнять меня; Хардин косится на меня, но я слегка качаю головой, чтобы он не вмешивался.

– Кто он такой?

Мой отец обнимает меня слишком долго, а Хардин просто стоит рядом. Я вижу, что он скоро взорвется, необязательно от гнева, и понимаю, он просто не имеет ни малейшего представления о том, что говорить или делать.

Это сделает один из нас.

– Он мой… Хардин – мой…

– Бойфренд. Я ее бойфренд, – заканчивает он мою незавершенную мысль.

Карие глаза отца расширяются, и он наконец-то поворачивается к Хардину.

– Приятно познакомиться с тобой, Хардин. Я Ричард. – Он протягивает свою грязную руку для рукопожатия.

– Хм. Да, взаимно, – нерешительно отвечает Хардин.

– Что вы здесь делаете?

Я пользуюсь этой возможностью, чтобы отойти и встать рядом с Хардином, который снова замолкает и прижимает меня к себе.

– Хардин хотел сделать татуировку, – машинально отвечаю я. Мой разум просто не в состоянии понять все, что сейчас происходит.

– А, круто. Мне здесь тоже набивали.

Всплывают воспоминания о том, как отец каждое утро пил кофе перед работой. Он никогда не рассказывал ни о чем таком, и я даже не уверена, что, когда я его знала, у него была татуировка. Когда была его маленькой девочкой.

– Да, работа моего друга Тома.

Он задирает рукав куртки и показывает на предплечье нечто, напоминающее череп. Это совсем на него не похоже, но чем дальше, тем больше мне кажется, что тату была и раньше.

– Ого… – Это все, что я могу сказать.

Это так ужасно. Этот мужчина – мой отец, который бросил нас с матерью в одиночестве. И он сейчас стоит здесь, передо мной… пьяный. Не знаю, что и думать.

Я взволнована, совсем немного, потому что не хочу признавать его в этот момент. Конечно, я тайно надеялась увидеть отца снова, после того как мама обмолвилась, что он вернулся в город. Я знаю, что это очень глупо, но сейчас он кажется мне лучше, чем раньше. Да, он пьян и, возможно, бездомный, но я его так мало знала, еще меньше, чем понимала. Может, у него сейчас просто тяжелый период в жизни? Кто я такая, чтобы судить этого человека, ничего о нем не зная?

Смотрю на него и на улицу вокруг; так странно, вокруг все как обычно. Могу поклясться, время остановилось, когда мой отец на нас наткнулся.

– Где ты живешь? – спрашиваю я.

Хардин не сводит с него настороженного взгляда, наблюдает, как за опасным хищником.

– Я сейчас временно без жилья. – Он вытирает лоб рукавом.

– А.

– Я работал до конца на Raymark, но меня уволили, – говорит он.

Я смутно припоминаю, что слышала название Raymark раньше. Кажется, это какая-то фирма. Так он работал на заводе?

– Чем ты занимаешься? Прошло ведь… пять лет?

Чувствую, что Хардин напряженно застыл рядом, и говорю:

– Нет, девять.

– Девять лет? Мне очень жаль, Тесси, – невнятно бормочет он.

Это прозвище пробуждает воспоминания – так отец называл меня раньше, в момент, когда он снимал меня со своих плеч и мы проходили через наш небольшой двор. Но все прошло. Я не знаю, что делать. Я хочу плакать, потому что не видела отца так давно, хочу смеяться над странностью нашей встречи, хочу плакать из-за того, что он оставил меня. Я окончательно запуталась. Я помню его пьяным, но тогда он был злой, не улыбался и, конечно, не показывал татуировку и не пожимал руку моему парню. Может быть, он изменился в лучшую сторону.

– Я думаю, нам пора идти, – заявляет Хардин, глядя на отца.

– Мне очень жаль, но я не виноват. Твоя мать… ты знаешь, какая она. – Он пытается защититься, размахивая руками перед собой. – Пожалуйста, Тереза, дай мне шанс, – просит он.

– Тесса… – предупреждающе цедит Хардин рядом со мной.

– Мы на пару минут, – говорю я отцу. Затем хватаю Хардина за руку и отвожу его на несколько метров в сторону.

– Что, черт возьми, ты делаешь?! Ты ведь на самом деле не собираешься… – начинает он.

– Он мой *отец*, Хардин.

– Он пьяный бродяга. – Он плюет с досады.

Слезы наворачиваются от правдивых, но резких слов Хардина.

– Я не видела его девять лет.

– Именно, потому что он тебя бросил. Это пустая трата времени, Тесса. – Он смотрит из-за моей спины на отца.

– Мне все равно. Я хочу понять его.

– Знаю, я сказал то, что думаю. Надеюсь, ты не пригласишь его в квартиру или куда-нибудь еще. – Он качает головой.

– Если захочу, то позову. И если он захочет прийти, то придет снова. Это и моя квартира, – говорю я резко.

Смотрю на отца. Он стоит, одетый в грязное, и уставившись в землю перед собой. Когда он в последний раз спал в постели? Ел нормально? От этой мысли ноет сердце.

– Ты же не всерьез думаешь привести его к нам? – Пальцы Хардина скользят по волосам в привычном жесте отчаяния.

– Не жить, только на сегодня. Мы могли бы приготовить ужин, – предлагаю я.

Отец бросает взгляд на меня. Я смотрю в его сторону и вижу, как он начинает улыбаться.

– Ужин?! Тесса, он чертовски пьян! Вы не виделись почти десять лет… и ты говоришь об ужине?

Растерявшись от вспышки его гнева, тяну Хардина за шиворот поближе к себе и тихо говорю:

– Он мой *отец*, Хардин, и я больше не общаюсь с мамой.

– Это вовсе не означает, что ты должна общаться с этим уродом. Это плохо кончится, Тесс. Ты слишком хороша для всех, когда они этого не заслуживают.

– Это важно для меня, – говорю я, и взгляд смягчается: он понимает, что я настроена серьезно.

Он вздыхает и в отчаянии дергает себя за торчащие волосы.

– Черт возьми, Тесса, ничем хорошим это не закончится!

– Ты не можешь знать, чем это закончится, Хардин, – шепчу я и смотрю на отца, который перебирает пальцами бороду.

Я знаю, что Хардин может оказаться прав, но я обязана это сделать ради себя, должна попытаться понять этого человека или, по крайней мере, услышать, что он скажет.

Возвращаюсь к отцу, инстинктивно чего-то опасаясь, отчего голос немного дрожит.

– Ты хочешь поехать к нам на ужин?

– В самом деле? – восклицает он, и по его лицу скользит тень надежды.

– Да.

– О'кей! Да, поеду! – Он улыбается, и на мгновение мне кажется, что я вижу его настоящего – не пьяного.

Пока мы все идем к машине, Хардин не говорит ни слова. Я знаю, что он сердится, и понимаю почему. Но знаю и что жизнь его отца изменилась к лучшему – он руководит нашим колледжем, он очень добр к ближним. Это ужасно глупо – надеяться на такие же изменения у своего отца?

Когда мы подходим к машине, отец спрашивает:

– Вау! Это твое? Это Capri, не так ли? Модель конца семидесятых?

– Да. – Хардин садится на сиденье водителя.

Мой отец не расспрашивает больше Хардина, и я очень рада этому. Радио приглушено до минимума, и как только смолкает рев двигателя, мы оба тянемся к переключателю в надежде, что музыка сможет заглушить неприятное молчание.

Всю дорогу я думаю о том, как мать желала бы оказаться на моем месте. От такой мысли меня бьет озноб, поэтому переключаюсь на предстоящую поездку в Сиэтл.

Нет, это еще хуже, я не знаю, как поговорить об этом с Хардином. Закрываю глаза и прислоняюсь к окну. Теплая рука Хардина охватывает мою, и я успокаиваюсь.

– Фух. И давно вы здесь живете? – зевает на заднем сиденье отец, когда мы останавливаемся у нашего дома.

Хардин кидает на меня еле уловимый взгляд, и я отвечаю:

– Да, переехали сюда несколько месяцев назад.

Пока мы поднимаемся в лифте, я чувствую, как суровый взгляд Хардина обжигает мои щеки. Улыбаюсь, надеясь смягчить гнев. Нужно действовать, но находиться рядом с этим незнакомцем очень неловко, отчего я начинаю жалеть о том, что пригласила отца. Хотя уже слишком поздно.

Хардин открывает нашу дверь, заходит в квартиру и, не оборачиваясь, без лишних слов удаляется в спальню.

– Я сейчас вернусь, – сообщаю я отцу и поворачиваюсь, чтобы оставить его стоять в прихожей.

– Вы не против, если я воспользуюсь вашей ванной? – спрашивает он у меня.

– Конечно, нет. Она дальше по коридору. – Я, не глядя, указываю на дверь ванной.

В другой комнате Хардин переобувается, сидя на кровати. Оглянувшись на дверь, он делает мне знак закрыть.

– Я знаю, что ты мной недоволен, – спокойно замечаю я, подходя к нему.

– Я…

Я ловлю руками его лицо, мои пальцы пробегают по его щекам.

– Не бойся.

Его глаза закрываются в знак признательности к моим нежным прикосновениям, и я чувствую, что его руки обхватывают меня вокруг талии.

– Он собирается сделать тебе больно. Я всего лишь пытался не допустить этого.

– Как он может причинить мне боль сильнее, чем уже сделал? Я столько лет его не видела.

– Он, наверное, сейчас распихивает наше барахло по своим гребаным карманам, – фыркает Хардин, и я прыскаю от смеха. – Это не смешно, Тесса!

Я вздыхаю и поворачиваю его лицо к себе.

– Может, ты попробуешь посмотреть на все это более позитивно? Вокруг и так достаточно обид и напряжения.

– Я не обижаюсь. Я пытаюсь тебя защитить.

– Не нужно – он мой отец.

– Он тебе не отец.

– Хардин, пожалуйста! – Я провожу большим пальцем по его губам, и лицо смягчается.

Он снова вздыхает и наконец произносит:

– Ладно, давай с этим чуваком поужинаем хотя бы. Черт знает, как давно он питался не из мусорного бака.

Я перестаю улыбаться, и губы невольно начинают дрожать. Он замечает это.

– Прости, не надо плакать, – вздыхает он.

Хардин не переставая вздыхает с тех пор, как мы столкнулись с моим отцом возле тату-салона. Видя его беспокойство, – даже если оно, как и все его эмоции, сопряжено с гневом, – я только убеждаюсь в сюрреалистичности происходящего.

– Я высказал свое мнение, но постараюсь не сильно напрягаться. – Он поднимается на ноги и целует меня в уголок рта. Когда мы выходим из спальни, он бормочет: – Начнем кормить бездомных, что не сильно повышает мне настроение.

Мужчина, разглядывающий полки с книгами в нашей гостиной, выглядит совершенно неуместно.

– Я собираюсь приготовить ужин. Хочешь посмотреть телевизор? – предлагаю я.

– Хочешь, я помогу? – спрашивает он.

– Хм, ладно. – Я слегка улыбаюсь ему, и он отправляется за мной на кухню.

Хардин остается в гостиной, продолжая держаться отстраненно, как я и предполагала.

– Не могу поверить, что ты уже так выросла и живешь отдельно, – говорит отец.

Я тянусь в холодильник за помидорами, пытаясь собраться с мыслями.

– Я учусь в колледже, в Центральном вашингтонском университете[1]. Вместе с Хардином, – отвечаю я, по вполне понятным причинам умолчав о грозящем отчислении.

– Правда? Ничего себе.

Он садится за стол, и я замечаю, что грязь с его рук исчезла. Разводов на лбу тоже нет, а мокрый рукав наводит меня на мысль, что даже пытался застирать пятно. Он тоже нервничает. От этого мне становится немного легче.

Я рассказываю ему о Сиэтле, о предстоящей увлекательной жизни, но так и не упоминаю о Хардине. Выражение лица отца во время рассказа заставляет немного скорректировать рассказ. Не знаю, сколько еще проблем возникнет на пути, прежде чем все окончательно рухнет у моих ног.

– Хотелось бы мне посмотреть, как все это происходило. Я всегда знал, что из тебя выйдет толк.

– Тем не менее тебя не было рядом, – коротко отрезаю я. Мне сразу становится стыдно за свои слова, но я не хочу брать их назад.

– Я понимаю, но сейчас я здесь и, надеюсь, могу что-то для тебя сделать.

Эти простые и немного жесткие слова дают мне надежду, что, может быть, не так уж все и плохо, что ему просто необходимо помочь бросить пить.

– Ты… ты все еще пьешь?

– Да. – Он смотрит в пол. – Не так, чтобы много. Я понимаю, что сейчас тебе так не кажется, но это было несколько трудных месяцев… вот и все.

В дверях кухни появляется Хардин, и я знаю, что он прикладывает чудовищные усилия, чтобы оставаться невозмутимым. Надеюсь, у него получится.

– Несколько раз я виделся с твоей мамой.

– Правда?

– Да. Она не говорит мне, где ты. И она очень хорошо выглядит, – добавляет он.

Мне очень неловко слышать от него что-то о матери. Ее голос звучит в моей голове, напоминая, что он нас бросил. Что из-за этого человека она стала такой, как сейчас.

– Что случилось… между вами?

Кладу куриные грудки на сковородку, масло трещит и брызгает. Я жду ответа. Я не хочу поворачиваться к нему лицом после того, как задала такой резкий и прямолинейный вопрос, но я просто не удержалась.

– Мы с ней просто несовместимы; она всегда хотела больше, чем я мог дать ей, и ты же знаешь, какой она бывает.

Я знаю, но мне не нравится, как мельком и пренебрежительно он отзывается о ней. Переводя вину с матери на отца, я быстро поворачиваюсь и спрашиваю:

– Почему ты не звонил?

– Я звонил, всегда звонил. И посылал тебе подарки на дни рождения. Об этом она тоже не рассказывала?

---

[1] Центральный вашингтонский университет (Central Washington University, CWU) расположен в Элленсбурге, в центре штата Вашингтон, благодаря чему и получил свое название.

– Нет.

– Ну, это правда. Я так по тебе скучал все это время! Не могу поверить, что ты здесь, прямо передо мной сейчас.

Он встает и подходит ко мне; глаза блестят, а голос дрожит. Не знаю, как реагировать. Я почти не знаю этого человека.

Хардин входит на кухню, создавая барьер между мной и отцом, и я этому рада. Не знаю, что и думать. Мне нужно сохранять физическую дистанцию между собой и этим человеком.

– Я знаю, ты не можешь простить меня. – Он почти рыдает, и мое сердце обрывается.

– Нет. Мне просто нужно время, чтобы привыкнуть, что ты снова появился в моей жизни. Я просто не знаю, – отвечаю я, и он кивает:

– Понимаю, понимаю.

Он снова садится за стол, предоставив мне возможность доделать ужин.

Глава 2

Хардин

Этот чертов донор спермы для Тессы умял две тарелки одним махом. Наверняка он голодал, пока жил на улице. Не то чтобы мне не жалко тех, кому не повезло и для кого настали тяжелые времена, но мне ни на минуту не жаль именно этого человека, пьющего и отказавшегося от своего ребенка.

Потом, прихлебывая воду, он бубнит моей девушке:

– Ты хорошо готовишь, Тесси.

Кажется, если он назовет ее так еще раз, я заору.

– Спасибо. – Она улыбается из вежливости. Мне кажется, его болтовня заполняет те раны, что он нанес, бросив ее ребенком.

– Я серьезно; может, ты меня научишь как-нибудь этому рецепту?

Тебя? Где ты собрался его использовать? На своей воображаемой кухне?

– Конечно, – говорит она и встает, чтобы помыть тарелку, заодно хватая и мою.

– Я пойду. Спасибо за ужин, – говорит этот хрен Ричард, поднимаясь.

– Нет, ты можешь… Ты можешь остаться сегодня, если хочешь, мы можем отвезти тебя обратно… домой утром, – медленно произносит она, не зная, какие подобрать слова в этой ситуации.

Терпеть не могу всю эту чертову деликатность!

– Это было бы здорово, – говорит Ричард, потирая руки.

Он, видать, извелся от желания хряпнуть прямо сейчас, этот чертов урод.

Тесса улыбается.

– Отлично. Пойду принесу из спальни подушку и простыни. – Мгновение она глядит на отца и на меня. Видимо, понимает, что я чувствую, потому что уточняет: – Ничего, если я вас оставлю на время?

Ее отец смеется.

– Все нормально, я как раз хотел поближе познакомиться.

Ну нет, даже не думай.

Она хмуро глядит на меня и выходит, оставляя нас на кухне наедине.

– Так значит, Хардин, где ты познакомился с моей Тессой? – спрашивает он.

Я слышу, как закрывается дверь, и жду еще пару мгновений, пока она не окажется вне зоны слышимости.

– Хардин? – повторяет он.

– Давай начистоту! – рычу я, перегибаясь через стол, чем явно его пугаю. – Никакая она не твоя Тесса. И я знаю, что ты натворил раньше, так что не думаю, что тебе стоит ломать комедию.

Он покорно поднимает руки.

– Я ничего, я…

– Что тебе нужно, деньги?

– Что? Нет, конечно, мне нужны не деньги. Мне нужны отношения с дочерью.

– У тебя было девять лет, чтобы их построить, и ты здесь только потому, что случайно столкнулся с нами на этой гребаной стоянке. Не похоже, что ты ее там искал! – рявкаю я, страстно желая вцепиться руками ему в шею.

– Я знаю. – Он качает головой, глядя в пол. – Я понимаю, что наделал много ошибок, и собираюсь их исправить.

– Да ты пьян, прямо сейчас, сидя на этой кухне, ты пьян в стельку. Я пьяных насквозь вижу. И не испытываю никакой симпатии к человеку, бросающему свою семью и ни хрена не имеющему через девять лет.

– Я знаю. Ты все это говоришь из лучших побуждений, я рад, что ты пытаешься защищать мою дочь, но я не собираюсь углубляться во всю эту историю. Я просто хочу познакомиться с ней… и с тобой.

Я молчу, пытаясь успокоиться.

– Ты гораздо приятнее, когда она рядом, – спокойно отмечает он.

– А ты плохо играешь, когда ее нет, – парирую я.

– Ты имеешь полное право не верить мне, но ради нее дай мне шанс.

– Если ты обидишь ее, тебе не жить.

Может быть, я должен стыдиться того, что угрожаю отцу Тессы, но во мне – только гнев и недоверие к этому жалкому пьянчуге. Инстинкт подсказывает мне защищать ее, а не сочувствовать нетрезвым бродягам.

– Я ее не обижу, – обещает он.

Я закатываю глаза и отпиваю воды из своего стакана. Думая, что его обещание успокоило меня, он пытается шутить:

– Кстати, наши роли неплохо бы пересмотреть, как думаешь?

Не отвечая, ухожу в спальню. Это необходимо, чтобы Тесса, вернувшись, не увидела, как я душу ее отца.

Глава 3

Тесса

Хардин врывается в спальню. У меня в руках – одеяло, полотенце и подушка.

– Так, что случилось? – спрашиваю я, ожидая очередного взрыва из-за того, что я пригласила отца, не посоветовавшись предварительно с ним.

Хардин подходит к кровати и ложится, глядя на меня.

– Ничего. Мы познакомились. Когда мне показалось, что я уделил нашему гостю достаточно времени, решил прийти сюда.

– Пожалуйста, скажи, что вел себя с ним хорошо.

Я едва познакомилась с отцом. И я не хочу еще большего обострения отношений, чем есть сейчас.

– Я держал себя в руках, – отвечает он, закрывая глаза.

– Думаю, отнесу ему одеяло и, как всегда, буду извиняться за твое поведение, – с досадой произношу я.

Отец сидит на полу гостиной и теребит прорези на джинсах. Услышав меня, он поднимает взгляд.

– Ты можешь сесть на диван, – замечаю я, складывая вещи на диван.

– Я… ну, я не хочу как-нибудь испортить твой диван. – Он краснеет от смущения, и у меня ноет в груди.

– Не волнуйся… ты можешь еще раз принять душ, и у Хардина найдется что-нибудь сменное, в чем ты можешь лечь.

Он слабо протестует, не глядя мне в глаза.

– Не хочу его утруждать.

– Это пустяки, правда. Я принесу какую-нибудь одежду. Иди и прими душ. Вот полотенце, можешь вытереться им.

Он улыбается:

– Спасибо. Я так рад видеть тебя снова. Я так скучал по тебе… и вот мы наконец встретились.

– Прости, если Хардин был с тобой груб. Он…

– Защитная реакция? – продолжает он за меня.

– Да, думаю, так и есть. Он иногда срывается.

– Все нормально. Я мужчина. Я могу его понять. Он лишь беспокоится за тебя, я его не виню. Он меня не знает. Черт, собственно, как и ты. Он напоминает мне кое-кого, с кем я был знаком раньше… – Отец с улыбкой замолкает.

– Кого?

– Меня… Я был очень похож на него. Не уважал тех, кто не зарабатывал денег, расталкивал локтями всех, кто стоит у меня на пути. В меня встроен тот же чип, что и в него; разница лишь в том, что у него больше татуировок.

Отец смеется, и его смех будит воспоминания, которые почти уже стерлись из памяти. Мне нравится стоять рядом с ним и улыбаться, но он поднимается и хватает полотенце.

– Пойду в душ.

Отвечаю, что принесу ему сменную одежду и положу ее возле двери ванной.

Вернувшись в спальню, обнаруживаю, что Хардин так и валяется на кровати с закрытыми глазами.

– Он пошел в душ. Я сказала, что ты можешь дать ему что-нибудь из своей одежды на смену.

Он садится.

– Зачем ты это сказала?

– Затем, что у него нет своей. – Я иду к кровати, протянув руки, чтобы успокоить его.

– Конечно, Тесса, давай, отдай ему мою одежду, – резко говорит он. – Может, нужно предложить ему лечь вместо меня на нашу кровать?

– В данный момент тебе нужно успокоиться. Это мой отец, и я хотела бы посмотреть, как все пойдет. То, что ты не можешь простить своего отца, не значит, что я не должна предпринимать попыток как-то наладить общение со своим, – так же жестко отвечаю я.

Хардин пристально на меня смотрит. По глазам я понимаю, скольких усилий ему стоит сдержаться и не наговорить мне злобных грубостей, которые крутятся у него в голове.

– Все это не то, что кажется. Ты слишком наивна. Сколько раз тебе повторять? Не каждый человек заслуживает твоей доброты, Тесса.

– Только ты, так, что ли? – огрызаюсь я в ответ. – Ты единственный, кому я должна все прощать и давать презумпцию невиновности? Это чушь собачья, а ты эгоист! – Я роюсь в ящике комода в поиске чистого белья. – Знаешь что? Лучше быть наивной и готовой видеть в людях хорошее, чем нервно и настороженно предполагать, что всем от меня что-то надо.

Беру футболку, несколько пар носков и выхожу из комнаты. Когда я кладу вещи у двери ванной, то слышу, как отец, моясь, что-то тихо напевает себе под нос. Я прижимаю ухо к двери, слов все равно не разобрать, но приятные звуки вызывают улыбку. Я помню, мама рассказывала об ужасном слухе и голосе отца, но я считаю, что они прекрасны.

Разворачиваю телевизор в сторону гостиной и кладу пульт на стол, чтобы дать понять, что он может смотреть все, что захочет. Смотрит ли отец телевизор?

Я убираю кухню, но оставляю на столе остатки ужина. *Когда он в последний раз так же хорошо ел?* Я снова погружаюсь в раздумья.

Вода в ванной все еще льется; наверное, он сейчас нежится под горячим душем, и это подсказывает мне, что он, скорее всего, давно не мылся.

Наконец возвращаюсь в спальню. Хардин, сидя на кровати, расстегивает новый кожаный ремень. Я прохожу мимо него, не глядя, но он хватает меня за руку.

– Мы можем поговорить? – спрашивает он, притягивая меня к себе и заставляя встать между своих ног. Он быстро отбрасывает ремень в сторону.

– Давай.

– Прости за то, что я такой урод, ладно? Я просто не знаю, что об этом всем думать.

– О чем? Ничего не изменилось.

– Изменилось. Этот человек, которого мы оба не знаем, – в нашем доме, и он хочется сблизиться с тобой, после всех этих лет. Это меня напрягает, и мое побуждение – защищаться, ты же знаешь.

– Я понимаю, что ты говоришь, но тебе не стоит быть таким жестоким и говорить при мне такие вещи – например, называть его нищим. Это очень неприятно.

Хардин протягивает ко мне руки, сплетает свои пальцы с моими, притягивает поближе к себе.

– Прости, детка, прости. – Он подносит мои руки к губам, целуя костяшки пальцев, и мой гнев медленно растворяется в его поцелуях.

Я приподнимаю бровь.

– Ты правда перестанешь говорить с ним так жестко?

– Да. – Он поворачивает мою руку и разглядывает линии на ладони.

– Спасибо. – Я слежу, как он водит указательным пальцем по моему запястью.

– Только будь осторожна, ладно? Потому что я не колеблясь…

– С ним ведь, кажется, все в порядке, правда? Я имею в виду, что он хороший, – тихо говорю я, прерывая его. Пальцы Хардина перестают двигаться по моей коже. – Я не знаю его достаточно хорошо, я могу только предположить.

– В твоем детстве он не был хорошим.

Взор Хардина пылает, хотя голос звучит очень мягко.

– Не напоминай мне об этом, когда он рядом, пожалуйста. Я и так стараюсь изо всех сил, так что давай не будем его отталкивать.

Я слезаю с его колен, и мы ложимся, обнимая друг друга.

– Завтра будет длинный день, – вздыхает он.

– Да, – шепчу я в ответ, уткнувшись носом в его руку.

На завтра намечено слушание об отчислении Хардина за избиение Зеда, и это не наш звездный час.

Вдруг на меня накатывает страх: я вспоминаю сообщение, которое послал мне Зед. После встречи с отцом я почти забыла об этом. Телефон, установленный на вибрацию, лежал в кармане, мы ждали возвращения Стеф и Тристана, а Хардин молча смотрел на меня, пока я читала сообщение, и, к счастью, не спросил, в чем дело.

«Можно ли поговорить с тобой завтра утром наедине?» – написал Зед.

Я не понимаю, что делать, и не знаю, о чем говорить, учитывая, что он заявил Тристану, что собирается выдвинуть против Хардина обвинения. Надеюсь, что Зед сказал это только для того, чтобы произвести впечатление и сохранить репутацию. Хардин – в беде, у него реальные проблемы. Я должна ответить на сообщение, но не думаю, что встречаться с Зедом наедине – хорошая мысль. Боюсь, что Хардин из-за меня может снова попасть в беду, а у него и без этого много проблем.

– Ты меня слушаешь? – толкает меня Хардин, и я смотрю на него, не размыкая обьятий.

– Нет, извини.

– О чем ты думаешь?

– Обо всем. О завтрашнем дне, обвинениях, отчислении, Англии, Сиэтле, отце… – вздыхаю я. – Обо всем.

– Ты будешь со мной? Когда будут решать, исключить ли меня?

– Если ты захочешь, чтобы я была там, – говорю я.

– Я хочу.

– Тогда я буду там. – Я должна сменить тему, поэтому продолжаю: – До сих пор не могу поверить, что у тебя новая татуировка. Покажи ее еще раз.

Он плавно откатывается от меня и переворачивается на живот.

– Подними мою футболку.

Я задираю его черную футболку, не останавливаюсь, пока не обнажается вся спина и не появляется белая повязка, закрывающая недавно набитые слова.

– На повязке немного крови, – замечаю я.

– Это нормально, – отвечает Хардин; похоже, что ему смешно от моего беспокойства.

Я очерчиваю пальцем покраснение вокруг букв. Новая тату сразу стала моей любимой. Эти слова так много значат для меня – и для него, по-видимому, тоже. Чтобы не омрачать жизнь еще больше, решаю не говорить о переезде в Сиэтл. Скажу ему завтра, как только мы узнаем об исключении. Я обещаю себе сто раз, что скажу: чем дольше я жду, тем сильнее он разозлится.

– Это достаточное обязательство моей любви для тебя, Тесси?

Я хмуро смотрю на него.

– Не называй меня так.

– Ненавижу это прозвище, – говорит он; лежа на животе, он поворачивает голову так, чтобы посмотреть на меня.

– Я тоже, но я хочу сказать не об этом. Во всяком случае, татуировки мне достаточно.

– Ты уверена? Потому что я могу вернуться в тату-салон и набить твой портрет внизу, – смеется он.

– Ой, нет, пожалуйста, не надо! – Я мотаю головой, и он гогочет еще громче.

– Ты уверена, что этого будет достаточно? – Он садится и опускает футболку. – Значит, обойдемся без свадьбы, – добавляет он.

– Что ты имеешь в виду? Ты сделал татуировку в качестве альтернативы браку?

Даже и не понимаю, как на это реагировать.

– Нет, не совсем. Я сделал ее, потому что хотел… и потому что у меня ее еще не было.

– Замысловато.

– И для тебя тоже, потому что хотел тебе ее показать. – Он берет меня за руку. – Это то, что между нами существует, то, что я не хочу потерять. Я утратил многое из того, что было между нами, да и сейчас не полностью вернул, но я считаю, что это то, чего я хочу достичь.

Его ладони такие теплые, в них так приятно моей руке!

– Итак, я снова воспользовался фразой гораздо более романтичного человека, чем я сам, чтобы достигнуть цели. – Хардин широко улыбается, но я вижу в его глазах страх.

– Думаю, от того, как ты используешь его слова, Дарси пришел бы в ужас, – дразню я.

– Наверное, он дал бы мне пять, – хвастается он.

Я непроизвольно смеюсь, но смех выходит сухой, как кашель.

– Дал бы пять? Фитцуильям Дарси никогда таких слов-то не знал.

– Думаешь, он был выше этого? Нет уж, мы бы с ним посидели, выпили пивка. И поболтали бы о том, как досаждают нам упрямые женщины.

– Вам обоим с нами повезло, потому что, видит бог, никто, кроме нас, таких, как вы, не выдержал бы.

– Вот как? – с усмешкой спрашивает он, и на щеках у него проступают ямочки.

– Естественно.

– Наверное, ты права. Но мне Элизабет как-то ближе по духу.

Я поджимаю губы и поднимаю бровь, ожидая объяснений.

– Только потому, что она разделяет мои взгляды на брак.

– Но она все же вышла замуж, – напоминаю я.

Очень не по-хардиновски он приближается ко мне, хватает за бедра и толкает на кровать, отчего я падаю головой в кучу декоративных подушек, которые он презирает, о чем напоминает мне при каждом удобном случае.

– Именно! А Дарси взамен может забрать тебя! – Его раскатистый смех заполняет воздух, и я хохочу не меньше его.

Все эти маленькие ссоры, скорее символические, когда Хардин смеется как ребенок, мгновения, когда улетучивается вся та ерунда, которую мы успеваем наговорить друг другу, защищают меня, как невидимые экраны, от суровой реальности наших отношений и от всех преград, что до сих пор лежат между нами.

– Я, кажется, слышал, как он вышел из ванной, – говорит Хардин прежним тоном.

– Пойду пожелаю ему спокойной ночи. – Я выкручиваюсь из объятий Хардина и целую его в лоб.

В гостиной сразу замечаю, как странно смотрится одежда Хардина на отце, но, по крайней мере, сидит она лучше, чем я ожидала.

– Еще раз спасибо за одежду. Я оставлю ее здесь, когда буду утром уходить, – говорит он.

– Да все нормально, можешь забрать ее… если тебе нужно.

Он садится на диван, кладя руки на колени.

– Ты уже сделала для меня гораздо больше, чем я заслуживаю.

– Все нормально, правда.

– Ты гораздо более понимающий человек, чем твоя мама, – улыбается отец.

– Не уверена, что правильно все понимаю, но я хочу прояснить для себя ситуацию до конца.

– Все, чего я прошу, это немного времени, чтобы познакомиться немного с… ну, с моей взрослой дочерью.

Я натянуто улыбаюсь:

– Я бы тоже этого хотела.

Я знаю, он прошел долгий путь, и я не забыла его в ту ночь. Но он мой отец, и у меня нет сил его ненавидеть. Мне хочется верить, что он может измениться; я уже видела, что это возможно. Отец Хардина, например, полностью изменил свою жизнь, хотя Хардин так и не смог позабыть его тяжелое прошлое. Я видела, как изменился Хардин. А поскольку таких же упрямцев, как он, еще поискать, думаю, есть шанс и у моего отца, неважно, сколько горя он хлебнул.

– Хардин меня ненавидит. Чувствую, мне надо удавиться, чтоб ему понравиться.

У отца заразительное чувство юмора, я хихикаю.

– Да уж, это точно.

Смотрю в коридор и вижу мрачного парня в черном, подозрительно наблюдающего за нами.

Глава 4

Тесса

– Выключи его, – стонет Хардин, когда будильник начинает греметь в темной спальне.

Шарю впотьмах в поисках телефона, наконец я бью пальцем по экрану, и неприятный звук прекращается. Сажусь на постели, и плечи тянет вниз под весом сегодняшней угрозы: решение университета об отчислении Хардина, возможность предъявления Зедом обвинений против него и, наконец, предполагаемая реакция Хардина на сообщение о том, что я хочу перебраться в филиал Vance Publishing в Сиэтле и что я хочу, чтобы он тоже туда поехал, хотя он во всеуслышание заявлял, что ненавидит этот город. Не знаю, что меня пугает больше. Когда я включаю свет в ванной и плещу холодной водой себе в лицо, то понимаю, что обвинения в нападении – самое худшее. Если Хардин окажется в тюрьме, я понятия не имею, что мне делать и что будет делать он. Даже мысль об этом вызывает у меня тошноту. Вспоминаю о просьбе Зеда о встрече и прокручиваю всевозможные варианты тем нашего разговора, особенно с учетом его фразы о «влюбленности по уши» в меня, сказанной во время нашей последней встречи.

Прижимаю висящее на стене полотенце к лицу и делаю глубокий вдох.

Должна ли я ответить Зеду или, по крайней мере, узнать то, чего он хочет? Может быть, он объяснит, почему он сказал Тристану про обвинения одно, а мне другое? Мне не очень удобно просить его не поступать так после того, как Хардин сильно избил его, но я люблю Хардина, а у Зеда были те же самые намерения, что и у Хардина в самом начале, – он стремился выиграть пари. Оба хороши.

Прежде чем успеваю хорошенько подумать о последствиях, я уже набираю эсэмэс. Я всего лишь пытаюсь помочь Хардину. Будь что будет, решаю я, нажимаю «Отправить» и переключаюсь на прическу и макияж.

Когда я вижу аккуратно сложенное одеяло на подлокотнике дивана, мое сердце стонет. Он ушел? Как мне с ним связаться…

Мягкий стук открывающихся полок на кухне возвращает меня к реальности. Войдя в темную кухню, включаю свет – и отец вздрагивает, с грохотом роняя ложку на кафельный пол.

– Извини, я старался вести себя потише, – говорит он, быстро наклоняясь.

– Ничего, все нормально. Я проснулась. Ты мог бы включить свет, – тихонько смеюсь я.

– Не хотел вас разбудить. Просто пытался сварить кофе; надеюсь, что ты не против.

– Конечно, нет. – Я ставлю кофейник и смотрю на часы. Через пятнадцать минут нужно разбудить Хардина.

– Какие у вас на сегодня планы? – спрашивает он с полным ртом любимых хлопьев Хардина.

– Ну, у меня сегодня занятия, а Хардина вызвали в ректорат на комиссию.

– На комиссию? Серьезно…

Я смотрю на отца, пытаясь понять, стоит ли ему рассказывать. Решив, что раз начала, то надо продолжать, я объясняю:

– Он подрался в кампусе.

– И из-за этого его вызвали на комиссию? В мое время бы погрозили пальцем, и все.

– Он разбил много вещей, дорогую частную собственность, и сломал парню нос.

Я вздыхаю, размешивая ложкой сахар в кофе. Мне сегодня потребуется много сил.

– Прекрасно. А из-за чего же была драка?

– Кажется, из-за меня. Он очень долго держался, но под конец не выдержал и… взорвался.

– Ну, я еще больше похож на него, чем думал прошлым вечером, – сияет отец.

Хотя мне приятно, что он тепло относится к моему парню, причина не очень достойная. Я не хочу, чтобы они сошлись на теме насилия.

Я качаю головой и проглатываю полкружки кофе, позволяя горячей жидкости успокоить расшатанные нервы.

– Откуда он? – Кажется, он искренне хочет получше узнать Хардина.

– Из Англии.

– Я так и думал, судя по акценту. Хотя я иногда путаю его с австралийским. Значит, его семья все еще там?

– Мать. Отец здесь. Он ректор нашего университета.

В глазах отца загорается любопытство.

– Глупо получится, если его отчислят.

– Очень, – вздыхаю я.

– Твоя мать его видела? – спрашивает он, зачерпывая большую ложку хлопьев.

– Да, она его ненавидит. – Я хмурюсь.

– Ненависть – слишком сильное слово.

– Поверь мне, в данном случае оно еще недостаточно точное.

Боль от мысли о разрыве с матерью сейчас кажется гораздо слабее, чем раньше. Не знаю, хорошо ли это.

Отец кладет ложку и несколько раз кивает.

– Она, может быть, несколько твердолобая, но она просто беспокоится о тебе.

– Ей не о чем беспокоиться. Со мной все в порядке.

– Она должна сама до этого дойти; тебе не нужно выбирать между двумя близкими людьми. – Отец улыбается. – Твоя бабушка тоже была не в восторге от меня – ее, наверное, и на том свете от меня перекашивает, как говорится.

Это так странно – через столько лет сидеть на кухне с отцом и трепаться за чашкой кофе и тарелкой хлопьев.

– Мне просто тяжело от того, что мы всегда были очень близки… настолько близки, насколько с ней это возможно, по крайней мере.

– Она всегда хотела, чтобы ты была такая же, как она; она была уверена, что ты станешь такой с пеленок. Она ведь неплохой человек, Тесси. Просто боится.

Я гляжу на него с недоумением.

– Чего боится?

– Всего. Боится потерять контроль. Я уверен, что, встретив тебя с Хардином, она ужаснулась именно тому, что поняла, что уже не имеет над тобой власти.

Я смотрю на пустую кружку.

– Из-за этого ты ушел? Потому что она хотела все контролировать?

Отец негромко кряхтит.

– Нет, я ушел, потому что у меня были свои проблемы и мы не очень хорошо подходили друг другу. Не беспокойся о нас, – смеется он. – Думай лучше о себе и своем вспыльчивом друге.

Не могу представить себе, что человек, сидящий сейчас передо мной, и моя мать способны поддерживать беседу, они такие разные! Гляжу на часы и понимаю, что уже девятый час.

Я встаю и кладу кружку в посудомоечную машину.

– Мне надо разбудить Хардина. Вчера вечером я бросила твою одежду в стирку. Сейчас переоденусь и принесу ее.

Захожу в спальню и вижу, что Хардин не спит. Когда я вижу, что он натягивает черную футболку, я предлагаю:

– Может, наденешь что-нибудь более строгое?

– Зачем?

– Затем, что они будут принимать решение о твоем будущем обучении, а черная футболка не сигнализирует о твоей заинтересованности. Потом можешь переодеться, но сейчас, я считаю, тебе нужно одеться солидно.

– Чеееерт! – тянет он, запрокидывая голову назад.

Я прохожу мимо него к шкафу и достаю черную рубашку и брюки.

– Только не брюки – ради бога, нет!

Я передаю их ему.

– Это только на некоторое время.

Он держит одежду, словно это ядерные отходы или артефакт с другой планеты.

– Если я напялю это дерьмо, а меня все-таки выгонят, я сожгу к черту весь этот городок.

– Ты слишком драматично все воспринимаешь.

Я закатываю глаза, но Хардину явно не до смеха. Он начинает переодеваться.

– Наша квартира по-прежнему работает в качестве приюта для бездомных?

Я бросаю рубашку вместе с вешалкой на кровать и поворачиваюсь к двери.

Хардин резко проводит по волосам.

– Черт возьми, Тесс, я извиняюсь. Я просто не в себе от того, что не могу даже трахнуть тебя по-человечески, потому что твой папа спит на нашем диване.

Его грубые слова возбуждают меня, но он прав: присутствие отца в соседней комнате – серьезное препятствие. Я подхожу к Хардину поближе и осторожно отвожу его длинные пальцы от верхней пуговицы рубашки, с которой он не может справиться.

– Разреши мне, – предлагаю я.

Взгляд смягчается, но я вижу, что Хардин начинает волноваться. Терпеть не могу видеть его таким, это так необычно. Он всегда так спокоен и ни о чем не беспокоится, разве что обо мне, и даже в этом случае умеет скрывать свои чувства.

– Все будет хорошо, малыш. Все пройдет удачно.

– Малыш? – Он резко усмехается, и я вспыхиваю.

– Да… малыш. – Я поправляю ему воротник, и он наклоняется, чтобы поцеловать меня в кончик носа.

– Ты права; на худой конец, уедем в Англию.

Не обращаю внимания на комментарий, возвращаясь к шкафу, чтобы выбрать себе одежду.

– Как думаешь, мне разрешат тебя сопровождать? – спрашиваю я, раздумывая, что бы надеть.

– Ты этого хочешь?

– Если разрешат.

Я хватаю новое фиолетовое платье, которое хотела надеть завтра на работу. Натягиваю его так быстро, как это возможно. Я выбираю к нему черные туфли на каблуках и выхожу, одергивая платье спереди.

– Ты не мог бы мне помочь? – прошу я Хардина, поворачиваясь к нему спиной.

– Ты нарочно меня мучаешь. – Его пальцы скользят по моим голым плечам и вниз по спине, отчего по коже бегут мурашки.

– Извини. – В горле пересохло.

Он медленно застегивает молнию и прижимается губами к моему затылку. Я дрожу.

– Нам нужно поторопиться, – говорю я, и он стонет, сжимая пальцами мои бедра.

– По дороге я собираюсь позвонить отцу. Нам надо подбросить… твоего отца куда-нибудь?

– Я его сейчас спрошу. Ты захватишь мою сумку? – спрашиваю я, и он кивает.

– Тесс? – окликает он меня, когда я берусь за дверную ручку. – Мне нравится, как ты одета. И ты. То есть я люблю тебя, конечно… и твое новое платье, – путается он. – Я люблю тебя и твою модную одежду.

Я делаю реверанс и поворачиваюсь вокруг себя, чтобы он меня рассмотрел. Я, конечно, ненавижу, когда Хардин нервничает, но иногда это даже привлекательно, потому что напоминает мне, что, в конце концов, он не так уж жесток.

Отец дремлет на диване в гостиной. Не знаю, стоит ли мне разбудить его или оставить отдохнуть, пока мы не вернемся из кампуса.

– Пусть спит, – отвечает на мои мысли подошедший Хардин.

Быстро набрасываю записку: объясняю, когда мы вернемся, и даю наши телефонные номера. Сомневаюсь, что у отца есть мобильный телефон, но на всякий случай я решаю их оставить.

Дорога до кампуса недолгая, слишком недолгая, и Хардин выглядит так, будто готов наорать на кого-нибудь или ударить. Когда мы прибываем на место, он оглядывает стоянку в поисках автомобиля Кена.

– Он сказал, что мы встретимся здесь, – говорит Хардин, пятый раз за пять минут проверяя экран мобильника.

– Вот он, – указываю я на серебристо-серый автомобиль, заезжающий на стоянку.

– Наконец-то! Какого хрена он так долго?

– Будь с ним вежлив, он делает это для тебя. Пожалуйста, просто будь помягче, – прошу я. Хардин расстроенно вздыхает, но соглашается.

К удивлению Хардина, Кен привез с собой жену Карен и сводного брата Хардина, Лэндона, которому я приветливо улыбаюсь. Я люблю их за то, что они поддерживают Хардина, даже когда он ведет себя так, словно не нуждается в их поддержке.

– Тебе что, нечем заняться? – говорит Хардин Лэндону, когда они приветствуют нас.

– А тебе? – отвечает Лэндон, заставляя Хардина усмехнуться.

Слушая их пререкания, Карен радостно улыбается, что резко контрастирует с выражением ее лица, с которым она выходила из машины.

Когда мы подходим к административному зданию, Кен говорит:

– Надеюсь, это будет недолго. Я попросил всех, кого мог, написать на тебя отзывы и молюсь, чтобы все прошло удачно. – Остановившись на минуту, он поворачивается к Хардину. – Позволь мне там говорить – это необходимо. – Он смотрит на сына, ожидая его согласия.

– Ладно, хорошо, – легко соглашается Хардин.

Кен кивает и рывком открывает большие деревянные двери, впуская нас внутрь. Оглянувшись через плечо, авторитетно произносит:

– Тесса, извини, но ты не можешь зайти с нами. Я не хочу тебя огорчать, но тебе придется подождать нас снаружи. – Он поворачивается ко мне, улыбаясь как можно более дружески.

Хардин автоматически переходит в режим полной паники.

– Что значит «она не может войти внутрь»? Она нужна мне там!

– Я понимаю. Мне очень жаль, но присутствовать могут только члены семьи, – отвечает отец, ведя нас по коридору. – Если она не является свидетелем, то даже тогда будет большой конфликт интересов сторон.

Кен останавливается перед конференц-залом и заявляет:

– А я не могу допустить заинтересованности наблюдателей и необъективности, пока я ректор. Но ты мой сын, и давай нарушение будет только в этом, ладно?

Я обращаюсь к Хардину:

– Он прав, так будет лучше. Все нормально, – уверяю я.

Он отпускает мою руку и кивает, бросая на отца взгляды, полные яда.

Кен вздыхает и говорит:

– Хардин, пожалуйста, постарайся произвести самое…

Хардин поднимает руку.

– Хорошо, хорошо, – говорит он и целует меня в лоб.

Все четверо заходят в комнату. Я было хочу попросить Лэндона подождать со мной, но понимаю, что он нужнее Хардину, признает тот это или нет. Я чувствую себя совершенно бесполезной здесь, вне комнаты, где несколько мрачных мужчин в костюмах будут решать, станет ли Хардин учиться дальше. Но, может, есть один способ, которым я могу помочь…

Я достаю телефон и пишу Зеду.

«Я в административном корпусе, можешь приехать сюда?»

Я смотрю на экран, ожидая ответа, и экран вспыхивает меньше чем через минуту.

«Да, я еду».

«Я буду снаружи», – отправляю я эсэмэску.

Бросив последний взгляд на дверь, выхожу из здания. Холодно, слишком холодно, чтобы ждать тут, в коротком платье до колен, но у меня нет выбора.

Через некоторое время, когда я уже решаю вернуться внутрь, на стоянку въезжает старый джип Зеда. Он выходит, одетый в черную толстовку и темные джинсы. Ужасаюсь глубоким кровоподтекам на его лице, несмотря на то что видела их только вчера. Он прячет руки в карманы.

– Привет.

– Привет. Спасибо, что встретился со мной.

– Это была моя идея, помнишь? – улыбается он, и я чувствую себя немного менее нерешительной.

Я улыбаюсь в ответ.

– Думаю, ты прав.

– Я хочу поговорить с тобой о том, что ты сказала в больнице, – говорит он, и это именно то, о чем я планировала поговорить.

– Я тоже.

– Тогда начинай первая.

– Стеф сказала, что ты говорил Тристану, что ты выдвинешь обвинения против Хардина. – Я стараюсь не смотреть на его синяк и заплывшие глаза.

– Да, это так.

– Но мне ты сказал, что не будешь выдвигать обвинения. Почему ты соврал? – Я уверена, что он слышит, как дрожит мой голос.

– Я не соврал, я действительно так думал, когда это сказал.

Я делаю шаг к нему.

– Значит, ты передумал?

Он пожимает плечами:

– Все очень непросто. Я думал обо всем том дерьме, что он натворил по отношению ко мне и к тебе. Он не заслуживает того, чтобы просто так отделаться. – Зед показывает на свое лицо. – Господи, да ты посмотри на меня!

Я не знаю, что я могу ответить Зеду. Он имеет право быть обиженным на Хардина, но я хочу, чтобы он не предпринимал против него юридические действия.

– У него уже проблемы с университетом, – говорю я, надеясь, что он изменит решение.

– Ну, он не пропадет; Стеф рассказала мне, что его папаша ректор, – издевается он.

Черт возьми, Стеф, зачем ты ему это рассказала? Я согласно киваю.

– Это не значит, что у него не будет проблем.

Но мои слова только раздражают его.

– Тесса, почему ты всегда кидаешься его защищать? Независимо от того, что он делает, ты всегда борешься на его стороне!

– Это неправда, – вру я.

– Нет, это правда! – Он недоверчиво машет рукой. – Ты знаешь, что так и есть! Ты говорила, что ты думаешь о том, чтобы уйти от него, но день спустя я видел тебя с ним в тату-салоне. Это бессмысленно.

– Я знаю, ты не понимаешь, но я люблю его.

– Если ты его так сильно любишь, почему убегаешь от него в Сиэтл?

Меня как громом поражает. На секунду теряюсь, но затем отвечаю:

– Я не убегаю. Я собираюсь переехать, потому что там больше возможностей.

– Он за тобой не поедет. Так говорят в нашей компании, ты в курсе?

Что?

– Он собирался, – вру я.

Но я точно могу сказать, что Зед видит его насквозь.

Он задумчиво смотрит в сторону, затем переводит взгляд на меня.

– Если ты скажешь, что не испытываешь ко мне никаких чувств, вообще никаких, я сниму обвинения.

В этот момент мне начинает казаться, что ветер усилился и воздух стал еще холоднее.

– Что?

– Ты слышала. Скажи мне, чтобы я оставил тебя в покое и никогда больше не заговаривал, и я это сделаю.

Его просьба напоминает то, что говорил Хардин когда-то очень давно.

– Но я этого не хочу; я не хочу больше никогда не говорить с тобой, – признаюсь я.

– Так чего же ты хочешь? – спрашивает он, и в голосе его звучит печаль и гнев. – Мне кажется, ты так же запуталась, как и я! Ты пишешь мне эсэмэски и встречаешься со мной; ты целуешь меня, спишь со мной в одной постели; ты приходишь ко мне, когда он причиняет тебе боль! Чего ты от меня хочешь?

Я думала, что уже прояснила все свои намерения в больнице.

– Я не знаю, чего я хочу от тебя, но я люблю его, и этого не изменить. Мне жаль, что я давала тебе неясные намеки, но я…

– Объясни, почему ты собираешься на неделю в Сиэтл и не говоришь ему об этом! – кричит он, размахивая руками.

– Я не знаю… Я собиралась сказать ему, когда подвернется возможность.

– Ты не говоришь ему, потому что знаешь, что он тебя бросит, – резко говорит Зед, глядя мимо меня.

– Ох… ладно… – Я не знаю, что ответить, потому что действительно боюсь, что Зед окажется прав.

– Знаешь, что я думаю, Тесса? Вскоре ты можешь меня поблагодарить.

– За что?

Я смотрю, как его губы растягиваются в злобной ухмылке. Зед вытягивает руку, указывая на что-то позади меня, и я вздрагиваю.

– За то, что сказал это за тебя.

Я знаю, что, когда обернусь, там будет стоять Хардин. Клянусь, я слышу его прерывистое дыхание сквозь холодный зимний ветер.

Глава 5

Хардин

Когда я выхожу на улицу, вокруг свищет ветер и доносит до меня голос, который я совсем не ожидаю услышать. Я в жизни слышал много плохого о себе от чужих людей и должен бы научиться оставаться спокойным. И все, что я хотел бы слышать, был голос моей девушки, моего ангела.

И я слышал ее голос. Но слышал и его. Я поворачиваюсь, и действительно, это он. Они оба там. Тесса и Зед.

Первая моя мысль: какого хрена они здесь? Какого хрена Тесса с ним разговаривает? Какую часть фразы «Держись, блин, от него подальше» она не поняла?

Когда этот ублюдок повысил на нее голос, я стал приближаться к ним: никто не смеет так с ней разговаривать. Но когда он упомянул Сиэтл… я остановился. Тесса собирается поехать в Сиэтл?

И даже Зед знал об этом, но не я?

Это невозможно, этого просто не может быть, она никогда никуда не планирует ехать, не сказав мне…

Безумные глаза Зеда и ухмылка этого говноеда нарочно дразнят меня, когда я пытаюсь собрать свои разбегающиеся мысли. Тесса поворачивается ко мне, все ее движения удивительно медленные. Распахнутые серо-голубые глаза изумленно встречают мой взгляд.

– Хардин… – Я вижу, как она произносит слова, но голос ее так тих, что звук относится ветром.

Не зная, что сказать, я стою на месте, хватая ртом воздух несчетное число раз, пока с губ моих не срываются слова:

– Значит, такой у тебя был план?

Она отбрасывает волосы с лица, поджимает губы и непрерывно потирает руки, сложив их на груди.

– Нет! Это не так, Хардин, я…

– Вы оба – гребаные махинаторы, так? Ты… – Я указываю на этого ублюдка. – Ты строишь интриги и планы за моей спиной и подкатываешь к моей девушке, как только я отвернусь, снова и снова, мать твою. Что бы я ни делал, сколько бы ни разбивал твою проклятую рожу, ты опять ползешь обратно, как гребаный таракан.

К моему удивлению, он еще пытается что-то вякнуть:

– Она…

– А ты… – обращаюсь я к девочке-блондинке, чей острый черный каблук подмял под себя весь мой мир. – Ты, ты продолжаешь играть со мной, будто ты моя, а на самом деле планируешь оставить меня! Ты знаешь, что я не поеду в Сиэтл, и ты планируешь свалить туда – даже не сказав мне!

Ее глаза стекленеют, она произносит умоляющим голосом:

– Именно поэтому я и не сказала тебе, Хардин, ты же…

– Хватит этой чертовой болтовни! – говорю я, и она прижимает руки к груди, будто мои слова ее ранят. Может быть, так и есть. Может быть, я даже хочу, чтобы она почувствовала то, что чувствую я. Как она могла так унизить меня – перед Зедом, перед всеми? – Почему он здесь? – спрашиваю я.

Он без причины самодовольно усмехается, когда Тесса оглядывается на него, а затем снова смотрит на меня.

– Я попросила его встретиться со мной.

Я отшатываюсь в притворном изумлении. Или, может, для меня это действительно сюрприз – не могу сказать, что это за чувство, все происходит слишком быстро.

– Ну, приехали! У вас тут важная встреча.

– Я только хотела поговорить с ним об обвинении. Я пытаюсь помочь тебе, Хардин. Пожалуйста, выслушай меня.

Она подходит ко мне, снова отбрасывая волосы с лица.

Я качаю головой:

– Ерунда! Я все слышал, весь ваш разговор. Если ты его не хочешь, скажи это ему прямо сейчас, на моих глазах.

Ее влажные глаза молча умоляют меня отказаться, не заставлять ее унижаться при мне, но я непоколебим.

– Говори, или между нами все кончено.

Слова жгут мне язык, словно кислота.

– Я не хочу тебя, Зед, – говорит она при мне.

В ее голосе чувствуется истерика, я знаю, что это причиняет ей боль.

– Совсем? – спрашиваю я, копируя усмешку Зеда.

– Совсем. – Она морщится, и он проводит рукой по волосам.

– Ты никогда не хочешь его больше видеть, – диктую я. – Повернись и скажи ему это.

Но тут начинает Зед:

– Хардин, прекрати. Оставь ее в покое. Я получил сообщение. Тебе приходится играть в его идиотские игры, Тесса. Я понимаю, – говорит он. Он жалок, как обиженный ребенок.

– Тесса… – начинаю я, но она смотрит на меня – и от того, что я вижу в ее глазах, ноги становятся ватными. Отвращение – ее взгляд полон отвращения ко мне.

Она делает шаг навстречу.

– Нет, Хардин, я не буду этого говорить. Не потому, что я хочу быть с ним, а потому, что мне не хочется этого говорить. Я люблю одного тебя, но ты делаешь это только для того, чтобы настоять на своем. Это отвратительно, это жестоко, и я не буду помогать тебе.

Она закусывает губу, чтобы не расплакаться.

Что, черт возьми, я творю?

В ярости она бросает мне:

– Я еду домой; когда захочешь поговорить о Сиэтле, я буду там.

Она поворачивается, собираясь уйти.

– Без меня тебе не попасть домой! – кричу я.

Зед протягивает ей руку.

– Я подвезу ее.

Внутри меня что-то переворачивается.

– Если бы я и так не был из-за тебя в полном дерьме, то прикончил бы тебя прямо сейчас. Не просто переломал бы тебе кости, а буквально раскроил бы твой череп об асфальт и смотрел бы, как ты истекаешь кровью…

– Прекрати! – кричит Тесса, отворачиваясь и затыкая уши.

– Тесса, если хочешь… – тихо говорит Зед.

– Зед, я ценю все, что ты сделал, но тебе действительно нужно сейчас остановиться.

Она пытается казаться суровой, но с треском проваливается. Последний раз, тяжело вздохнув, она поворачивается на каблуках и уходит.

Я спешу к машине, и как только оказываюсь возле нее, отец и Лэндон – тут как тут, черт возьми. Я слышу, как позади меня стучат каблуки Тессы.

– Мы уезжаем, – говорю я прежде, чем они успевают открыть рот.

– Я тебе скоро позвоню, – сообщает она Лэндону.

– Насчет среды все в силе, правда? – спрашивает он.

Она улыбается ему фальшивой улыбкой, скрывая панику.

– Да, конечно.

Лэндон глядит на меня, видимо, почувствовав напряжение между нами.

– Я тебе позвоню, – повторяет она и прощается с моим отцом.

Пока она застегивает ремень безопасности, я врубаю музыку.

– Начинай, – говорит она без единой эмоции в голосе.

– Что?

– Давай начинай на меня орать. Я знаю, ты собираешься это сделать.

Я ошеломленно молчу от ее проницательности. Конечно, я планировал орать на нее, но то, что она этого ждет, застает меня врасплох.

Разумеется, она этого ждет, так происходит постоянно. Именно так я и поступаю…

– Ну так что? – Ее губы сжимаются в тонкую линию.

– Я не собираюсь на тебя орать.

Мгновение она смотрит на меня, потом отворачивается к окну.

– Я не знаю, что делать, кроме как орать… в этом-то и проблема. – Я устало вздыхаю, опираясь лбом на рулевое колесо.

– Я не собиралась делать это тайком, Хардин, это случайность.

– Да уж, блин, похоже на то.

– Я бы так никогда с тобой не поступила. Я люблю тебя. Ты поймешь это, когда все закончится.

Ее слова сразу бьют по мне, и я завожусь.

– Я так понял, что ты уедешь скоро. Я даже не знаю когда – и мы вместе живем, Тесса. Мы с тобой делим одну гребаную кровать – и ты собираешься просто взять и от меня уйти? Я всегда знал, что ты можешь так поступить.

Я слышу щелчок ремня безопасности, потом чувствую, как ее рука откидывает меня за плечи. Через несколько секунд она – у меня на коленях, голые бедра обвивают меня, холодные руки обнимают за шею, лицо, мокрое от слез, утыкается в грудь.

– Отстань от меня, – говорю я, пытаясь расцепить ее руки.

– Почему ты всегда думаешь, что я собираюсь тебя бросить? – Она прижимается ко мне крепче.

– Потому что так и есть.

– Я собираюсь в Сиэтл не для того, чтобы бросить тебя, это важно для меня и моей карьеры. Я всегда мечтала туда попасть, это невероятные возможности. Я спрашивала у мистера Вэнса, когда мы выясняли, чем собираемся там заниматься, и я столько раз хотела рассказать тебе, но ты либо перебивал меня, либо не хотел говорить серьезно.

Перед глазами стоит только одна картина: она пакует вещи и уходит от меня, не оставив даже записки на столе.

– Не надо обвинять меня. – Мой голос звучит не так убедительно, как бы я хотел.

– Я тебя не обвиняю, но я знаю, что ты бы меня не поддержал; а для меня это очень важно.

– Что ты собираешься делать? Если ты уедешь, я не смогу быть с тобой. Я люблю тебя, Тесса, но перебираться в Сиэтл не собираюсь.

– Почему? Ты даже не знаешь, нравится он тебе или нет. Мы могли бы хотя бы попробовать, а если ты не сможешь его терпеть, мы могли бы уехать в Англию… наверное, – говорит она, садясь рядом.

– Ты тоже не знаешь, понравится ли тебе там. – Я смотрю на нее пустым взглядом. – Извини, но тебе придется выбирать: или я, или Сиэтл.

Она глядит на меня, потом молча возвращается в пассажирское кресло.

– Ты не должна решать прямо сейчас, но время идет.

Я разворачиваю машину и выезжаю с парковки.

– Невероятно, ты ставишь меня перед таким выбором. – Она на меня не смотрит.

– Ты знала, как я отношусь к Сиэтлу. Тебе повезло, что я сдержался там, пока ты с ним разговаривала.

– Мне повезло? – с издевкой переспрашивает она.

– Сегодня и так паршивый день; давай больше не будем ссориться. Мне нужно твое решение в пятницу. Если, конечно, к тому времени ты не уедешь.

Эта мысль заставляет меня замереть. Я знаю, что она выберет меня, она должна. Мы можем уехать в Англию и избежать всего этого. Она ни слова не сказала о пропущенных сегодня занятиях, и я рад, что не придется ругаться еще и по этому поводу.

– Ты становишься таким эгоистом, – бросает она мне.

Я не спорю, потому что знаю, что она права.

– Ну, можно сказать, что не менее эгоистично не рассказывать кому-то, когда планируешь его покинуть. Где ты собираешься жить? У тебя уже есть квартира?

– Нет, но завтра посмотрю одну. Среду мы оставим на поездку к семье. – До меня не сразу доходит, что она имеет в виду.

– Мы?

– Ты сказал, что пойдешь…

– Я еще не оправился от новости с гребаным Сиэтлом, Тесса. – Я знаю, что веду себя, как последний урод, но ничего не могу поделать. – И не будем забывать, что ты звонила Зеду, – добавляю я.

Пока я веду машину, Тесса молчит. Я вынужден несколько раз взглянуть на нее, чтобы убедиться, что она не заснула.

– Ты со мной не разговариваешь? – наконец спрашиваю я, когда мы приближаемся к парковке возле нашей… моей квартиры.

– Я не знаю, что сказать, – отвечает она тихим, усталым голосом.

Я останавливаюсь и тут же вспоминаю. Черт.

– Твой папа все еще тут, так ведь?

– Не знаю, может, куда-нибудь ушел, – говорит она, не глядя на меня.

Мы выходим из машины, и я говорю:

– Ладно, когда мы поднимемся, я спрошу, куда его отвезти.

– Нет, я его подвезу, – бормочет она.

Несмотря на то что моя девушка идет рядом, ощущение, что она сейчас – в миле от меня.

Глава 6

Тесса

Я слишком раздосадована на Хардина, чтобы спорить, а он слишком зол, чтобы разговаривать без крика. На самом деле он воспринял новость лучше, чем я ожидала, но как он мог заставить меня выбирать? Он знает, что Сиэтл для меня важен, и я не понимаю, из чего он делает такую проблему – это ранит меня больше всего. Он всегда говорил, что он не может находиться далеко от меня, что не может без меня жить, но при этом ставит передо мной ультиматум, и это несправедливо.

– Если он стащил что-нибудь из нашего барахла… – начинает Хардин, когда мы приближаемся к квартире.

– Достаточно. – Надеюсь, что в моем тихом ответе он услышит усталость и не будет продолжать.

– Я просто говорю.

Вставляю ключ в замок и поворачиваю его, быстро оценивая сказанное. Я ведь и правда не знаю этого человека.

Вся паранойя рассеивается, когда мы заходим. Отец откинулся на подлокотник дивана, и из его приоткрытого рта вырывается громкий храп. Без лишних слов Хардин отправляется в спальню, а я захожу на кухню выпить воды и подумать о том, что делать дальше. Меньше всего мне хочется сейчас ссориться с Хардином, но то, что он думает только о себе, меня обижает. Я понимаю, он сильно изменился, упорно работает над собой, но я дала ему шанс после всего, что было, после бесконечных циклов расставаний и примирений, от которых бы передернуло даже Кэтрин Эрншо. Не знаю, как долго я смогу держаться на плаву и бороться с накатывающими волнами, которые мы называем нашими отношениями. Каждый раз, когда мне начинает казаться, что я твердо держусь, очередной конфликт с Хардином затягивает меня под воду.

Через несколько минут встаю и смотрю на отца: он так громко храпит, что я сочла бы это забавным, если бы не была так погружена в собственные дела. Решаю действовать по ситуации и иду в спальню.

Хардин лежит на спине, положив руки за голову и глядя в потолок. Я уже открываю рот, но он начинает первый:

– Меня отчислили. Если тебе это интересно…

Сердце замирает. Я резко поворачиваюсь к нему.

– Что?

– Да. Естественно, чего еще было ждать. – Он пожимает плечами.

– Мне очень жаль. Я должна была раньше тебя спросить.

Я была уверена, что Кен сможет вытащить сына из этой передряги. Я совершенно растеряна.

– Все нормально. Ты же все равно поглощена Зедом и планами о Сиэтле, забыла?

Я сажусь на край кровати, подальше от него, изо всех сил стараясь сдержаться и ничего не говорить. На это требуется большое усилие.

– Я пыталась узнать, будет ли он выдвигать обвинения против тебя. Я знаю, что ты расстроен, но не надо относиться ко мне так неуважительно.

Стараюсь говорить медленнее, надеясь, что он воспримет сказанное.

На мгновение он теряется, но быстро приходит в себя.

– Прости?

Я стараюсь держаться как можно более нейтрально, точнее, пытаюсь создать такое впечатление.

– Ты слышал, что я сказала: перестань так со мной разговаривать.

– Извини, меня выгнали с учебы, потом я узнал, что ты собираешься в Сиэтл. Я бы сказал, что имею право немного рассердиться.

– Да, но ты не имеешь права быть дураком. Я надеялась, что мы можем поговорить об этом и решить все, как взрослые люди… на этот раз.

– Что это значит? – Он садится, но я продолжаю держать дистанцию.

– Это значит, что после полугода наших сумбурных отношений мы можем решить все без ухода кого-то из нас и без битья посуды.

– Полугода? – Он изумленно открывает рот.

– Да, полугода, – стараюсь не смотреть ему в глаза. – С момента нашей встречи.

– Я и не думал, что это было так давно.

– Тем не менее. – А для меня это словно целая жизнь.

– Это не такой уж долгий срок…

– Разве для тебя это проблема? То, что мы слишком долго вместе? – Я наконец ловлю взгляд его зеленых глаз.

– Нет, просто это странно. Я никогда ни с кем не находился в таких долгих отношениях.

– Ну, мы не были все это время в отношениях. Большую часть времени мы провели в ссорах и избегая друг друга, – напоминаю я.

– Как долго ты встречалась с Ноем?

Удивительный вопрос! Мы несколько раз обсуждали мои отношения с Ноем, и обычно эти разговоры длились не более пяти минут, преждевременно завершаясь из-за ревности Хардина.

– Мы были лучшими друзьями. Насколько я помню, познакомились в школе. Кажется, мы и до этого знали друг друга, только не особо общались.

Я внимательно смотрю Хардину в глаза и жду его реакции.

Воспоминание о Ное заставляет осознать, как я соскучилась по нему – не как по бывшему парню, а как по члену семьи, с которым находишься в долгой разлуке.

– А. – Хардин кладет руки на колени, и мне хочется наклониться и сжать их своими руками. – Вы с ним ссорились?

– Иногда. Но наши ссоры были из-за чего-то вроде того, какой фильм посмотреть, или если он опаздывал, когда надо было меня забрать.

Он смотрит на свои ладони.

– Значит, не так, как мы?

– Не думаю, что люди ссорятся так же часто, как мы. – Я улыбаюсь, пытаясь его успокоить.

– Чем вы еще занимались? Я имею в виду, с ним, – спрашивает он, и я готова поклясться, что на месте Хардина сейчас сидит большой зеленоглазый ребенок, глаза которого сверкают, а руки почти дрожат от переполняющих его чувств.

Я нежно пожимаю плечами.

– На самом деле ничем таким особенным – в основном мы вместе делали уроки или смотрели кино. Со стороны мы больше были похожи на лучших друзей.

– Ты его любила, – напоминает мне ребенок напротив.

– Не так, как тебя, – говорю я ему так же, как и тысячу раз до этого.

– А ты бы отказалась от Сиэтла ради него?

Он разглядывает грязь под ногтями. Когда он снова смотрит на меня, в его взгляде сквозит неуверенность. Вот, значит, почему мы говорим о Ное: заниженная самооценка Хардина снова заставляет его сравнивать себя с тем, кто, по его мнению, лучше мне подходит.

– Нет.

– Почему нет?

Я тянусь к его руке, чтобы унять детское беспокойство.

– Потому что я вообще не должна выбирать, а он всегда знал о моих мечтах и планах, и мне не было необходимости делать выбор.

– У меня в Сиэтле ничего нет, – вздыхает он.

– Я… у тебя там есть я.

– Этого недостаточно.

Ох… Я отворачиваюсь от него.

– Я знаю, что это хреново звучит, но так и есть. У меня там ничего нет, а у тебя будет новая работа и появятся новые друзья…

– Ты можешь тоже найти новую работу. Кристиан сказал, что даст тебе новую работу, и мы могли бы вместе завести новых друзей.

– Я не хочу на него работать, а люди, которых я выбираю в друзья, и те, кого выбираешь ты, скорее всего, не совпадают. У нас слишком разные критерии.

– Ты не можешь этого знать. Я дружу со Стеф.

– Только потому, что вы были соседками по общежитию. Я не хочу туда переезжать, Тесса, особенно теперь, кода я отчислен. Больше смысла было бы в том, чтобы уехать в Англию и попробовать доучиться там.

– Ты не должен думать только о том, что имеет смысл для одного тебя.

– Учитывая, что ты за моей спиной снова встречалась с Зедом, ты не совсем в том положении, чтобы в чем-то меня обвинять.

– Правда? Потому что ты и я даже не договорились еще, что мы снова вместе. Я согласилась вернуться, ты согласился относиться ко мне лучше. – Я вскакиваю и принимаюсь ходить по комнате взад-вперед. – Ты без моего ведома избил его, в результате тебя отчислили, так что если кто-то и есть не в лучшем положении для обвинений, то это ты.

– Ты скрывала от меня свои планы! – Он повышает голос. – Ты планировала уйти от меня, не говоря ни слова!

– Я знаю! Я прошу за это прощения, но вместо того, чтобы спорить, кто больше виноват, почему бы нам не попытаться все исправить и не прийти к компромиссу?

– Ты… – Он замолкает, вставая с постели. – Ты не…

– Что? – спрашиваю я.

– Не знаю, я даже не могу думать, настолько на тебя зол.

– Мне очень жаль, что так все случилось, но я не знаю, что тебе еще сказать.

– Скажи, что ты не уедешь.

– Я не буду решать это прямо сейчас, я не должна.

– А когда? Я не буду ждать вечно…

– Что ты собираешься сделать, если я решу уехать? Что случилось с твоим «с этого дня я никогда не расстанусь с тобой»?

– Что? Ты еще будешь меня воспитывать? Тебе не кажется, что идеальным временем для того, чтобы свалить в Сиэтл, было бы до того, как я сделал эту гребаную татуировку? А у тебя неплохое чувство юмора. – Он подходит ко мне вплотную, вызывающе глядя на меня.

– Я собиралась!

– Но ты этого не сделала.

– Сколько еще раз ты собираешься мне об этом напомнить? Мы можем пережевывать это весь день, но у меня уже нет сил. С меня хватит, – говорю я.

– Хватит? С тебя хватит? – усмехается он.

– Да, с меня хватит. – Это правда, я больше не могу скандалить с ним о Сиэтле.

Он хватает из шкафа черную толстовку, натягивает ее через голову и зашнуровывает ботинки.

– Куда ты? – спрашиваю я.

– Подальше отсюда, – фыркает он.

– Хардин, ты не должен уходить! – кричу я, но он хлопает дверью, не обращая на меня внимания.

Если бы отец не сидел в гостиной, я побежала бы следом и заставила Хардина остаться.

Но, честно говоря, я устала за ним гоняться.

Глава 7

Хардин

Отец Тессы не спит, сидит на диване, скрестив руки и тупо уставившись в окно.

– Подвезти куда-нибудь? – спрашиваю я.

Эта идея меня совершенно не вдохновляет, но оставлять его наедине с ней совсем уж отвратительно.

Он резко оборачивается ко мне, словно от неожиданности.

– Хм, было бы неплохо. Это тебя не затруднит?

– Нет, – быстро отвечаю я.

– Хорошо, я только хочу попрощаться с Тесси. – Он глядит на дверь спальни.

– Ладно. Я буду в машине.

Иду к выходу, без понятия, куда везти этого старого дурака, но понимаю, что для нас обоих будет хуже, если я сейчас останусь. Я ужасно зол на себя. Я знаю, что она ни в чем не виновата, а я привык нападать на людей, а поскольку она всегда рядом, то легко становится мишенью моего гнева. Я понимаю, что действую, как жалкий ублюдок. В ожидании Ричарда упираюсь взглядом в двери нашего дома. Если он прямо сейчас не выйдет, оставлю его задницу здесь. Но я тут же вздыхаю, понимая, что не хочу оставлять его вместе с ней. Наконец ее отец выходит, на ходу застегивая рукава рубашки. Я ожидал увидеть его в моей одежде, которую дала ему Тесса, но на нем его вчерашнее, только теперь все вещи чистые. Да уж, Тесса, это чертовски приятно.

Он открывает дверцу, и я врубаю радио, надеясь, что музыка не даст поддерживать разговор, если он станет навязываться с беседой.

Облом.

– Она просила передать, чтобы ты был осторожнее, – первым делом говорит он, указывая мне на ремень безопасности. Как стюардесса перед взлетом.

Я слегка киваю и выезжаю на дорогу.

– Как твоя сегодняшняя встреча? – спрашивает он.

– А что? – невежливо отвечаю я.

– Просто интересно. – Он барабанит пальцами по ноге. – Я рад, что она пошла с тобой.

– Ага.

– Она, кажется, очень похожа на мать.

Я поворачиваю голову.

– Ни черта. В ней нет ничего похожего на эту женщину. – Он что, хочет, чтобы я высадил его посреди шоссе?

Он смеется.

– Я имею в виду хорошие качества, конечно. Она очень упряма, как Кэрол. Та добивается того, чего хочет, но Тесси гораздо мягче, нежнее.

Опять это идиотское прозвище!

– Я слышал, как вы ругались. Это меня разбудило.

Я закатываю глаза.

– Прости, что разбудили тебя среди бела дня, когда ты спал на нашем диване.

Он снова усмехается.

– Понимаю, чувак. Ты зол на весь мир. Я тоже таким был. Черт, да я таким и остался. Но когда ты находишь человека, который готов мириться с твоими тараканами, не стоит больше так серчать.

Ну, старый хрен, а что мне прикажешь делать, если именно твоя дочь так меня бесит?

– Слушай, я вполне допускаю, что ты не так плох, как я думал, но я твоего совета не спрашивал, так что не трать время на то, чтобы мне их давать.

– Я не даю совет, я делюсь опытом. Не хотелось бы, чтобы вы в конце концов разбежались.

Мы не разбежимся, придурок. Я всего лишь пытаюсь настоять на своем. Я хочу быть с ней, и я буду; просто нужно убедить ее быть со мной. Меня, блин, совсем не радует, что она снова впутывает во все это Зеда, что бы она там ни объясняла.

Вырубаю это чертово радио.

– Ты меня даже не знаешь – и ее не знаешь, а рассуждаешь об этом. Почему тебе не все равно?

– Потому что я вижу, что ты ей подходишь.

– Правда? – замечаю я самым саркастическим тоном из возможных. К счастью, мы уже подъезжаем к его району, так что этот ужасный разговор скоро закончится.

– Да.

Меня поражает (в этом я, конечно, никогда никому не признаюсь), что когда кто-то говорит, что ты подходишь своей девушке, это довольно приятно, даже если это ее пьяный папаша-придурок. Я чувствую.

– Ты собираешься с ней снова встречаться? – спрашиваю я, затем быстро добавляю: – И куда именно тебя отвезти?

– Просто высади меня у магазина, где мы вчера встретились; вроде там. И да, я надеюсь снова ее увидеть. Я причинил ей много боли, и это нужно компенсировать.

– Это точно, – соглашаюсь я.

Стоянка рядом с тату-салоном пуста, и это вполне объяснимо – нет еще и часа дня.

– Ты мог бы подвезти меня до конца улицы? – просит он.

Я киваю и проезжаю мимо салона. Единственное, что есть в конце этой улицы, – это бар и старая прачечная.

– Спасибо, что подвез.

– Ага.

– Не желаешь зайти? – спрашивает Ричард, кивая на маленький бар.

Опрокинуть по рюмке с бездомным, спившимся отцом Тессы – это совсем не самое разумное из того, что мне следует делать. Однако я не отличаюсь способностью правильно принимать решения.

– А, к черту! – бормочу я, глушу машину и захожу следом. Все равно не знаю, куда мне сейчас податься.

В темном баре пахнет сыростью и виски. Подхожу к маленькой стойке и хватаю стул, оставляя между собой и Ричардом свободное место. К нам подходит тетка средних лет, одетая в то, что, я уверен, больше подошло бы ее дочери-подростку. Молча протягивает отцу Тессы стакан с виски и льдом.

– Что для вас? – спрашивает она голосом, еще более хриплым и низким, чем мой.

– То же, что ему.

Предупреждающий голос Тессы, как колокол в ушах, уговаривает меня не делать этого. Но я отмахиваюсь.

Я поднимаю стакан, мы чокаемся и выпиваем.

– На какие деньги ты пьешь, ведь ты не работаешь? – спрашиваю я его.

– Я тут каждый день убираю и пью бесплатно, – смущенно объясняет он.

– Почему бы тебе не пить и не зарабатывать деньги?

– Не знаю; я пытался, не раз. – Он смотрит на стакан, полуприкрыв веки, и на секунду становится похож на меня. Я вижу в нем тень себя. – Надеюсь, теперь, когда я буду видеться с дочерью чаще, у меня получится.

Я киваю, даже не пытаясь ответить, снова сжимаю стакан. Чувствую знакомое обжигающее тепло от виски, когда запрокидываю голову, допивая остатки. Когда я опускаю стакан на гладкую поверхность стойки, женщина ловит мой взгляд и наливает мне следующий.

Глава 8

Тесса

– Твой папа? – недоверчиво переспрашивает голос Лэндона в трубке.

Я забыла, что так и не смогла рассказать ему о встрече с отцом.

– Да, вчера мы случайно встретились…

– Как он? Что он сказал? Как это произошло?

– Он…

Не знаю почему, но чувствую, что мне стыдно рассказывать Лэндону, что мой отец продолжает пить. Я знаю, что он никогда никого не осуждает, но все же не решаюсь.

– Он все еще…

– Да. Он был пьян, когда мы встретили его, но привели его к нам домой и оставили ночевать. – Я накручиваю прядь на указательный палец.

– Хардин согласился?

– В данном случае у него нет права голоса. Это и мой дом, – резко отвечаю я, но тут же спохватываюсь. – Извини, пожалуйста, мне просто нужно, чтобы Хардин контролировал все вокруг.

– Тесса, хочешь, я уйду с занятий и приеду?

Лэндон такой добрый; это можно понять по его голосу.

– Нет, все не так плохо, – вздыхаю я, оглядывая спальню. – Думаю, я могу приехать в кампус сама. Я еще успеваю на последнее занятие. – Я как раз успею немного позаниматься йогой и выпить кофе.

Я слушаю Лэндона, переодеваясь для йоги. Довольно глупо тащиться в такую даль ради одного занятия, но мне не хочется сидеть в квартире в одиночестве, ожидая возвращения Хардина неизвестно откуда.

– Сегодня профессор Сото спрашивал, почему тебя нет, а Кен сказал, что он писал свидетельские показания для Хардина. Что ты об этом знаешь?

– Сото? Не знаю… Он предлагал ему свою помощь и раньше, но я не думала, что он это серьезно. Может, ему просто нравится Хардин или типа того?

– Нравится? Хардин? – Лэндон смеется, и я не могу не засмеяться вместе с ним.

Когда я пытаюсь собрать волосы в хвост, телефон падает в раковину. Чертыхаясь, снова прикладываю его к уху, и как раз вовремя: Лэндон говорит, что перед следующей парой будет в библиотеке. Прощаюсь и пишу Хардину сообщение, чтобы он знал, где я, но потом стираю.

Ему нужно хорошенько подумать насчет Сиэтла; он должен.

К тому времени как я доезжаю до колледжа, ветер снова усиливается, и небо превращается в мерзкую палитру всех оттенков серого. Покупаю кофе, и у меня остается еще полчаса до йоги. Библиотека – на другом конце кампуса, так что у меня нет времени, чтобы повидаться с Лэндоном. В результате я жду возле аудитории профессора Сото. Его семинар должен скоро закончиться.

Мои размышления прерывают студенты, вылетевшие из дверей в коридор. Я поправляю ремень сумки и прокладываю путь через толпу.

Профессор стоит спиной ко мне, натягивая кожаную куртку. Поворачивается и улыбается мне.

– Мисс Янг.

– Здравствуйте, профессор Сото.

– Каким ветром вас занесло? Вам нужен конспект пропущенной сегодня лекции?

– Нет, Лэндон мне уже дал. Я пришла поблагодарить вас. – Я неловко переминаюсь на каблуках.

– За что?

– За свидетельские показания в пользу Хардина. Я знаю, он не очень вам нравится, и именно поэтому я очень ценю это.

– В этом нет ничего особенного. Каждый человек заслуживает хорошего образования, даже горячие головы, – смеется Сото.

– Думаю, да. – Я улыбаюсь ему, потом оглядываю аудиторию, не зная, что еще сказать.

– А кроме того, Зед заслужил то, что он получил, – внезапно добавляет он.

Что?

Я внимательно смотрю на него.

– Что вы имеете в виду?

Профессор Сото некоторое время моргает, прежде чем ответить:

– Ничего, просто… Я уверен, что у Хардина был достойный повод разобраться с ним, вот и все. Мне нужно идти, у меня еще встреча, но спасибо, что зашли. Увидимся на занятии в среду.

– В среду меня не будет. Я собираюсь уехать.

Он облегченно машет рукой.

– Ну, тогда отдыхайте. Увидимся, когда вернетесь.

Он поспешно уходит, оставляя меня в недоумении. Что он имел в виду?

Глава 9

Хардин

Мой случайный собутыльник Ричард убегает в туалет уже в четвертый раз. Похоже, барменша Бетси симпатизирует этому человеку, отчего мне становится совершенно неловко.

– Еще? – спрашивает она.

Киваю, и на время она от меня отвлекается. Всего третий час, а я уже выпил четыре стакана; все бы ничего, если бы это не было чистое виски со льдом. Мысли путаются, и гнев исчезает. Я уже не знаю, что там правильно, а что нет, и решаю ни о чем не думать и просто напиться в стельку.

– Ваш заказ. – Барменша ставит передо мной стакан.

Ричард взгромождается рядом со мной. Я-то думал, он понял смысл пустого табурета между нами. Оказывается, нет.

Он поворачивается ко мне, запустив ладонь в щетину, и отвратительным тоном спрашивает:

– Закажешь мне стаканчик?

– Тебе нужно побриться, – сообщаю я несколько нетрезвым голосом.

– Это? – Он проводит рукой по лицу еще раз.

– Да, это. Ты плохо выглядишь, – отвечаю я.

– Нормально, она тепло сохраняет, – смеется он, и я опрокидываю в глотку стакан, чтобы не усмехнуться вместе с ним. – Бетси! – кричит Ричард.

Она кивает и протягивает ему пустой стакан со счетом. Он смотрит на меня.

– Ты хочешь сказать, что на сегодня достаточно?

– Нет. – Я встряхиваю стакан, и по стеклу звенит одинокий кубик льда.

– Отлично, тогда вопросов нет. Значит, пьянка, – говорит он с каким-то ликованием.

Моя ненависть почти проходит. До тех пор, пока перед глазами не всплывает светловолосая десятилетняя девочка, которая прячется в маминой теплице. Ее серо-голубые глаза широко раскрыты от ужаса… и потом блондин в гребаном кардигане появляется, чтобы защитить ее.

– Один вопрос, – говорит он, вырывая меня из размышлений.

Я делаю глубокий вдох и еще более глубокий глоток, чтобы сдержаться и не сделать какую-нибудь глупость. Я имею в виду большую глупость, чем пить с отцом-алкоголиком моей подруги. Вот ведь семейка со своими чертовыми вопросами!

– Один, – разрешаю я.

– Неужели тебя выгнали сегодня из колледжа?

Я рассматриваю неоновую вывеску бара, думаю над его вопросом и жалею, что не выпил еще четыре… нет, пять стаканов.

– Нет. Но она считает, что меня вышибли, – признаюсь я.

– Почему она так думает? – Вот любопытный ублюдок!

– Потому что я ей так сказал. – Я качаюсь в его сторону и говорю с каменным взглядом. – Наверное, хватит откровений на один вечер.

– Дело твое.

Он улыбается и поднимает стакан, чтобы чокнуться со мной, но я отрицательно качаю головой. По его смеху я понимаю, что он и не ждал, что я чокнусь. Наверное, он считает меня забавным так же, как я его – жутко раздражающим.

Рядом с нами появляется женщина примерно его возраста. Она садится за стойку, кладет тонкую руку ему на плечо, и он дружески с ней здоровается. Она не похожа на бездомную, но явно его знает. Видимо, он большую часть времени проводит в этой дыре. Я использую паузу, чтобы посмотреть, были ли звонки или сообщения от Тессы: ничего.

Я доволен, но в то же время мне досадно, что она не пыталась со мной поговорить. Доволен, потому что сейчас я пьян, а досадно, потому что я уже соскучился по ней. Каждая новая проглоченная порция виски заставляет меня желать ее больше и больше, и пустота внутри меня от ее отсутствия только растет.

Черт, что она со мной делает?

Она чертовски меня бесит, всегда пытается надавить. Она буквально из кожи вон лезет, придумывая все новые способы позлить меня. Да, наверное, так и есть. Видимо, она сидит на кровати, скрестив ноги, держит в руках свой дурацкий ежедневник, грызет ручку, заткнув вторую за ухо, и думает, что бы этакое сказать или сделать, чтобы свести меня с ума.

Мы вместе шесть месяцев – полгода. Это ужасно долго. Больше, чем я когда-либо планировал тратить на одного человека. Конечно, мы не все это время были вместе, и большая часть этого времени ушла – точнее, тупо выкинута – на мои попытки держаться от нее подальше.

Голос Ричарда возвращает меня к реальности.

– Это Нэнси.

Я киваю и по-прежнему смотрю на темную поверхность барной стойки.

– Нэнси, это очень вежливый и хорошо воспитанный молодой человек Хардин. Он парень Тессы, – с гордостью говорит он.

Почему он гордится тем, что я встречаюсь с его дочерью?

– Парень Тессы? Она здесь? Я хотела бы наконец с ней встретиться. Ричард так много о ней рассказывал!

– Ее здесь нет, – бормочу я.

– Очень жаль; как прошел ее день рождения? Он ведь был в эти выходные, верно? – спрашивает она.

Что?

Ричард смотрит на меня, явно умоляя поддержать то вранье, что он наболтал.

– Да, было здорово, – отвечает он за меня, допивая остатки из стакана.

– Хорошо, – говорит Нэнси, а затем указывает на вход. – А, вот она!

Я резко оборачиваюсь к двери, на мгновение решив, что она говорит о Тессе, но это невозможно. Она ее никогда не видела. Через зал к нам приближается очень худая блондинка. В этом баре становится чертовски многолюдно.

Я поднимаю пустой стакан в руке.

– Еще.

Получаю очередной напиток, отвожу глаза и шепчу про себя: «Осел!»

– Это моя дочь, Шеннон, – сообщает Нэнси.

Шеннон оглядывает меня с головы до ног, и глаза ее напоминают пауков. Эта девчонка чересчур накрашена.

– Шеннон, это Хардин, – говорит Ричард, но я даже не пытаюсь с ней поздороваться.

Несколько месяцев назад я бы, наверное, обратил какое-то внимание на эту девчонку. Может, даже склонил бы к минету в грязном барном туалете, но сейчас я просто хочу, чтобы она оставила меня в покое и перестала сверлить глазами.

– Не думаю, что ты сможешь опустить ее, не снимая, – мрачно замечаю я, глядя, как она одергивает футболку в попытке скрыть голую талию.

– Чего? – фыркает она, упираясь руками в узкие бедра.

– Ты меня слышала.

– Ладно, ладно. Успокойтесь уже, – говорит Ричард, разводя руками между нами.

После этого Нэнси и ее распутная дочь уходят и садятся за столик.

– Пожалуйста, ты можешь пойти к ним, – предлагаю я ему, но он только мотает головой.

– Ты мерзкий сукин сын, – произносит Ричард, но прежде, чем я успеваю вымолвить хоть слово, добавляет: – Мне как раз такие и нравятся.

Еще три стакана спустя я еле удерживаюсь на барном стуле. У Ричарда, который, видимо, пьет как дышит, буквально те же проблемы, он склоняется ко мне слишком близко.

– Значит, когда я на следующий день вышел, мне нужно было две мили тащиться пешком! Конечно, начался дождь…

Он продолжает рассказ о своем последнем аресте. Я пью, делая вид, что он разговаривает не со мной.

– Если ты хочешь, чтобы я молчал, объясни хотя бы, зачем сказал Тессе, что тебя отчислили, – наконец говорит он.

Я догадывался, что он дождется, пока я окончательно напьюсь, чтобы снова об этом заговорить.

– Будет проще, если она будет так думать, – признаюсь я.

– В смысле?

– Я хочу, чтобы она поехала со мной в Англию, а она не в восторге от этой идеи.

– Не понимаю. – Он трет пальцами переносицу.

– Твоя дочь хочет от меня уйти, и я не могу позволить этому случиться.

– И ты сказал ей, что тебя отчислили, чтобы она поехала с тобой в Англию?

– Типа того.

Он смотрит то на свой стакан, то на меня.

– Это очень тупо.

– Я знаю. – Это действительно звучит чертовски глупо, когда я объясняю это вслух, но в моем воспаленном воображении почему-то имеет смысл.

– Да кто ты такой, чтобы вообще давать мне советы? – спрашиваю я в конце концов.

– Никто. Хочу только заметить, что ты кончишь так же, как и я, если будешь продолжать в том же духе.

Я хочу крикнуть ему, чтобы он на хрен заткнулся и за собой следил. Черт, но когда я смотрю на него, то замечаю то же сходство, которое отметил, когда мы только вошли. Блин.

– Не говори ей, – напоминаю я.

– Не буду. – Он поворачивается к Бетси. – Еще по одной.

Она улыбается ему и наливает нам еще. Не думаю, что я это осилю.

– Я уже хорош. У тебя сейчас три глаза, – говорю я ему.

Он пожимает плечами:

– Мне так больше идет.

Я хреновый парень, думаю я и перехожу к размышлениям о том, что Тесси – блин, то есть Тесса – делает прямо сейчас.

– Я хреновый отец, – тянет Ричард.

Я слишком пьян, чтобы чувствовать разницу между мыслью и речью, так что не уверен, то ли это совпадение, то ли я сказал это вслух.

– Слезай, – произносит грубый мужской голос слева от Ричарда.

Поворачиваюсь и вижу невысокого человека с еще более густой бородой, чем у моего собутыльника.

– Здесь больше нет табуретов, приятель, – медленно отвечает Ричард.

– Ну, тогда тебе лучше проваливать, – угрожает незнакомец.

Твою мать, только не это. Не сейчас.

– Мы не уйдем, – окликаю я его.

И тут незнакомец совершает ошибку, схватив Ричарда за ворот и дернув его вверх.

Глава 10

Тесса

Дорога до машины после йоги гораздо дольше обычного. Тяжесть от отчисления Хардина и отъезда в Сиэтл на время медитации ушла, но сейчас, вне стен зала, вернулась в десятикратном размере.

Как только я выезжаю с парковки, телефон, брошенный на пассажирское сиденье, начинает вибрировать. Хардин.

– Алло? – Я останавливаюсь, включаю аварийку.

Но из динамика доносится женский голос, от которого мое сердце останавливается.

– Это Тесса?

– Да.

– Хорошо, у меня тут твой отец и…

– Ее… парень… – Я слышу, как стонет Хардин на заднем плане.

– Да, твой парень, – ехидно говорит она. – Тебе нужно забрать обоих, пока кто-нибудь не позвонил в полицию.

– В полицию? Где они? – Я снова завожу машину.

– «Диззи» на Ламара-авеню; ты знаешь, где это?

– Нет, но я посмотрю в Гугле.

– Да. Разумеется.

Не обращая внимания на ее тон, я кладу трубку и торопливо ищу в Интернете дорогу к бару. Что, черт возьми, Хардин и мой папаша делают в баре в три часа дня? Почему, блин, они вообще там вместе? В голове – полный хаос. А что за проблемы с копами? Что они натворили? Мне надо было спросить женщину по телефону. Надеюсь, что они не подрались друг с другом? Это последнее, что они могли бы сделать. Воображение подсовывает картины одна хуже другой, и когда я добираюсь до места, мне уже кажется, что либо Хардин убил отца, либо наоборот. У бара не видно полицейских машин, и я решаю, что это хороший знак.

Припарковываюсь прямо перед входом и вбегаю внутрь, жалея, что на мне футболка, а не рубашка.

– Вот она! – торжествующе кричит отец.

Он набрался, это видно по тому, как он спотыкается.

– Ты бы его видела, Тесси! – хлопает он ладонями. – Хардин просто надрал ему задницу!

– Где он… – начинаю я, но в этот момент дверь туалета открывается и выходит Хардин, вытирая окровавленные руки об измазанное красным полотенце. – Что случилось? – кричу я через весь зал.

– Ничего… успокойся.

Я удивленно подхожу к нему.

– Ты пьян? – спрашиваю я, потом, наклонившись, смотрю в его налитые кровью глаза.

Он отводит взгляд.

– Может, и так.

– Невероятно.

Он пытается дотронуться до меня, но я отдергиваю руку.

– Э, тебе надо сказать спасибо, что я прикрыл твоего отца. Он сейчас валялся бы на полу, если б меня не было рядом. – Хардин указывает на человека, который сидит на полу и прижимает к щеке пакет льда.

– Я не буду тебя благодарить за то, что ты среди бела дня напился и подрался! Хоть с отцом, хоть с кем бы то ни было. Что, черт возьми, с тобой случилось? – Я толкаю его и возвращаюсь к стойке, где сидит отец.

– Не сердись на него, Тесси, он тебя любит. – Отец пытается защитить его.

Что за ерунда здесь происходит?

Когда Хардин подходит ближе, я упираюсь руками в бока и кричу:

– Значит, вы оба тут напились и теперь лучшие друзья? Вы не должны были пить!

– Детка, – шепчет мне Хардин на ухо, пытаясь обнять.

– Эй! – Женщина за стойкой постукивает по столу, привлекая мое внимание. – Тебе нужно увести их отсюда.

Я киваю ей, бросив гневный взгляд на пьяных идиотов, с которыми меня связала судьба. У отца красные скулы, похоже, его ударили, а у Хардина распухла рука.

– Если хотите вечером прийти домой, вам надо протрезветь, потому что это совершенно неприемлемо. – Я хочу отругать их обоих, как маленьких детей. – Неприемлемо для каждого из вас.

Выхожу из маленького душного бара и сажусь в машину прежде, чем они успевают подойти к двери. Хардин хмуро смотрит на моего отца – тот по-стариковски пытается опереться на его плечо. Я отворачиваюсь и кривлюсь. Пьянство Хардина меня бесит. Я знаю, какой он, когда пьяный, но не уверена, что видела его в таком состоянии прежде, даже в тот вечер, когда он перебил всю посуду. Я скучаю по времени, когда Хардин не пил на вечеринках ничего, кроме воды. У нас и так сейчас целый список проблем, и его пьянство только подливает масло в огонь.

Судя по всему, отец не так уж сильно пьян, поскольку постоянно шутит, хотя большинство его шуток безвкусные и только раздражают. Всю дорогу он вместе с Хардином громко хохочет над собственными шутками. Я совсем не так представляла себе этот день. Не знаю, как получилось, что Хардин так подобрел к моему отцу, но теперь, когда они в разгар дня на пару пьяны, мне их «дружба» совсем не нравится.

Дома сажаю отца на кухне есть кукурузные хлопья Хардина и отправляюсь в спальню, где обычно начинаются и кончаются все наши скандалы.

– Тесса… – начинает Хардин, как только я закрываю дверь.

– Нет, – холодно говорю я.

– Не сердись на меня, мы просто немного выпили, – говорит он игривым тоном, но я совершенно не в настроении.

– Просто выпили? С отцом-алкоголиком, с которым я пытаюсь построить отношения и которого хотела бы видеть трезвым. С ним, значит, ты «просто выпил»?

– Детка…

Я качаю головой.

– Сам ты детка. Я вполне взрослая.

– Ничего ведь не произошло. – Он обвивает пальцами мою руку, подтягивая к себе, но когда я вырываюсь, он спотыкается о кровать.

– Хардин, ты снова подрался!

– Немножко. Какая разница?

– Есть разница. Мне не все равно.

Он смотрит на меня со своей половины кровати покрасневшими глазами и говорит:

– Тогда почему ты от меня уходишь? Если ты так обо мне заботишься?

Сердце проваливается куда-то вниз.

– Я не хочу оставлять тебя, я прошу ехать со мной, – вздыхаю я.

– Но я не хочу туда ехать, – тянет он.

– Знаю, но это единственное, что мне нужно, кроме тебя, конечно.

– Я женюсь на тебе. – Он тянется к моей руке, но я отступаю назад.

Перехватывает дыхание. Я не уверена, что правильно расслышала.

– Что? – Я вытягиваю руки, не давая ему приблизиться.

– Я сказал, что на тебе женюсь, если ты выберешь меня.

Он встает и подходит ко мне.

Эти слова, пусть не имеющие смысла, потому что сказаны под действием алкоголя, все же меня волнуют.

– Ты пьян, – говорю я.

Он предлагает мне брак только по пьяни, и это хуже, чем не предлагать его вообще.

– Ну и что? Я же серьезно.

– Нет, не серьезно. – Я качаю головой и снова уворачиваюсь от его прикосновений.

– Нет, я женюсь. Не сейчас, конечно, но в пределах… шести лет или около того. – Он сосредоточенно трет пальцем лоб.

Я закатываю глаза. Несмотря на то что мое сердце дрогнуло, последняя фраза, предложение взять в меня в жены в неопределенный период «шести лет или около того» показывает, что Хардин возвращается к реальности, раз пытается меня убедить.

– Посмотрим, что ты скажешь об этом завтра, – замечаю я, зная, что завтра он, конечно, об этом не вспомнит.

– Ты наденешь эти штаны? – Его губы растягиваются в похотливой ухмылке.

– Нет, даже не начинай говорить об этих чертовых штанах.

– Ты их всегда надеваешь. Ты знаешь, как я к ним отношусь. – Он смотрит вниз, затем снова указывает на штаны, игриво поводя бровями.

Игривый, смеющийся, пьяный Хардин в каком-то смысле очарователен… но не настолько, чтобы я потеряла голову.

– Иди сюда, – нахмурившись, говорит он.

– Нет. Я все еще рассержена.

– Давай, Тесси, не сердись, – смеется он и трет глаза тыльной стороной ладони.

– Если кто-нибудь из вас назовет меня так еще раз, я…

– Тесси, в чем дело, Тесси? Тебе не нравится имя Тесси, Тесси? – усмехается Хардин.

Смотрю на него – и моя решимость улетучивается.

– Позволишь снять с тебя штаны?

– Нет. У меня сегодня еще очень много дел, и ни одно из них не связано со снятием штанов. Я хотела попросить тебя пойти со мной, но ты решил надраться. Так что мне придется идти одной.

– Куда-то собралась? – Голос словно доносится из-под воды.

– Да.

– Ты же это не наденешь, правда?

– Надену. Я, черт возьми, могу носить то, что хочу. – Хватаю футболку и иду к двери. – Вернусь поздно; не делай глупостей, из тюрьмы я тебя или отца не вытащу.

– Нахалка. Мне это нравится, но я думаю, что твоему язвительному язычку можно найти и другое применение. – Игнорирую его грязные намеки, и он шепчет: – Останься со мной.

Выбегаю из квартиры прежде, чем он убедит меня остаться. В дверях слышу, как он зовет меня «Тесси», и мне приходится отвернуться, чтобы подавить вырвавшийся смешок. Вот беда-то: когда дело доходит до Хардина, мой мозг не видит разницы между правильным и неправильным.

Глава 11

Тесса

Подхожу к машине и начинаю жалеть, что не осталась в спальне с Хардином, ведь у него игривое настроение. Но у меня слишком много дел. Нужно позвонить квартирной хозяйке в Сиэтл, забрать кое-какие вещи в семье Хардина и, самое главное, хорошенько обо всем подумать.

Хардин предлагает мне брак. Я почти потрясена, но знаю, что завтра это ничего не будет значить. Я пытаюсь не размышлять над его словами и думать о другом, но это не так просто, как кажется.

– Я женюсь на тебе, если ты меня выберешь.

Я удивлена, потрясена тем, что он сказал.

Хардин казался таким спокойным, его голос был бесстрастен, как будто он заявил, что пора ужинать. Хотя я знаю: он в отчаянии. Его отчаяние от моего переезда в Сиэтл и виски – единственные причины его предложения. Тем не менее не могу заставить себя то и дело не вспоминать эти слова. Это глупо, понимаю. Но, честно говоря, лучше добавить оптимизма, чем продолжать испытывать то, что я сейчас чувствую.

Приезжаю на место, так и не созвонившись с Сандрой (кажется, так ее зовут), чтобы обсудить аренду квартиры. Судя по фотографиям на сайте, место, кажется, хорошее. Не такая большая квартира, как та, в которой мы живем сейчас, но достаточно хорошая, чтобы я могла ее себе позволить на собственную зарплату. Там нет книжных полок и кирпичных стен, которые я так полюбила, но это неважно. Я готова к этому, к такой жизни в Сиэтле. Я готова пойти на этот шаг ради будущего, сколько себя помню, я этого ждала.

Брожу по магазину в раздумьях о Сиэтле и всем остальном – и скоро корзина наполняется случайными вещами, ни одна из которых мне не нужна. Таблетки для посудомоечной машины, зубная паста, новый совок. Зачем я все это покупаю, если все равно уеду? Кладу совок назад, вместе с цветными носками, которые также прихватила безо всякой причины. Если Хардин не переедет, мне придется начать все сначала, покупать новую посуду… Хорошо еще, что квартиру сдают с мебелью, так что можно вычеркнуть из списка сразу с десяток пунктов.

Сделала покупки и не знаю, чем еще заняться. Возвращаться к Хардину и отцу не хочется, но идти больше некуда. Я собираюсь три дня провести с Лэндоном, Кеном и Карен, но не хочу лишний раз ездить и их беспокоить. Мне действительно надо завести друзей или, по крайней мере, одного друга. Можно позвонить Кимберли, но она, наверное, занята собственными делами. Счастливая. Кристиан взял ее с собой в Сиэтл, но когда он смотрит на нее, я могу уверенно сказать, что он пошел бы за ней хоть на край света.

Прокручиваю список вызовов на телефоне, чтобы позвонить Сандре, и натыкаюсь на номер Стеф.

Интересно, что она делает? Хардин, вероятно, будет не против, если я ей позвоню, чтобы поболтать. Опять же, кто он такой, чтобы указывать мне, что делать, когда сам напивается в зюзю в разгар рабочего дня?

Позвоню, решаю я. Она отвечает почти сразу.

– Тесса! Как дела? – громко говорит она, стараясь перекричать голоса на заднем плане.

– Ничего. Стою на стоянке перед супермаркетом.

– О, хорошее настроение, да? – смеется она.

– На самом деле не очень. Что ты делаешь?

– Ничего, собираюсь пообедать с другом.

– А, ладно. Тогда позвони мне позже, что ли.

– Ты можешь с нами встретиться там, если хочешь, это в Applebee, сразу за кампусом.

Applebee напоминает мне о Зеде, но кормят там очень вкусно, а я сегодня еще не ела.

– Хорошо, я приеду, если ты уверена, что это нормально.

Слышу, как на заднем фоне захлопывается дверь.

– Да! Тащи свою задницу сюда! Мы там будем через пятнадцать минут.

По дороге звоню Сандре и оставляю ей голосовое сообщение. Я не могу не отметить облегчение, которое испытываю, когда в трубке звучит автоответчик, но не вполне понимаю почему.

Applebee переполнен; безуспешно ищу взглядом ярко-рыжую голову, потом обращаюсь к официантке.

– На сколько человек? – спрашивает она с приветливой улыбкой.

– На троих, думаю. – Стеф сказала, что она с другом, надеюсь, она имела в виду одного человека.

– Прямо сейчас есть свободный столик, так что возьмите на всякий случай, – улыбается девушка и берет четыре меню со стойки позади себя.

Я прохожу за ней в дальнюю часть ресторана и жду прибытия Стеф. Проверяю, не было ли сообщений от Хардина, но их нет; он бы, наверное, сейчас в обморок упал. Когда я оборачиваюсь, в крови у меня резко вскипает адреналин: вижу ярко-розовую копну волос.

Глава 12

Хардин

Открываю холодильник в поисках, что бы сожрать. Мне нужно, чтобы из меня наконец выветрилось виски.

– Она ужасно на нас разозлилась, – замечает Ричард, глядя на меня.

– Да, это точно. – Не могу не улыбаться при воспоминании, как ее лицо краснеет от гнева, а маленькие кулачки сжимаются у бедер. Она была в ярости.

Это не смешно… ну, то есть смешно, но так не должно быть.

– Долго моя дочь обижается?

С минуту смотрю на него. Очень странно, когда отец спрашивает о привычках собственной дочери.

– Наверное, нет. Ты слопал все мои хлопья. Черт! – Я трясу пустой коробкой.

Он улыбается.

– Кажется, ты прав, – говорит он.

– Да, так и есть. – На самом деле этого не может быть. – Думаю, хреново, что ты встретился с ней сейчас, если меньше чем через неделю она уедет, – говорю я, засовывая контейнер с надписью «Tupperware» в микроволновку.

Я не вполне понимаю, что это, но я слишком пьян и умираю от голода, чтобы готовить, а Тессы, которая приготовила бы еду, рядом нет. Что, на хрен, я буду делать, если она меня бросит?

– Верно, – отвечает он, морщась. – Но хорошо еще, что Сиэтл не так далеко.

– Я про Англию.

После долгой паузы он говорит:

– Она не поедет в Англию.

Обалдело гляжу на него.

– Откуда, блин, ты знаешь? Ты с ней знаком всего два дня!

Я уже собираюсь выйти из кухни, но меня останавливает резкий сигнал микроволновки.

– Я знаю Кэрол, она бы тоже не поехала.

Значит, он снова стал тем неприятным пьянчугой, каким был вчера.

– Тесса – не ее мать, а я – не ты.

– Ладно, – соглашается он и пожимает плечами.

Глава 13

Тесса

Молли.

Молюсь, чтобы ее присутствие здесь оказалось совпадением, но когда следом появляется Стеф, я откидываюсь на спинку кресла.

– Привет, Тесса! – радуется мне Стеф и садится напротив, ближе к стене, чтобы ее «подруга» могла сесть рядом. Зачем она пригласила меня пообедать вместе с Молли?

– Давно не виделись, – говорит мне эта шлюшка Молли.

Не знаю, что сказать им обеим. Хочется встать и уйти, но вместо этого я натужно улыбаюсь и отвечаю:

– Да уж.

– Ты уже что-нибудь заказала? – спрашивает Стеф, совершенно игнорируя тот факт, что она притащила с собой моего главного – и единственного – врага.

– Нет. – Я лезу в сумку в поисках телефона.

– Нет необходимости звонить папочке, я тебя не укушу, – ухмыляется Молли.

– Я не собираюсь звонить Хардину. – На самом деле я собираюсь ему написать, это совсем другое дело.

– Ну конечно, не ему, – со смехом отвечает она.

– Стоп. – Стеф поднимается. – Молли, ты сказала, что будешь хорошо себя вести.

– Зачем ты вообще пришла? – спрашиваю я девушку, которую ненавижу больше всех на свете.

Она пожимает плечами.

– Проголодалась, – отвечает она как ни в чем не бывало, с явной насмешкой в голосе.

Беру куртку и поднимаюсь.

– Мне пора.

– Нет, останься! Пожалуйста, если ты уйдешь, я тебя больше не увижу, – тянет Стеф, надув губки.

– Что?

– Ты ведь через несколько дней уезжаешь, правда?

– Кто тебе сказал?

Молли и Стеф переглядываются, потом Стеф отвечает:

– Зед, кажется; это неважно. Я думала, мне ты скажешь.

– Я собиралась; просто столько всего произошло. Я собиралась сказать тебе… – говорю я, глядя на Молли, как бы объясняя ее присутствием нежелание продолжать.

– Я все еще хочу, чтобы ты со мной общалась. Я же была тут твоей первой подругой.

Стеф оттопыривает нижнюю губу, и я начинаю чувствовать себя виноватой. Но это все довольно смешно, и я рада, когда официантка подходит, чтобы принять у нас заказ.

Пока Стеф и Молли заказывают газировку, пишу Хардину: «Ты просто в обморок упадешь, но я сейчас в кафе со Стеф, а она привела с собой Молли :(» Кликаю на «Отправить» и снова смотрю на них.

– Значит, переживаешь из-за того, что уезжаешь? Что вы с Хардином собираетесь делать? – спрашивает Стеф.

Я пожимаю плечами и оглядываю зал. Я не собираюсь обсуждать свои отношения в присутствии этой ведьмы.

– Можешь говорить при мне. Уж поверь, меня совсем не интересует твоя дурацкая скучная жизнь, – издевается Молли, отпивая глоток.

– Думаешь, я тебе верю? – смеюсь я, и тут мой телефон начинает вибрировать.

«Возвращайся домой», – отвечает Хардин.

Не знаю, чего я ожидала, но я разочарована его советом, точнее, его отсутствием.

«Нет, я хочу есть», – отвечаю я.

– Слушай, вы с Хардином очень милые и все такое, но мне действительно уже плевать на ваши отношения, – сообщает Молли. – У меня есть собственные отношения, и меня волнуют только они.

– Отлично. Рада за тебя. – Я плохо понимаю, кто из нас кого пытается одурачить.

– Кстати, Молли, когда мы наконец встретимся с этим таинственным незнакомцем? – спрашивает Стеф новую подругу.

Молли отмахивается.

– Не знаю; не прямо сейчас.

Возвращается официантка с напитками и принимает у нас следующие заказы. Как только она уходит, Молли поворачивается ко мне, как хищник, загнавший добычу:

– А кстати, ты злишься на Зеда за то, что он собирается засадить Хардина в тюрьму? – спрашивает она, и я чуть не давлюсь водой. Мысль, что Хардин может угодить за решетку, заставляет меня похолодеть.

– Надеюсь, этого не произойдет.

– Ну, удачи. Но если ты не потрахаешься с Зедом, ты ничем не сможешь ему помочь, – ухмыляется она, снова постукивая ядовито-зеленым ногтем по столу.

– Этот вариант не рассматривается! – рычу я.

«Ты можешь поесть и дома. Правда, слушай, возвращайся домой, пока ничего не произошло; я не смогу тебя спасти».

Спасти меня? От чего? От Молли и Стеф? Стеф – моя подруга, однажды я уже доказала, что могу справиться с Молли, и могу сделать это снова. Она меня раздражает, я ее терпеть не могу, но не боюсь, как раньше.

Непонятное сообщение от Хардина я могу объяснить только тем, что он все еще пьян.

«Говорю тебе, уезжай оттуда», – написано в следующем сообщении, которое он послал, когда я не ответила.

Кладу телефон в сумку и снова смотрю на них.

– Ты же это уже делала, так что какая разница? – говорит Молли.

– Что-что?

– Я тебя не осуждаю. Я сама трахалась с Хардином. И с Зедом.

Я так расстроена, что хочется плакать.

– Я не спала с Зедом, – цежу я сквозь зубы.

– Хм… – мычит Молли, и Стеф смотрит на нее.

– Кто-то сказал, что я с ним спала? – спрашиваю я обеих.

– Нет, – отвечает Стеф прежде, чем Молли открывает рот. – И вообще, хватит о Зеде. Расскажи лучше о Сиэтле. Хардин тоже поедет с тобой?

– Да, – вру я, не желая признаваться, особенно перед Молли, что Хардин отказывается отправляться со мной в Сиэтл.

– Значит, вас здесь больше не будет? Это так странно, – говорит Стеф, слегка хмурясь.

Странно будет учиться в другом университете. После того как я так готовилась к поступлению в CWU. Хотя новый старт – это именно то, что мне нужно. Будет целый город, не запятнанный воспоминаниями о предательстве и обманчивой дружбе.

– Надо в эти выходные потусоваться – прощальный привет, – предлагает Стеф.

– Нет, никаких вечеринок, – со стоном отказываюсь я.

– Нет-нет, не вечеринка, только своей компанией! – Она смотрит на меня с чем-то вроде мольбы в глазах. – Давай начистоту: скорее всего, мы никогда больше не увидимся, и Хардину нужно пообщаться со старыми друзьями хотя бы один раз.

В сомнении смотрю в сторону бара.

Молли прерывает молчание:

– Меня там не будет, не беспокойся.

Я смотрю на них, и в этот момент нам приносят еду. Но у меня нет аппетита. Правда, что ли, болтают, что я спала с Зедом? Знает ли Хардин об этих слухах? Станет ли Зед пытаться засадить Хардина в тюрьму? У меня голова раскалывается.

Стеф съедает немного картошки фри и с набитым ртом говорит:

– Поговори с Хардином и дай мне знать. Мы могли бы встретиться на квартире – например, у Тристана и Нэта. Там хотя бы нет никаких случайных душевых кабинок.

– Я могу спросить… Не знаю, согласится он или нет. – Я снова гляжу на экран. Три пропущенных вызова. Одно сообщение: «Возьми трубку».

«Уйду, как доем, успокойся. Попей воды», – отвечаю я и съедаю немного картошки фри.

Но Молли явно напряжена и говорит, как будто у нее кипит внутри:

– Он бы эту идею поддержал. Мы долго были друзьями, прежде чем ты пришла и его испортила.

– Я его не портила.

– Именно ты. Он теперь так изменился, даже никому не звонит.

– Тоже мне друзья! – фыркаю я. – Ему тоже никто не звонит. Единственный, кто иногда еще с ним связывается, – это Нэт.

– Это потому, что мы знаем, что… – начинает Молли.

Но Стеф поднимает руку.

– Господи, хватит! – стонет она, потирая виски.

– Попрошу завернуть еду с собой. Это была не лучшая мысль, – говорю я.

Не знаю, чего она ждала, притащив сюда Молли; могла меня хотя бы предупредить.

Стеф смотрит на меня с сочувствием.

– Мне очень жаль, Тесса. Я думала, вы помиритесь, раз она не пытается больше трахаться с Хардином.

Она смотрит на Молли, та только пожимает плечами.

– Мы теперь по отдельности, так даже лучше, чем раньше, – сообщает она.

Мне хочется врезать по ее самодовольной физиономии. Но звонок на мобильнике Стеф отвлекает меня от этих жестоких мыслей.

На ее лице появляется озадаченное выражение.

– Мне звонит Хардин. – Она показывает мне экран.

– Я не ответила на его сообщение; перезвоню ему через минуту, – отвечаю я, она кивает и сбрасывает вызов.

– Боже, вот прилипала! – Молли откусывает от картошки фри.

Я держу язык за зубами и заказываю коробку, чтобы упаковать обед. Я едва прикоснулась к еде, и мне не хочется устраивать сцену посреди кафе.

– Пожалуйста, подумай до субботы. Вместо вечеринки можно просто устроить ужин, – предлагает Стеф. Потом улыбается мне своей самой милой улыбкой. – Пожалуйста!

– Посмотрим, что можно сделать, но мы вроде не собираемся уезжать до субботы.

Она снова кивает мне.

– Вы можете сами выбрать время.

– Спасибо. Я дам тебе знать, – говорю я, расплачиваясь по счету.

Мне не нравится эта затея, но в каком-то смысле она права: мы больше никогда не увидимся. Хардин куда-нибудь поступит, может, не в Сиэтл, но после того, как его отчислили, здесь он не останется. Вероятно, он захочет в последний раз встретиться со старыми друзьями.

– Снова он звонит, – сообщает Стеф; она даже не пытается скрыть, что это ее забавляет.

– Скажи, что я уже еду.

Я встаю и направляюсь к двери. Когда я поворачиваю голову, Стеф и Молли болтают, а мобильник лежит на столе перед ними.

Глава 14

Хардин

«Тесса, если ты мне не перезвонишь, я поеду тебя искать, не важно, пьяный я или нет», – угрожаю я, а затем бросаю телефон на диван с такой силой, что он подскакивает и падает на пол.

– Она вернется, – услужливо подсказывает мне старый хрен.

– Да знаю! – кричу я на него и снова хватаю телефон. К счастью, экран не треснул. Я бросаю сердитый взгляд на старого пьяницу и ухожу в спальню.

Какого хрена он опять здесь? И какого хрена нет Тессы? Ничего хорошего от присутствия в одном помещении с Молли не выйдет.

Когда я начинаю уже прикидывать, как бы мне выйти и поискать ее, если у меня нет ни ключей, ни машины, а уровень алкоголя в крови сильно превышает допустимую норму, вдруг слышу, как открывается входная дверь.

– Он, э-э-э, отдыхает, – громко произносит Ричард с нелепой жизнерадостностью. Подозреваю, он пытается предупредить меня о приходе Тессы.

Открываю дверь раньше ее и протягиваю руку, приглашая ее войти. Она не кажется испуганной или хоть чуточку обеспокоенной моей мрачностью.

– Почему ты не отвечала, когда я тебе звонил? – спрашиваю я.

– Потому что сказала, что скоро приеду. И приехала.

– Ты должна была ответить. Я волновался.

– Волновался? – Она явно удивлена.

– Да, волновался. Почему, черт побери, ты встречалась с Молли?

Она вешает сумочку на спинку стула.

– Не ори. Стеф пригласила меня пообедать и привела ее с собой.

Чертова Стеф!

– Какого хрена она так сделала? Она разозлилась?

– Не больше обычного, – отвечает, не моргнув глазом.

– Зачем эта сучка Стеф ее притащила? Что они тебе сказали?

– Не знаю, кажется, про меня распускают всякие слухи. – Она хмурится и садится на стул, чтобы снять туфли.

– Что? Какие слухи?

На самом деле я спрашиваю у нее: «Кого мне грохнуть?» Черт, я все еще пьян. С какой стати? Я пил, кажется, часа в три. Припоминаю, кто-то говорил мне, что после каждого глотка алкоголя нужен час, чтобы протрезветь; я бухал около десяти часов назад. Если я все правильно помню.

– Ты меня слышишь? – Голос Тессы напряжен, даже взволнован.

– Нет, прости, – бормочу я.

Ее щеки розовеют.

– Кажется, болтают, что я и Зед… ты понимаешь.

– Вы что?

– Что мы… спали вместе, – слабым голосом заканчивает она и устало смотрит на меня.

– Кто такое говорит?

Стараюсь говорить тем же тоном, что и Тесса, несмотря на то что внутри все полыхает от гнева.

– Неизвестно, это же слухи; мне об этом сказали Стеф и Молли.

Не знаю, стоит успокоиться или дать волю гневу. Я слишком пьян для всего этого.

Она складывает руки на коленях и смотрит в пол.

– Я не хочу, чтобы люди думали обо мне подобным образом.

– Не обращай внимания, они все гребаные идиоты. Если и есть такой слух, уверен, все наладится. – Я сажаю ее рядом с собой на кровать. – Не волнуйся.

– Ты на меня не сердишься? – спрашивает она и смотрит своими серо-голубыми глазами.

– Нет. Я расстроился, что ты не отвечала и что Стеф тоже ни хрена не брала трубку. И я сержусь на этот дурацкий слух, а не на тебя, и я уверен, что они передали тебе этот слух, потому что дуры.

Мысль, что Стеф и Молли специально рассказали Тессе эту дрянь, чтобы обидеть ее, чертовски меня раздражает.

– Не понимаю, зачем она притащила с собой Молли, которая, конечно же, не преминула напомнить мне, что спала с тобой. – Она поеживается. Я тоже.

– Она просто шлюха, которой больше не хрен заняться, кроме как повспоминать деньки, когда я вытолкал из ее башки все мозги.

– Хардин! – стонет Тесса от этого чересчур красочного воспоминания.

– Извини, я серьезно.

Она расстегивает браслет и встает, чтобы положить его на столе.

– Ты все еще пьян?

– Немного.

– Немного?

Я улыбаюсь:

– Немного больше, чем немного.

– Вот почему ты такой странный. – Она закатывает глаза и берет со стола свой дурацкий ежедневник.

– Какой? – Я подхожу и встаю позади нее.

– Ты пьян и ко всему относишься хорошо. Ты с ума сходил, когда я не отвечала, но теперь ты такой… – Она смотрит мне в лицо. – «Понимающий», как любила говорить Молли.

– Чего ты от меня ожидала?

– Не знаю… Крика? У тебя не самый приятный характер, когда ты пьян, – тихо произносит она.

Уверен, она старается не раздражать меня, но хочет показать, что не будет обходить этот вопрос.

– Я не собираюсь на тебя орать. Просто не хочу, чтобы ты с ними водилась. Ты знаешь, какие они, особенно Молли, и я не хочу, чтобы кто-то причинил тебе боль. – Потом добавляю, нажимая на каждом слове: – Как бы то ни было.

– Ну, они не причинили, но… Я знаю, это глупо, но я просто хотела нормально пообедать с подругой.

Мне хочется сказать, что Стеф в качестве подруги – не идеальный выбор, но я знаю, что у нее нет никого, кроме Лэндона и меня… и Ноя.

И Зеда.

Нет, Зед тут лишний. Когда вся эта ерунда закончится, я абсолютно уверен, что этот малый больше тут не засветится.

Глава 15

Тесса

То, что Хардин проявляет такую выдержку и здравомыслие, меня удивляет. Теперь можно немного отдохнуть. Хардин поджимает ноги и откидывается к стене. Не знаю, что лучше: заговорить о Сиэтле сейчас, когда он в хорошем настроении, или немного подождать. Но если я оставлю это на потом, кто знает, когда он будет готов поговорить?

Я смотрю в его зеленые глаза и решаюсь.

– Стеф хочет собрать всех на прощальную вечеринку, – сообщаю я и жду реакции.

– Куда она собирается?

– Нет. Это для меня, – объясняю я, опуская, что сказала им, будто он поедет со мной в Сиэтл.

Хардин смотрит на меня.

– Ты сказала им, что уезжаешь?

– Да. Почему бы и нет?

– Потому что ты еще не решила окончательно, разве не так?

– Хардин, я собираюсь в Сиэтл.

Он беспечно пожимает плечами:

– У тебя еще есть время подумать об этом.

– И все-таки… Что ты думаешь об этой вечеринке? Стеф сказала, что это могут быть просто посиделки, например, на квартире Нэта и Тристана, вместо дома братства…

Я рассказываю, но Хардин все еще пьян и, похоже, совсем меня не слушает. Изучаю свое расписание на следующую неделю. Очень надеюсь, что Сандра перезвонит насчет квартиры, в противном случае, когда я приеду, мне негде будет жить и придется сидеть на чемоданах в каком-нибудь мотеле. Не люблю мотели!

– Нет, мы не будем собираться, – заявляет он, к моему удивлению.

– Что? Почему нет? Если устроить просто ужин, все должно быть не так уж плохо. Без «Правды или действия» или «Соси и Ходи», как считаешь?

Он смеется и с интересом поглядывает на меня.

– «Соси и Дуй», Тесс.

– Ты понял, о чем я! Это последний раз, когда мы, то есть я увижусь с ними, и они были моими друзьями, как это ни странно. – Не хочу вспоминать о начале моей «дружбы» с этой компанией.

– Давай поговорим позже. У меня голова болит от всего этого дерьма, – стонет он.

Я пораженно вздыхаю. По тону понятно, что Хардин не собирается продолжать дискуссию.

– Иди сюда. – Он снова садится на кровать и протягивает руки ко мне.

Закрываю ежедневник, подхожу к кровати и встаю между его ног, прижав руки к бедрам. Он смотрит на меня с кривой улыбкой.

– Разве ты не должна за что-нибудь на меня злиться?

– Я слишком устала, Хардин, – признаюсь я.

– Устала от чего?

Я дергаюсь.

– От всего. От Сиэтла, от перевода в другой университет, от отъезда Лэндона, от твоего отчисления…

– Я соврал, – невнятно бурчит он, прижимаясь лицом к моему животу.

Что он сказал?

– Что? – Я запускаю пальцы ему в волосы и поднимаю его голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

Он пожимает плечами.

– Я соврал об отчислении.

Я отступаю назад, он пытается обнять меня, но я не позволяю.

– Зачем?

– Я не знаю, Тесса, – говорит он и встает. – Я так расстроился, когда застал вас с Зедом, и из-за всей этой хрени с Сиэтлом…

Я в шоке.

– И ты сказал, что тебя отчислили, потому что был зол на меня?

– Да. Ладно, есть и другая причина.

– Какая же?

Он вздыхает:

– Ты будешь сердиться. – Его глаза все еще опухшие, но он, кажется, быстро трезвеет.

Я скрещиваю руки на груди.

– Наверное. Но все же скажи.

– Я подумал, что ты не сможешь без меня и поедешь со мной в Англию.

Не знаю, что и думать. Я должна быть расстроена. Я расстроена. Я в ярости, черт возьми. Если верить его словам, он пытался на меня надавить, чтобы я из чувства вины переехала с ним в Англию. Ему нужно было просто быть честным с самого начала… Но все же не могу не признать, что узнавать обо всем из его уст лучше, чем другими способами.

Он вопросительно смотрит мне в глаза.

– Тесса?..

Я гляжу на него и почти улыбаюсь.

– Честно говоря, я удивлена, что ты признался прежде, чем мне об этом сказал кто-то другой.

– Я тоже. – Он подходит вплотную, кладя руку мне на шею, при этом пальцы его оказываются на моей щеке. – Пожалуйста, не сердись на меня. Я мудак.

Я тяжело вздыхаю, но его прикосновения мне приятны.

– Это ужасное оправдание.

– Я не оправдываюсь. Я придурок. Я понимаю это, но я тебя люблю и устал от всего этого. Я понимал, что рано или поздно ты об этом узнаешь, особенно когда съездишь к моему отцу.

– Так ты сказал это, зная, что я все равно узнаю правду?

– Да.

Запрокидываю голову назад и смотрю на него.

– И ты хотел скрыть это от меня и пытаться заставить поехать с тобой в Англию из жалости?

– В принципе…

Что, черт возьми, я должна на это ответить? Хочу сказать, что он псих, что он мне не отец и ему нужно прекратить попытки манипулировать мной, но вместо этого просто стою с открытым ртом, как дура.

– Ты не можешь пытаться заставить меня что-то делать, обманывая меня и манипулируя мной.

– Знаю, я облажался, – отвечает он, и в глазах его появляется беспокойство. – Я не знаю, почему я такой. Я просто боюсь потерять тебя и от этого в отчаянии.

По лицу вижу, он действительно не понимает, почему так поступил.

– Нет, знаешь. Иначе не было бы необходимости лгать.

Хардин кладет мне руки на бедра.

– Тесса, прости меня, но я действительно в отчаянии. Ты должна признать, что для нас обоих так лучше.

Он прав, такой извилистый путь действительно гораздо лучше подходит для наших отношений, чем тот, что мы привыкли видеть вокруг себя. Он далек от нормы, но нормальность нам никогда не была свойственна.

– Значит, свадьба не заставит тебя поехать со мной?

Мое сердце начинает биться часто, и я уверена, что он это чувствует. Но я отвечаю только:

– Поговорим об этом, когда ты протрезвеешь.

– Я уже не пьян.

Я улыбаюсь и глажу его по щеке.

– Для такого разговора еще пьян.

Он улыбается и подтягивает меня поближе.

– Когда ты вернешься из Сэндпойнта?

– А ты не поедешь?

– Не знаю.

– Ты говорил, что поедешь. Мы никогда раньше вместе не путешествовали.

– В Сиэтл, – говорит он, и я смеюсь.

– На самом деле ты приехал туда без приглашения и на следующее утро уехал.

Он проводит рукой по волосам.

– Это уже детали.

– Я правда хочу, чтобы ты поехал. Лэндон ведь скоро уедет. – Меня ранит даже мысль об этом.

– Ну и что? – отвечает Хардин, качая головой.

– И твой отец будет счастлив, если ты придешь, я уверена.

– Ну конечно! Он на меня просто ужасно зол: меня основательно потрепали и оставили на испытательный срок, малейшая оплошность – и я вылечу.

– Так почему бы тебе не перевестись в университет в Сиэтле вместе со мной?

– Я больше не могу слышать слово «Сиэтл», на сегодня достаточно. У меня был долгий день и адски болит голова. – Он целует меня в лоб.

Я снова отклоняюсь назад.

– Ты напился с моим отцом и врал, что тебя отчислили. Мы будем говорить о Сиэтле, если я этого хочу, – сухо сообщаю я.

Он улыбается:

– А ты надела эти штаны, чтобы меня подразнить, и не отвечала на звонки. – Он проводит большим пальцем по моей нижней губе.

– Тебе не стоит мне постоянно названивать. Это невыносимо. Даже Молли назвала тебя прилипалой, – говорю я, улыбаясь под его нежными прикосновениями.

– Да ладно? – Он продолжает водить по моим губам, и они непроизвольно открываются.

– Да, – выдыхаю я.

– Хм…

– Я знаю, чего ты хочешь.

Я тянусь вниз и снимаю его руку со своего бедра, когда пальцы уже проскальзывают за пояс моих штанов.

Он улыбается:

– Чего же именно?

– Ты пытаешься меня отвлечь, чтобы я на тебя не сердилась.

– И как, получается?

– Не очень. Кроме того, здесь мой отец, и я не буду заниматься с тобой сексом, пока он в другой комнате.

Я извиваюсь и игриво хлопаю его ладонью. Он несколько отодвигается и смотрит на меня.

– Да ну, а как насчет того случая, когда я трахал тебя там, – Хардин указывает на кровать, – пока моя мама спала на диване? – Он мягко прижимает меня к себе. – Или когда я трахал тебя в ванной у отца, или несколько раз трахал тебя, когда Карен, Лэндон и отец шлялись по коридору? – Он наклоняется и мягко касается моего бедра. – Да, кстати, и как насчет того случая, когда мы занимались этим на твоем рабочем столе?

– Хорошо-хорошо. Поняла, – соглашаюсь я, и он смеется.

– Давай, Тесси, ложись.

– Ты с ума сошел! – смеюсь я и отодвигаюсь от него.

– Куда ты? – поморщившись, спрашивает он.

– Узнать, что там делает папа.

– Зачем? Значит, ты можешь вернуться сюда и…

– Нет! Черт возьми, только спать! – восклицаю я.

Приятно, что он по-прежнему в игривом настроении, но, несмотря на признания, меня раздражает его ложь и то, что он упрямо отказывается обсуждать Сиэтл.

Я была уверена, что когда я вернусь из кафе домой, он будет в ярости из-за того, что я не отвечала на его эсэмэски. Я и подумать не могла, что мы будем что-то обсуждать и он признается, что наврал об отчислении. Может быть, Стеф его заверила, что я уже еду, и он успокоился? Но ее телефон лежал на столе, когда я уходила…

– Ты говорил, Стеф не брала трубку, когда ты звонил? – спрашиваю я.

– Да, а что? – Он смотрит на меня в замешательстве.

Я пожимаю плечами, не зная, что ответить.

– Просто интересно.

– А все-таки?

– Я попросила ее сказать, что я уже выехала, и мне просто интересно, почему она этого не сделала.

– А.

Он смотрит в сторону и тянется к кружке на тумбочке. Очень странно, что Стеф не передала ему, что я выехала.

– Я поеду. Если хочешь, можешь присоединиться.

– Хорошо. Только переоденусь.

Киваю и поворачиваю ручку двери.

– А кстати, как насчет твоего отца? Он только что вернулся в твою жизнь, и ты собираешься уехать?

Его слова меня останавливают. Не то что я не думала об этом раньше, но Хардин поставил вопрос ребром, словно вставил мне ракетку под лопатки, чтобы сидела прямо.

Выхожу из комнаты, оставив себе время на размышления. В гостиной вижу, что отец снова спит. Должно быть, пить в полдень очень утомительно. Выключаю телевизор и иду на кухню, чтобы попить. В голове снова всплывают слова Хардина об отъезде после того, как я встретилась с отцом. Но я же не могу променять свое будущее на общение с отцом, которого не видела девять лет. При других обстоятельствах я бы еще подумала, но он меня бросил. Когда я возвращаюсь к спальне, я слышу внутри голос Хардина.

– Что за хрень вы сегодня устроили? – говорит он приглушенным голосом.

Прижимаюсь ухом к двери. Мне нужно взять и войти, но у меня такое впечатление, что я не должна слышать этот разговор. Это означает, что мне надо его услышать.

– Плевать, этого не должно было случиться. Теперь она расстроена, и ты должна… – Конец фразы я не могу разобрать.

– Плевать мне на это! – восклицает он.

С кем он разговаривает? И что они должны сделать? Это Стеф? Или, еще хуже, Молли?

Я слышу, как шаги приближаются к двери, и быстро удираю в ванную.

Через несколько мгновений дверь дергается.

– Тесса?

Я открываю дверь. Знаю, что должна выглядеть непринужденно, но сердце колотится, а желудок скрутило в узел.

– О, привет. Я уже заканчиваю, – говорю я еле слышным голосом.

Хардин поднимает бровь.

– Ладно. – Он смотрит назад в коридор. – Где твой папа? Все еще спит?

– Э-э, да, – отвечаю я, заставляя его улыбнуться.

– Тогда пойдем обратно в спальню, – просит он, нежно обнимает меня и ведет за собой.

Пока мы идем в спальню, просыпается давно знакомая паранойя.

Глава 16

Тесса

Крошечный участок сознания продолжает посылать предупредительные сигналы остальному мозгу, полностью занятому Хардином и всем, что с ним связано. Голос разума, точнее, то, что от него осталось, говорит, что нужно задать вопросы, но я не могу просто взять и спросить его о произошедшем. Я и так задаю ему много вопросов.

Больший сектор мозга побеждает. Действительно ли я хочу устроить скандал и обвинять Хардина в том, что может оказаться обычным недоразумением? Он мог быть просто зол на Стеф за то, что та пригласила Молли на встречу. Я не все отчетливо слышала, возможно, он меня защищал. Он только что признался, что солгал насчет исключения, – зачем же ему врать сейчас?

Хардин садится на кровати, берет мою руку в свою, усаживает меня к себе на колени.

– Ну, все серьезные темы мы обсудили, твой отец заснул. Думаю, нужно найти новый способ, чем себя занять… – Я не могу не улыбнуться вместе с ним.

– Ты думаешь только о сексе? – спрашиваю я, игриво прижимаясь к нему грудью.

Он откидывается спиной на кровать и одной рукой подтягивает меня наверх, закидывая мою ногу на себя. Сажусь, сжимая его бедрами, а он тянет меня вниз так, что наши лица соприкасаются.

– Нет, я частенько думаю и о других вещах. Например, думаю о твоих приоткрытых губах…

Наши губы соединяются. При поцелуе чувствую легкий аромат мяты; его губы бьют меня сильным электрическим разрядом, но он все же не такой мощный, чтобы заставить меня не желать большего.

– Я залезу лицом тебе между ног, пока ты… – начинает он, но я протягиваю руку и закрываю ему рот.

Он игриво лижет мою ладонь, а я вырываюсь.

– Фу! – Я морщу нос и вытираю влажную ладонь о его черную рубашку.

– Я тихо, – шепчет он, поднявшись с кровати и вытягиваясь напротив меня. – Конечно, если ты не хочешь большего.

– Мой отец… – напоминаю я гораздо менее уверенно.

– Да при чем тут он? Это наш дом, если ему не нравится, может уходить.

Я полусерьезно смотрю на него.

– Не будь грубияном.

– Я не грубиян, просто хочу быть с тобой каждый раз, когда я этого хочу, – заявляет он, и я закатываю глаза.

– У меня тоже есть право голоса; ты говоришь о моем теле. – Я стараюсь сдерживать бешено стучащее сердце и не чувствовать знакомое томление.

– Разумеется. Но я знаю, что если я сделаю так… – Он проводит рукой между нашими телами вниз, под пояс моих штанов и трусиков. – Смотри-ка, я знал, что ты уже готова, когда начал говорить о еде…

Я прижимаюсь губами к его губам, чтобы заставить его грязный рот умолкнуть, и не могу удержаться от стонов, когда он проводит пальцам по моему клитору. Он едва касается меня, намеренно мучая таким образом.

– Дааа… – шепчу я, и он надавливает сильнее, проталкивая палец в меня.

– Я так и думал, – усмехается он, медленно двигая пальцем.

Он быстро перестает ласкать меня и кладет рядом с собой. Прежде чем я успеваю что-то сказать, он садится, хватается за мои штанины, стягивает до уровня бедер. Я сгибаю ноги в коленях, помогая ему, и он сдергивает с меня и трусы. Без лишних слов он жестом командует подняться повыше к изголовью. Я отползаю на локтях и прислоняюсь к спинке кровати. Он ложится передо мной на животе, обхватив обеими руками мои бедра, раздвинув их. Он ухмыляется:

– По крайней мере, постарайся потише.

Глаза мои закрываются, но его теплое дыхание заставляет меня напрячься, сначала немного, но он приближается, и напряжение увеличивается. Внезапно по мне скользит язык, я возбуждаюсь еще сильнее и хватаю желтую декоративную подушку, которую Хардин называет отвратительной. Закрываю лицо, чтобы приглушить собственные непроизвольные стоны, а его язык начинает двигаться все быстрее и быстрее.

Внезапно он срывает подушку с моего лица.

– Нет, детка, смотри на меня, – командует Хардин, и я медленно киваю.

Он прижимает палец к моим губам, и язык снова скользит по мне. Переместив руку, он попадает в самое чувствительное место. Мои ноги вытягиваются в струнку. Прикосновения к клитору просто восхитительные, его палец медленно движется кругами, и одно только это легкое прикосновение мучительно сладко.

Повинуясь его требованию, я смотрю на него сверху вниз: жесткие волосы закинуты назад, волной возвышаясь надо лбом, спадает лишь одинокая прядь, которую он то и дело отбрасывает, когда опускает голову. Наполовину видя, наполовину воображая, как его губы касаются меня, я резко усиливаю ощущения, и я знаю, просто знаю, что не смогу сидеть тихо, когда начинает накапливаться медленная волна наслаждения. Одной рукой зажимаю себе рот, другой хватаю его за волосы, смещаясь так, чтобы встретиться с его языком. Это просто безумное наслаждение.

Тяну за волосы, слышу, как он стонет, заставляя меня возбуждаться все сильнее и сильнее.

– Жестче, – хрипит он.

Что?

Он тянется к моей руке и кладет свою ладонь поверх моей, заставляя тянуть его сильнее… Он хочет, чтобы я тащила его за волосы?

– Давай, – произносит он. Взгляд его полон желания. Хардин начинает двигать пальцами, затем опускает голову и помогает языком. Я резко тяну его за волосы. Его глаза закрыты. Когда они открываются, то в них горит яркий нефритовый огонь. Он смотрит на меня, но мое зрение на мгновение становится нечетким. – Давай, детка, – шепчет он.

Я замечаю, как его рука тянется вниз, между его ног, но не могу пошевелиться. Он поглаживает рукой свой твердый член, чтобы достичь оргазма одновременно со мной. Никак не могу привыкнуть к тому, что чувствую от его прикосновений. Глядеть, как он ласкает себя, ощущать его горячее дыхание, которое становится все тяжелее…

– Ты такая вкусная, детка, – бормочет он мне, двигая рукой все быстрее.

Сама того не понимая, я впиваюсь зубами в свою ладонь, когда достигаю высшей точки наслаждения, все еще цепляясь за его волосы.

Я дергаюсь. И затем еще немного, слабее.

Когда я прихожу в себя, то вижу, что он переместился, положив голову мне на живот. Его глаза закрыты, грудь часто колышется вниз-вверх. Я поднимаю его за плечо, пытаясь переместиться между его ног.

Он замирает и смотрит на меня.

– Я… гм, я уже все, – сообщает он.

Я смотрю на него.

– Я уже кончил… – Похоже, он совершенно изнемог.

– А.

Он лениво улыбается полупьяной улыбкой и поднимается с кровати. Затем подходит к шкафу, открывает нижний ящик и достает пару белых спортивных шортов.

– Мне явно нужно принять душ и переодеться. – Он указывает на промежность, где на джинсах, несмотря на их темный цвет, явно просматривается мокрое пятно.

– Прямо как в старые добрые времена? – улыбаюсь я, и он тоже улыбается, глядя на меня.

Хардин подходит и целует меня в лоб, затем еще один раз, в губы.

– Хорошо, что ты не потеряла свою возбудимость, – замечает он, подходя к двери.

– Она не моя, – напоминаю я, и он, качая головой, выходит из комнаты.

Я тянусь к своей одежде на краю кровати, молясь, чтобы отец все еще спал на диване и чтобы, если он вдруг проснулся, не попался на пути Хардина в ванную. Через секунду дверь в ванную закрывается, и я встаю, чтобы одеться.

Проверяю свой телефон, жду голосовое сообщение от Сандры, но ничего нет. Вижу маленький значок конверта в верхнем углу экрана, новая эсэмэска; может быть, она занята и решила отправить мне эсэмэс.

Я открываю сообщение и читаю: «Мне нужно поговорить с тобой».

Читаю имя отправителя: «Зед» – и охаю. Удалив сообщение, кладу телефон обратно на стол. Меня начинает терзать любопытство, и я ищу телефон Хардина. Мое сердце тяжелеет, когда я вспоминаю последний раз, когда я смотрела в него. Добром это не кончится.

Но на этот раз я знаю, что он ничего не скрывает. Это невозможно. Мы сейчас совершенно в другой ситуации. Он сделал ради меня татуировку… Только он не хочет ради меня переехать. Но мне ведь не о чем беспокоиться. Верно?

Я осматриваю комод, но на поверхности его нет, это означает, что он ушел с телефоном в ванную. Это ведь нормально?

«Мне не о чем волноваться; я просто псих и параноик», – напоминаю я себе.

Прежде чем погрузиться в кроличью нору беспокойства, убеждаю себя, что я не должна рыться в его мобильном, что сама бы я была в ярости, если бы он так сделал.

Хотя он, вероятно, так и делает. Просто я его еще не поймала.

Дверь в спальню внезапно открывается, и я подпрыгиваю, словно действительно занималась чем-то подозрительным. Хардин переоделся, в футболке, босиком, в спортивных шортах, из-под которых видны черные трусы.

– Ты в порядке? – спрашивает он, вытирая белым полотенцем мокрые волосы.

Мне нравится, что его волосы кажутся темнее, когда они мокрые; они контрастируют с зелеными глазами, о таком сочетании можно только мечтать.

– Да. Что-то ты недолго пробыл в душе. – Я сажусь на стул. – Надо было тебя побольше испачкать, – говорю я, стараясь, чтобы он не заметил, как дрожит мой голос.

– Я спешил, чтобы тебя увидеть, – неубедительно заявляет он.

Я улыбаюсь.

– Ты голодный?

– Да, – признается он с веселой улыбкой. – Я проголодался.

– Я так и думала.

– Твой отец еще спит, он собирается остаться здесь, пока нас не будет?

Все мои волнения испаряются.

– Ты пойдешь со мной?

– Думаю, да. Но если там будет так скучно, как я думаю, я останусь только на одну ночь.

– Хорошо, – с сожалением говорю я.

Но внутренне я просто в восторге: раньше он не уедет. Он просто обязан соблюсти приличия.

Он облизывает губы, и я снова думаю о том, как он двигался между моих бедер.

– Могу я кое о чем спросить?

Он смотрит на меня и кивает:

– Да – Он садится на кровать.

– Ты… ну, понимаешь, это потому, что я тянула тебя за волосы?

– Что? – смеется он.

– Тебя нравится, когда я тяну тебя за волосы? – Я краснею.

– Да, конечно.

– А. – Не могу даже представить, какая я сейчас красная.

– Для тебя это странно? Что мне это нравится?

– Нет, мне просто интересно, – честно отвечаю я.

– У каждого человека есть вещи, которые он мечтает попробовать во время секса; а у меня это одна из таких вещей. Я не знал об этом до сегодняшнего дня. – Он улыбается, совершенно не смущаясь, что мы говорим об этом.

– Вот как? – Я волнуюсь при мысли, что со мной он открыл кое-что новое.

– Ага. То есть меня тянули за волосы и другие девушки, но это было по-другому.

– А, – говорю я уже в десятый раз, но на этот раз более равнодушно.

Видимо, не поняв моей реакции, Хардин с любопытством смотрит на меня.

– А есть что-то, что тебе нравится, чего я еще не делал?

– Нет, мне нравится все, что ты делаешь, – тихо отвечаю я.

– Да, я знаю, но, может, есть что-то, чего ты хочешь, чего мы еще не пробовали?

Я качаю головой.

– Не смущайся, детка. У каждого человека есть фантазии на этот счет.

– У меня нет.

По крайней мере, я думаю, что их нет. У меня нет опыта отношений ни с кем, кроме Хардина, и я не знаю ни о чем, кроме того, чем мы с ним занимались.

– Наверняка есть, – произносит он с улыбкой. – Надо просто найти их.

Мой желудок сжимается, я не знаю, что сказать.

Вдруг нашу беседу прерывает голос отца:

– Тесси?

Первая моя мысль: как хорошо, что его голос звучит из гостиной, а не из-за двери!

Мы с Хардином одновременно встаем.

– Мне надо в туалет, – говорю я.

Злобно ухмыльнувшись, он кивает мне и уходит в гостиную.

Когда я захожу в ванную, телефон Хардина лежит на краю раковины.

Я знаю, что не должна этого делать, но не могу остановиться. Я сразу же захожу в список вызовов, но он не отображается. Все звонки стерты. На экране нет ни одного. Я выхожу и захожу снова, потом смотрю в текстовые сообщения.

Ничего. Он все удалил.

Глава 17

Тесса

Возвращаюсь из ванной с телефоном Хардина в руке. Он и отец сидят за кухонным столом.

– Детка, я с голоду умираю, – говорит Хардин, когда я подхожу.

Отец застенчиво смотрит на нас.

– Я бы съел… – неуверенно начинает он.

Кладу руку на спинку стула Хардина, и он отклоняет голову назад; его влажные волосы касаются моих пальцев.

– Тогда предлагаю вам что-нибудь себе приготовить, – предлагаю я и кладу телефон перед ним.

Хардин смотрит на меня с совершенно нейтральным выражением.

– Хорошо… – говорит он, встает и идет к холодильнику. – Ты голодна?

– У меня осталось кое-что из кафе.

– Ты расстроена, что мы сегодня напились? – спрашивает отец.

Я смотрю на него и смягчаюсь. Кажется, он такой сейчас, как был, когда мы с ним встретились.

– Я не расстроена, но не хочу, чтобы это стало обычным явлением.

– Этого не будет. Кроме того, ты уедешь, – напоминает он мне.

Гляжу через стол на человека, с которым знакома всего два дня, и не отвечаю. Вместо этого подхожу вместе с Хардином к холодильнику и открываю дверцу морозилки.

– Что бы ты хотел съесть? – спрашиваю я его.

Он осторожно смотрит мне в глаза, явно пытаясь угадать мое настроение.

– Курицу, например… или можем что-нибудь заказать?

Я вздыхаю:

– Давай закажем.

Не хочу ему грубить, но в голове у меня кружится тысяча вариантов того, что могло быть в его телефоне, раз он решил все удалить. После того как мы решаем сделать заказ, отец и Хардин начинают спор, что заказать – китайскую еду или пиццу. Хардин хочет пиццу; он побеждает, напомнив, что платить будет он. Отец, впрочем, не очень обижается, только смеется и машет руками.

Так странно на них смотреть. После того как мой отец ушел, я часто думала о нем, когда видела отцов своих друзей. Я создала себе образ человека, похожего на тех, кого я видела, только старше, и, безусловно, не бездомного бродягу. Я всегда представляла, как он, с портфелем, набитым важными документами, идет к своей машине и несет в руке кружку кофе. Не думала, что он будет продолжать пить, что у него не будет средств к существованию и дома. Не могу представить себе маму и этого человека ведущими беседу, не говоря уже о том, чтобы они провели в браке несколько лет.

– Как вы с мамой познакомились? – неожиданно спрашиваю я.

– В колледже, – отвечает отец.

Хардин хватает телефон и выходит из комнаты, чтобы заказать пиццу. Наверное… А может, чтобы кому-нибудь позвонить, а потом быстренько удалить вызовы.

Сажусь за кухонным столом напротив отца.

– Вы долго были знакомы перед свадьбой?

– Всего два года. Мы рано поженились.

Неловко спрашивать такое, но я понимаю, что у меня не будет возможности получить ответ от матери.

– Почему?

– Ты никогда не говорила об этом с мамой? – спрашивает он.

– Нет. Мы никогда не говорили о тебе. Если даже я пыталась начать этот разговор, она замыкалась в себе, – отвечаю я, глядя, как заинтересованность на лице отца меняется смущением.

– А.

– Извини, – говорю я, хотя и не уверена, что мне есть за что извиняться.

– Нет, я понимаю. Я ее не виню. – На мгновение он закрывает глаза, потом открывает их. Хардин возвращается на кухню и садится рядом со мной. – Отвечаю на твой вопрос: мы поженились так рано, потому что она забеременела тобой, а твои бабушка с дедушкой ненавидели меня и старались, чтобы она держалась от меня подальше. Так вот мы с ней и соединились.

Он улыбается, наслаждаясь воспоминаниями.

– Вы поженились назло бабушке с дедушкой? – с улыбкой спрашиваю я.

Мои бабушка с дедушкой, царствие им небесное, были немножко… странные. Очень странные. В моих детских воспоминаниях осталось, как меня затыкают за обеденным столом, требуют, чтобы я не смеялась, и заставляют снимать обувь, прежде чем заходить на ковры. На мой день рождения они присылали совершенно невыразительные карточки сберегательного счета, которым можно воспользоваться через десять лет, – не лучший подарок для восьмилетней девочки.

Моя мама была абсолютным клоном моей бабушки, только поживее. Хотя она старалась; мама тратила дни и ночи, пытаясь стать такой же совершенной, какой, по воспоминаниям, была ее мать.

Или настолько совершенной, насколько она ее представляла, неожиданно думаю я.

Отец усмехается:

– В некотором смысле да, назло. Но твоя мама всегда мечтала выйти замуж. Она практически приволокла меня к алтарю.

Он снова смеется, и Хардин смотрит на меня, прежде чем тоже усмехнуться.

Я хмуро поглядываю на него, вспоминая его реплики по поводу моих суждений о браке. Потом снова обращаюсь к папе:

– А ты был против брака?

– Нет. Честно говоря, я не помню; помню только, что был напуган, как всякий девятнадцатилетний пацан.

– И не зря. Мы видим, как это на тебе отразилось, – вставляет Хардин.

Я кидаю на него негодующий взгляд, но отец только отмахивается.

– Не то чтобы я это рекомендую, но многим молодым родителям это полезно. – Он машет рукой. – Я просто не был из их числа.

– А, – хмыкаю я. Не могу представить себе родителей в моем возрасте.

Он улыбается, давая мне понять, что готов отвечать еще.

– Еще вопросы, Тесси?

– Нет… думаю, это все, – говорю я.

Мне точно не очень уютно рядом с ним, но определенно уютнее, чем если бы на его месте сидела мать.

– Если захочешь узнать еще, спрашивай. А пока, если никто не против, я приму душ перед ужином?

– Конечно. Давай, – отвечаю я.

Просто не верится, что он тут всего два дня. Так много всего произошло с тех пор, как он тут появился, – Хардина отчислили или не отчислили, встреча с Зедом на парковке, обед со Стеф и Молли, стертый журнал вызовов – даже очень много. Это просто кошмар, куча вопросов постоянно растет, и кажется, что уменьшится она еще не скоро.

– Что-то случилось? – спрашивает Хардин, когда отец исчезает в коридоре.

– Ничего. – Я встаю и прохожу несколько шагов, прежде чем он меня останавливает, коснувшись моей талии и поворачивая к себе лицом.

– Я хорошо тебя знаю. Скажи мне, что случилось, – тихо требует он, положив руки мне на бедра.

Я пристально смотрю ему в глаза.

– Ты.

– Я… что? Поясни.

– Ты странно себя ведешь, ты удалил все сообщения и вызовы.

Он раздраженно морщится, потирает нос.

– Почему бы тебе не перестать лазить в мой телефон?

– Потому что ты ведешь себя подозрительно и…

– Так ты все-таки в нем копалась? Разве я тебе не говорил, чтобы ты так не делала?

Его негодование так меня возмущает, что кровь немедленно вскипает от гнева.

– Я знаю, что не должна копаться в твоих вещах, но ты не должен давать мне для этого причины. И если тебе нечего скрывать, что ты так беспокоишься? Я была бы не против, если бы ты посмотрел мой телефон. Мне нечего скрывать.

Я достаю из кармана телефон и протягиваю ему. И мгновенно вспоминаю, что, кажется, не удалила сообщение от Зеда, и начинаю паниковать, но Хардин отклоняет мою руку.

– Ты это делаешь просто в оправдание своего психоза, – заявляет он.

Его слова обижают меня. Но мне нечего сказать. То есть много есть что сказать, но слова застревают в горле. Я сбрасываю его руки с бедер и несусь прочь. Он сказал, что знает меня достаточно хорошо, чтобы чувствовать, когда со мной что-то не так. А я знаю его достаточно хорошо, чтобы определить, когда ловлю его на чем-то – будь то маленькая ложь или ставка на то, что кто-то лишит меня девственности; каждый раз происходит одно и то же: сначала он себя ведет подозрительно, а потом, когда я прижимаю его к стенке, сердится, защищается и наконец меня оскорбляет.

– Не уходи от меня! – бубнит он за моей спиной.

– Не ходи за мной! – требую я, уходя в спальню.

Но через секунду он появляется в дверях.

– Мне не нравится, когда ты лезешь в мое барахло.

– Мне тоже не нравится, но приходится.

Он закрывает дверь и прислоняется к ней спиной.

– Не стоит. Я их удалил, потому что… это вышло случайно. Там не было ничего, что бы заставило тебя волноваться.

– Волноваться? Ты хотел сказать «психовать»?

Он вздыхает.

– Я правда не хотел этого говорить.

– Тогда перестань говорить то, что не хотел говорить. Потому что я не понимаю, что ты серьезно говоришь, а что нет.

– Тогда не ройся в моем барахле. Потому что я не могу понять, могу я доверять тебе или нет.

– Ну ладно. – Я сажусь за стол.

– Ну ладно, – повторяет он, садясь на кровать.

Не могу решить, верю я ему или нет. Ничего не прибавилось, но и не убавилось. Может, он удалил вызовы и эсэмэс случайно, а может – потому что говорил по телефону со Стеф. Распаленное воображение развивает обрывки разговора, которые я слышала, но я не могу спросить об этом разговоре Хардина, потому что не хочу, чтобы он знал, что я подслушивала. Кроме того, он все равно не скажет, о чем они говорили.

– Я не хочу, чтобы между нами были секреты. Это должно остаться в прошлом, – напоминаю я.

– Черт, я знаю. Нет никаких тайн; ты просто сходишь с ума.

– Хватит называть меня сумасшедшей. Не тебе называть так кого-либо.

Я уже жалею о своих словах, но Хардин, кажется, не обижается.

– Прости, ладно? Ты не сумасшедшая, – говорит он и улыбается. – Ты просто просматриваешь мой мобильник.

В ответ выдавливаю из себя улыбку, пытаясь убедить себя, что все нормально, а я просто параноик. В худшем случае он что-то от меня скрывает. В конце концов я об этом узнаю, так что не стоит делать из этого такое большое событие сейчас. В итоге я все узнаю. Мысленно я повторяю эти аргументы раз за разом, пока не убеждаюсь в них окончательно.

Из другой комнаты кричит что-то отец, и Хардин замечает:

– Наверное, пиццу принесли. Ты же не собираешься злиться на меня весь вечер, верно?

И он выходит из комнаты, не дав мне шанса ответить.

Я поворачиваюсь на месте и смотрю туда, где оставила телефон. С интересом проверяю его – и конечно: еще одно сообщение от Зеда. На этот раз не стану его читать.

Следующий день – последний в моем старом офисе, поэтому еду на работу медленнее, чем обычно. Хочется запомнить каждую улицу, каждое здание на пути. Эта оплачиваемая стажировка стала сбывшейся мечтой. Я знаю, что буду продолжать работать на Вэнса в Сиэтле, но это место, где все началось, где началась моя карьера.

Когда я выхожу из лифта, Кимберли сидит за столом. Рядом с ним стоят несколько картонных коробок.

– Доброе утро! – щебечет она.

– Доброе утро, – отвечаю я не так весело, как она.

Чувствую себя неловко и словно на взводе.

– Как тебе последняя неделя? – спрашивает Ким, пока я наливаю себе кофе в пластиковый стаканчик.

– Да-а, точнее, последний день. Мне нужно будет уехать до конца недели, – напоминаю я ей.

– Ах да, чуть не забыла. Надо же! Твой последний день! Надо вручить тебе открытку, – улыбается она. – Но раз так, отдам тебе ее на следующей неделе в твоем новом кабинете.

Я смеюсь.

– А ты готова? Когда вы выезжаете?

– В пятницу! Новый дом уже обставлен и ждет нашего приезда.

Я абсолютно уверена, что новый дом Кристиана и Кимберли большой, красивый и современный, совсем как старый. Обручальное кольцо Кимберли сверкает на свету, и я невольно разглядываю его каждый раз, когда замечаю.

– Я все еще жду звонка насчет квартиры, – рассказываю я.

Ким оборачивается и смотрит на меня.

– Что? Ты еще не нашла себе квартиру?

– Я… я уже послала ей документы. Надо только договориться о деталях аренды.

– У тебя осталось всего шесть дней! – Кимберли в ужасе глядит на меня.

– Я знаю, все под контролем, – уверяю я, надеясь, что это правда.

Если бы дело происходило несколько месяцев назад, я бы тщательно спланировала каждую деталь, но сейчас я слишком загружена, чтобы сосредоточиваться на чем-либо, даже на переезде в Сиэтл.

– Ладно, если тебе потребуется помощь, просто дай знать, – предлагает она и переключается на звонящий на ее столе телефон.

Иду в свой кабинет по пустым коридорам. У меня не так много личных вещей, так что на сборы не должно уйти много времени.

Через двадцать минут после того, как я упаковываю последний ящик, раздается осторожный стук в дверь.

– Войдите, – громко говорю я.

На мгновение думаю, что это Хардин, но, обернувшись, вижу Тревора в широких джинсах и белой глаженой футболке. Я удивлена его неформальным видом, так как я привыкла видеть его в костюме.

– Готова к большому скачку? – спрашивает он, пока я пытаюсь поднять коробку, которую чересчур перегрузила.

– Да, почти. А ты?

Тревор подходит, забирает у меня коробку и ставит на стол.

– Спасибо, – улыбаюсь я, вытирая руки о свое зеленое платье.

– И я. Уезжаю сегодня, как только здесь все доделаю.

– Поразительно. Я знаю, что ты переедешь в Сиэтл, еще с момента, как мы были там в прошлый раз.

Чувствую, как краснею, и я вижу, что по его щекам тоже расползается румянец. «Когда мы были там последний раз», Тревор пригласил меня на замечательный ужин, а в благодарность я уклонилась от его поцелуя, а потом еще Хардин угрожал ему и толкнул. Понятия не имею, зачем я согласилась тогда с ним пойти.

Он смотрит на меня совершенно нейтрально.

– Это было интересное завершение недели. Во всяком случае, ты тоже, наверное, рада. Ты всегда хотела жить в Сиэтле.

– Да, не могу дождаться.

Тревор оглядывает мой кабинет.

– Конечно, это не мое дело… И все-таки: Хардин переедет в Сиэтл вместе с тобой?

– Нет. – Это вырывается раньше, чем я успеваю подумать. – Ну, я не уверена. Он говорил, что не хочет, но надеюсь, что он передумает… – продолжаю тараторить я слишком быстро.

Тревор несколько смущенно засовывает руки в карманы и прерывает меня:

– Почему он не хочет ехать с тобой?

– Я точно не знаю, но надеюсь, что он переедет, – вздыхаю я, садясь в свое кожаное кресло.

Голубые глаза Тревора встречаются с моими.

– Он псих, если этого не сделает.

– Он и так псих! – смеюсь я, пытаясь разрядить обстановку.

Он тоже смеется и качает головой:

– Ну, мне нужно заканчивать работу и выезжать. Буду рад увидеться с тобой в Сиэтле.

Он, улыбаясь, уходит, и я почему-то чувствую себя немного виноватой. Достаю телефон и пишу сообщение Хардину, между делом давая ему понять, что Тревор заходил в мой кабинет. Может быть, на этот раз Хардин так взревнует меня к Тревору, что решит переехать в Сиэтл? Это маловероятно, но не могу удержаться, чтобы не схватиться за соломинку, надеясь, что он передумает. Времени мало; шесть дней – слишком короткий срок, чтобы раздумывать. Ему придется сделать запрос на перевод, что не так уж сложно, учитывая положение Кена. Шесть дней – не такой уж долгий срок и для меня, хотя я и собираюсь в Сиэтл. Я должна там быть. Это

мое будущее, и я не могу ставить в центр мира Хардина, если он не желает идти на компромисс. Я предложила вполне разумный план: мы едем в Сиэтл, и если там ничего не сложится, едем в Англию. Но он об этом не хочет и слышать. Надеюсь, поездка с его семьей, которую мы запланировали, заставит его вместе со мной, Лэндоном, Карен и Кеном заняться чем-нибудь веселым и позитивным, это не так уж сложно.

Но с Хардином все сложно. Звенит телефон на столе, отвлекая меня от тяжких дум о Сиэтле.

– К вам посетитель, – говорит Кимберли мне в ухо, и сердце подпрыгивает при мысли, что это Хардин.

Прошло всего несколько часов, а я уже соскучилась по нему, потому что мы далеко друг от друга.

– Скажи Хардину, пусть войдет. Странно, что он даже попросил тебя доложить о своем прибытии, – прошу я.

– Гм, это не Хардин.

Может быть, Хардин привез сюда папу?

– Это пожилой человек с бородой?

– Нет… молодой парень… типа Хардина, – отвечает она почти шепотом.

– У него на лице есть синяки? – спрашиваю я, хотя уже знаю ответ.

– Да. Попросить его уйти?

Я не хочу, чтобы она заставляла Зеда уезжать, он ведь не сделал ничего плохого, за исключением того, что не послушался предупреждения Хардина держаться от меня подальше.

– Нет, все нормально. Это мой друг. Ты можешь разрешить ему войти.

Зачем он пришел? Уверена, что мне не стоит его слушать, но ведь что-то заставило его сорок минут крутить баранку, чтобы сообщить мне о чем-то.

Вешаю трубку, раздумывая, написать ли Хардину эсэмэску, что пришел Зед. Кладу телефон в ящик стола и закрываю его. Меньше всего мне нужно, чтобы Хардин примчался в состоянии, в котором не может контролировать гнев и, конечно же, устроит сцену в мой последний день на работе.

И меньше всего я хочу, чтобы его снова арестовали.

Глава 18

Тесса

Открываю дверь кабинета. Зед стоит в коридоре, как ангел смерти. На нем красно-черная клетчатая рубашка, черные джинсы и кроссовки. Отек на лице немного спал, а синяки вокруг глаз и у носа поменяли цвет от темно-фиолетового до зеленовато-голубого.

– Привет… Извини, что я вот так пришел, – начинает он.

– Что-то случилось? – спрашиваю я, возвращаясь к столу.

Он неловко мнется в дверях с минуту, затем заходит внутрь.

– Нет. То есть да, со вчерашнего дня я пытался поговорить с тобой, но ты не отвечала на эсэмэс.

– Я знаю, просто у нас с Хардином сейчас и так достаточно проблем, не желаю создавать новые, к тому же он не хочет, чтобы мы с тобой разговаривали.

– Ты позволяешь ему указывать, с кем тебе можно разговаривать?

Зед садится в кресло перед столом, а я сажусь с другой стороны. Разговор становится серьезным, почти официальным. Не то чтобы так неудобно, просто слишком формально. Смотрю в окно, а потом отвечаю:

– Нет. Я знаю, что он своего рода деспот и может что-то делать неправильно, но не могу сказать, что виню его за то, что он не желает нашей с тобой дружбы. Я бы не хотела, чтобы он проводил время с кем-то, к кому испытывает какие-то чувства.

Глаза Зеда расширяются.

– Что ты сказала?

Черт!

– Ничего, я только имела в виду…

Вокруг меня сгущается воздух и сжимаются стены. Зачем я это только что сказала? Не то чтобы это неправда, но это совсем не помогает делу.

– Ты испытываешь ко мне какие-то чувства? – спрашивает он, и с каждым словом его глаза сияют все ярче.

– Нет… То есть были. Не знаю.

Я путаюсь и отчаянно жалею, что не могу стукнуть себя за то, что ляпнула не подумав.

– Ничего страшного, если ты не испытываешь их ко мне, только не надо лгать.

– Я не вру, ты мне нравился. И до сих пор, возможно, что-то остается, не знаю. Все так запутано. Ты всегда говорил все правильно, всегда оказывался в нужном месте. Это имело бы смысл, если бы я развивала это чувство. Я уже говорила, что ты мне небезразличен, но мы оба знаем, что это безнадежное дело.

– Почему?

Не знаю, сколько еще раз надо повторить, прежде чем он поймет, к чему я клоню.

– Потому что это бессмысленно. Я никогда не смогу быть с тобой или с кем-то другим, раз уж на то пошло. Ни с кем, кроме него.

– Ты говоришь так только потому, что ты у него на крючке.

Стараюсь сдержать медленно нарастающий гнев. Зед, конечно, имеет право относиться к Хардину плохо, но мне совсем не нравится, когда он намекает, что я совершенно бесправна и безвольна, когда речь идет о моих личных делах.

– Нет, я говорю, потому что его люблю. Не хотела говорить тебе прямо сейчас, но я знаю, что должна это сделать. Я не хочу приближать тебя к себе больше, чем есть сейчас. Я знаю, что

ты не понимаешь, почему я остаюсь с ним после всего, что произошло, но я очень его люблю, сильнее, чем когда-либо, и я не на крючке. Я хочу быть с ним.

Так и есть. Все, что я только что сказала Зеду, истинная правда. Поедет Хардин со мной в Сиэтл или нет, мы сможем попытаться сохранить отношения. Общаться по скайпу, видеться по выходным, пока он не уедет в Англию. Надеюсь, что к тому времени он уже не захочет отдаляться от меня. Может быть, расстояние смягчит сердце Хардина и он согласится ко мне переехать. История наших отношений показывает, что нам очень плохо друг без друга и, сознательно или нет, в конце концов мы все равно оказываемся вместе. Мне трудно вспомнить время, когда мои дни и ночи не были связаны с этим человеком. Снова и снова пытаюсь представить себе жизнь без него, но это почти невозможно.

– Не думаю, что он и вправду предоставляет тебе решать, что для тебя хорошо и чего ты хочешь, – убежденно говорит внезапно охрипший Зед. – Он заботится только о себе.

– Вот тут ты ошибаешься. Я знаю, что между вами есть некоторые трения, но…

– Нет, ты не знаешь обо всех наших делах, – быстро произносит он. – Если ты…

– Он любит меня, а я его, – прерываю я. – Мне жаль, что ты оказался втянут во все это. Очень жаль. Я никогда не хотела причинить тебе боль.

Он хмурится.

– Ты мне это постоянно говоришь и все же постоянно причиняешь.

Больше всего ненавижу выяснять отношения, особенно с человеком, который для тебя что-то значит, но я должна сказать ему это, чтобы покончить раз и навсегда с… Даже не знаю, как это назвать. Этой ситуацией? Недоразумением? Темной полосой?

Я смотрю на Зеда. Надеюсь, он видит мою искренность.

– Я не нарочно. Прости.

– Тебе не нужно извиняться. Я уже знал это, когда решил сюда приехать. Ты все дала понять мне предельно ясно еще возле административного корпуса.

– Тогда зачем ты пришел? – тихо спрашиваю я.

– Чтобы с тобой поговорить. – Он оглядывает комнату, потом снова смотрит на меня. – Неважно. Не знаю, зачем я пришел, – вздыхает он.

– Вот как? Несколько минут назад ты казался вполне уверенным.

– Нет. Это бессмысленно, ты правильно сказала. Прости меня.

– Все нормально, ты не должен извиняться, – отвечаю я.

Мы оба это говорим, думаю я.

Он указывает на коробки.

– Ты собираешься?

– Да, почти закончила.

Воздух между нами становится ужасно плотным, и никто не знает, что еще сказать. Зед смотрит в серое небо в окне, я гляжу на стену позади него. Наконец он встает и говорит еле слышным грустным голосом:

– Я тогда пойду. Извини, что пришел. Удачи тебе в Сиэтле, Тесса.

Я встаю.

– Прости меня за все. Я хотела бы, чтобы многое было иначе.

– Я тоже, больше, чем ты думаешь, – отвечает он, поднимаясь с кресла.

Мне очень жалко Зеда. Он всегда был так добр ко мне, а я ничего в ответ не сделала, только заманила его и потом отвергла.

– Ты принял решение, будешь выдвигать обвинения?

Не совсем подходящее время, чтобы спрашивать об этом, но я не знаю, увижу или услышу ли я его когда-нибудь еще.

– Нет, я не собираюсь этого делать. Решено, нет смысла об этом больше говорить. Я тебе говорил, что если ты скажешь мне, что не хочешь меня больше видеть, я сниму обвинения, верно?

Внезапно чувствую, что, если Зед взглянет на меня еще раз, я расплачусь.

– Да, – тихо отвечаю я.

Чувствую себя Эстеллой из романа «Большие надежды», разбивающей чувства Пипа. Мой собственный Пип стоит передо мной и смотрит на меня. Вот эту роль мне хотелось бы играть меньше всего.

– Мне действительно жаль, что так получилось. Мы могли бы остаться друзьями, – бормочу я.

– Да, но тебе не разрешается иметь друзей, – вздыхает он, потирая пальцами нижнюю губу и пощипывая ее.

Я решаю не комментировать: речь не о том, что мне «разрешается» делать. Представляю себе, как это выглядело бы со стороны других людей и Хардина, и убеждаюсь, что он понимает, что это меня беспокоит, а его чувство ко мне заставляет всех судить обо мне неправильно.

Как нарочно, рабочий телефон нарушает наше молчание. Жестом прошу Зеда не уходить и поднимаю трубку.

– Тесса, – доносится до меня грубый голос Хардина. Вот дьявол!

– Привет, – неуверенно отвечаю я.

– Все в порядке?

– Да.

– Ты как-то странно говоришь. – Почему он так хорошо меня знает?

– Все в порядке, – снова уверяю его я. – Просто отвлеклась.

– Ладно. Короче, мне нужно знать, что делать с твоим папой. Я тебе писал, но ты не отвечала. У меня есть еще всякие дела, и я не знаю, оставлять его здесь или что?

Смотрю на Зеда. Он стоит у окна, не глядя на меня.

– Не знаю, ты не можешь взять его с собой? – Сердце у меня колотится.

– Блин, нет. Нет.

– Тогда оставь его там, – говорю я, чтобы завершить разговор.

Хочу рассказать Хардину о Зеде здесь, но представляю, как он разъярится, если узнает, что он заходил, а я, черт возьми, хотела это скрыть.

– Ладно, тогда, как вернешься, сама реши, что с ним делать.

– Ладно-ладно, увидимся дома.

Раздается музыка, и у меня уходит минута, чтобы понять, что она исходит от Зеда. Он лезет в карман и отключает ее, но не раньше, чем Хардин успевает ее услышать.

– Что это было? Чей это телефон? – спрашивает он.

Моя кровь сразу холодеет, пока я делаю паузу, чтобы обдумать ответ. Мне нельзя показать страх или волнение, когда Хардин узнает, что Зед тут. Я ничего плохого не сделала; он пришел, и он уезжает. Хардин раздражается, когда ко мне в офис заходит Тревор, а ведь он сотрудник и имеет право заходить, когда захочет.

– Этот гребаный Тревор там?

– Нет, это не Тревор. Это Зед, – набрав воздуха в грудь, говорю я.

Молчание. Смотрю на экран, чтобы убедиться, что звонок еще продолжается.

– Хардин?

– Да, – отвечает он, шумно выдыхая.

– Ты меня слышишь?

– Да, Тесса, я слышал.

И все? Почему он не орет в телефон и не угрожает его убить?

– Поговорим об этом позже. Попроси его уйти, пожалуйста, – спокойно просит он.

– Хорошо…

– Спасибо, увидимся дома, – говорит он и вешает трубку.

Когда я, немного сбитая с толку, кладу трубку, Зед поворачивается ко мне:

– Прости, я знаю, он будет беситься из-за этого.

– Не будет. Все в порядке, – отвечаю я. Конечно, это не так, но в любом случае хорошо звучит. Реакция Хардина на то, что Зед находится в моем кабинете, меня поразила. Никак не ожидала, что он будет так спокоен. Думала, он скажет, что едет сюда. Очень надеюсь, что это не так.

Зед подходит к двери.

– Ладно. Думаю, мне пора идти.

– Спасибо, что зашел, Зед. Видимо, до моего отъезда больше не увидимся.

Он поворачивается. В его глазах что-то мелькает, но исчезает так быстро, что я не успеваю понять, что именно это было.

– Не буду говорить, что встреча с тобой усложнила мне жизнь, но я ничего не хотел бы менять. Я прошел через все это дерьмо – драки с Хардином, потерю друга, все такое. Ради тебя я прошел бы через все это еще раз. Кажется, мне не везет: не могу встретить девушку, которая не любит кого-то еще.

Его слова всегда меня трогают, всегда. Он всегда так искренен, просто восхитительно.

– Пока, Тесса.

Это куда больше, чем обычное дружеское прощание, но не могу ответить ему тем же. Если я скажу что-то не то или промолчу, то опять дам ему ложную надежду.

– Пока, Зед.

Стараюсь улыбнуться, и он подходит ко мне. На мгновение я пугаюсь, что он хочет меня поцеловать, но нет: Зед обнимает меня, крепко, но коротко, и быстро целует в лоб. Потом сразу отступает и хватается за ручку двери, как утопающий за соломинку.

– Береги себя, хорошо? – говорит он, открывая дверь.

– Ладно. В Сиэтле не так уж плохо, – улыбаюсь я.

Чувствую себя уверенной в себе, словно сделала то, что надо.

Он хмурится и выходит из кабинета. Когда дверь закрывается, слышу, как он тихо бормочет:

– Я не про Сиэтл.

Глава 19

Тесса

Как только дверь закрывается и Зед исчезает – исчезает навсегда, – закрываю глаза и откидываю голову на спинку кресла. Не могу понять, что я чувствую. Чувства смешаны, в мыслях хаос. Частично я чувствую облегчение от того, что непонимание между мной и Зедом разрешено. Но другая, меньшая, часть сознания сигнализирует о тяжелой утрате. Зед был единственным из так называемых друзей Хардина, кто всегда помогал мне, и странно сознавать, что больше я его не увижу. По щекам сами собой текут слезы, но я пытаюсь взять себя в руки. Не стоит из-за этого плакать. Я должна быть счастлива, что могу наконец закрыть книгу под названием «Зед», отложить ее прочь, оставив пылиться на полке, и никогда больше не открывать.

То, что я не хочу быть с ним, не значит, что я его не люблю. Не то что я когда-нибудь предпочту его Хардину, просто я забочусь о нем, и мне хотелось бы, чтобы все было по-другому. Жаль, что наши отношения были чисто платоническими, – может, тогда мне не пришлось бы выбросить Зеда из жизни. Не понимаю, зачем он приходил, но я рада, что он ушел раньше, чем смог еще больше запутать меня или доставить боль Хардину.

Звонит телефон; откашлявшись, беру трубку. В ответ на мое жалкое «алло» звучит громкий и ясный голос Хардина:

– Он ушел?

– Да.

– Ты плачешь?

– Я просто… – начинаю я.

– Что? – допытывается он.

– Не знаю, я просто рада, что все кончилось.

Я вытираю глаза, и он вздыхает, удивляя меня простым ответом:

– Я тоже.

Я больше не плачу, но говорю ужасным голосом:

– Спасибо… – Я делаю паузу. – За понимание.

Все прошло гораздо лучше, чем я ожидала. Не знаю, следует ли испытывать облегчение или стоит немного поволноваться. Решаю остановиться на облегчении и закончить свой последний рабочий день в этом здании как можно более спокойно.

Около трех в кабинет заходит Кимберли; за ней входит девушка, которую я точно никогда у нас не видела.

– Тесса, это Эми, она будет меня заменять, – сообщает Кимберли, представляя тихую, еще немного нервничающую девушку.

Я отрываюсь от чтения, пытаюсь приободрить Эми приветливой улыбкой.

– Привет, Эми, я Тесса. Вам здесь понравится.

– Спасибо! Мне уже тут нравится, – взволнованно говорит она.

Ким смеется.

– Ну, я на самом деле хотела к тебе заглянуть, поэтому мы тут делаем вид, что я провожу экскурсию.

– Ах да! Ты же учишь ее тебя заменять, так что все в порядке, – дразню я.

– Эй! Если ты находишься в близких отношениях с боссом, у тебя появляются кое-какие привилегии, – парирует она.

Эми смеется, и Кимберли ведет ее дальше. Последний день на работе наконец заканчивается, и мне хочется, чтобы он тянулся как можно медленнее. Я собираюсь оставить это место, к тому же немного волнуюсь: как Хардин встретит меня дома? Снова оглядываю свой кабинет. В первую очередь взгляд останавливается на столе. Вспоминаю, как мы с Хардином занимались на нем любовью, и от воспоминаний сводит живот. Это так экстремально: заниматься сексом в офисе, когда в любой момент может зайти кто угодно! Я слишком была увлечена Хардином, чтобы обращать внимание на что-то еще… И Хардин скрашивал каждый мой день.

По дороге домой захожу в супермаркет, чтобы купить продуктов, – только на сегодняшний ужин, ведь утром мы уезжаем. Я рада предстоящей поездке и волнуюсь. Надеюсь, во время двухдневного отдыха с семьей Хардин сможет держаться в рамках. Кроме того, надеюсь, на судне достаточно места, чтобы где-то можно было передохнуть в одиночестве.

Приезжаю домой. Ногой открываю входную дверь и затаскиваю в квартиру пакеты с продуктами. В гостиной – беспорядок; на журнальном столике валяются пустые бутылки из-под воды и обертки. Отец и Хардин сидят на противоположных концах дивана.

– Как прошел день, Тесси? – спрашивает отец, наклонив голову.

– Хорошо. Это был мой последний день, – отвечаю я, хотя он и так это знает.

Убираю мусор со стола и с пола.

– Рад, что хорошо.

Смотрю на Хардина, но он не глядит в ответ, а таращится в телевизор.

– Я приготовлю обед, а потом схожу в душ, – говорю я им, а отец тащится за мной на кухню.

Отец с интересом наблюдает, как я разгружаю пакеты с едой и выкладываю на стол фарш и всякие коробки, и наконец выдает:

– Один мой друг обещал меня забрать. Попозже. Если можно. Я знаю, ты завтра уедешь на несколько дней.

– Да, хорошо. Завтра утром мы можем тебя подкинуть, если тебе удобнее, – предлагаю я.

– Нет, ты и так уже достаточно сделала. Только обещай, что дашь мне знать, когда вернешься.

– Хорошо… Только как с тобой связаться?

Он потирает шею.

– Может, просто заехать в Lamar? Обычно я там.

– Ладно, так и сделаю.

– Пойду перезвоню другу, чтобы он знал, что я готов. – Он уходит с кухни.

Слышу, как Хардин дразнит отца, потому что тот не помнит точно номера телефонов, потому что у него нет мобильника, и закатываю глаза, когда отец заводит: «Когда я был маленьким, мобильников в помине не было».

Чтобы приготовить тако с говядиной, не нужно ни особенных усилий, ни большого ума. Мне хочется, чтобы Хардин зашел на кухню и поговорил со мной, но предполагаю, что будет лучше, если он дождется ухода отца. Я накрываю на стол и зову их. Хардин входит первым, почти не глядя на меня, затем отец. Садясь, он говорит:

– Чад скоро приедет, чтобы меня забрать. Спасибо, ребята, что разрешили у вас остановиться. Я вам очень благодарен. – Он крутится между мной и Хардином, потом внезапно добавляет: – Спасибо вам, Тесси и «Эйч-бомб».

По тому, как Хардин закатывает глаза, я догадываюсь, что это какая-то их общая шутка.

– Да не за что, – отвечаю я.

– Я так рад, что мы нашли друг друга, – заключает он и ест со зверским аппетитом.

С улыбкой отвечаю:

– Я тоже.

Я все еще не могу осознать, что этот человек – мой отец. Человек, которого я не видела девять лет, к которому у меня было так много неприязни и который так просто сидит на кухне вместе с моим парнем и со мной и ужинает.

Смотрю на Хардина, ожидая от него какой-нибудь колкости, но он ничего не говорит и спокойно ест. Его молчание сводит меня с ума. Я хочу, чтобы он что-нибудь сказал… хоть что-нибудь. Иногда молчание намного хуже воплей.

Глава 20

Хардин

После еды Тесса еще раз, окончательно и прохладно, прощается с отцом и уходит в душ. Я намеревался пойти в душ с ней, но друг Ричарда весь вечер не может приехать, чтобы забрать его задницу.

– Он приедет сегодня или… – начинаю я.

Ричард раз двадцать кивает, потом смотрит в окно со слегка озабоченным выражением.

– Да-да, он сказал, что скоро будет. Наверное, просто заблудился.

– Конечно, – говорю я.

Он улыбается:

– Ты больше не хочешь меня видеть?

– Ну, до этого еще не дошло.

– Может быть, я найду себе работу и повидаюсь с вами обоими в Сиэтле.

– Никто из нас не будет в Сиэтле.

Он смотрит на меня с загадочным видом.

– Конечно, – повторяет он с моей же интонацией минутной давности.

Наш неприятный разговор прерывается стуком в дверь; Ричард идет открывать, я тоже встаю, на случай если потребуется небольшой дополнительный пинок.

– Спасибо, что подвезешь меня, чувак, – говорит отец Тессы своему другу, который остается за порогом, но всовывает голову в квартиру. Высокий, с длинными черными волосами, зачесанными в отвратительно сальный хвост. Щеки ввалились, под ногтями – черные ободки, руки грязные и костлявые.

Что за хрень?

Скрипучим голосом, вполне соответствующим внешнему виду, человек с некоторым интересом спрашивает:

– Это дом твоей дочери? – Он не пьяный.

– Да. Клево, а? Я ею горжусь.

Ричард улыбается, и парень поощрительно хлопает его по плечу.

– А это кто? – спрашивает он.

Оба смотрят на меня. Ричард по-прежнему улыбается.

– Это? Это Хардин, парень Тессы.

– Здорово, я Чад, – произносит мужик так, словно он местная знаменитость и я не мог про него не слышать.

Не пьян. Это гораздо хуже.

– Замечательно, – отзываюсь я.

Чад обшаривает глазами нашу гостиную. Хорошо, что Тесса в душе и не вынуждена с ним знакомиться.

Тут я слышу, как открывается дверь в ванную, и мысленно матерюсь. Надо побыстрей заканчивать эту болтовню. Чад задирает рукав толстовки и чешет руку. Чует мое сердце, к моменту, как Теса выйдет, я обязан выпроводить их на хрен.

– Хардин? – раздается голос в коридоре.

– Вам пора, – сообщаю я этой стремной парочке насколько это возможно грозно.

– Я хотел бы увидеть ее, – говорит Чад со странным огоньком в глазах.

Еле удерживаю себя от того, чтобы вышвырнуть обоих кренделей в окно.

– Нет. Ты ее не увидишь, – отвечаю я.

Ричард смотрит на меня.

– Ладно… ладно… пойдем, – бормочет он, выпроваживая приятеля. – Пока, Хардин. Еще раз спасибо. Не попади в тюрьму, – брякает он на прощание и с ухмылкой выходит.

– Хардин? – снова зовет она и заходит в гостиную.

– Они только что ушли.

– Что случилось? – спрашивает она.

– Что случилось? Хм… разберемся. Зед приходил к тебе в офис, твой папаша-алкоголик привел совершенно стремного дружка в нашу квартиру. – После короткой паузы добавляю: – Ты уверена, что твой папа только пьет?

– Что? – Рукав ее – то есть моей – футболки сползает, оголяя плечо. Она отступает назад и садится на диван. – Что значит «только пьет»?

Не хочу сеять в ней подозрение, что ее отец не только бездомный пьяница, но и наркоман. Он не так плохо выглядит, как заходивший к нам придурок, но у меня все равно остается от всего этого странное чувство. Тем не менее я говорю:

– Не знаю. Я ничего не имел в виду, просто думал вслух.

– Хорошо… – спокойно отвечает она.

Уверен, – я достаточно хорошо ее знаю, – что вопрос, сидит ли отец на наркоте, ей в голову не приходил; она никогда не поймет, что я имел в виду.

– Ты на меня злишься? – робко спрашивает она.

Я знаю, она ждет, что я внезапно взорвусь. Но я нарочно избегаю разговора.

– Нет.

– Точно?

Она смотрит на меня своими большими красивыми глазами, словно просит, чтобы я что-то рассказал. Взгляд достигает цели.

– Нет, не точно. Не знаю. Я действительно сержусь, но не хочу с тобой ругаться. Я пытаюсь меняться, ты же знаешь. Держать свое дерьмо при себе и не срываться из-за каждого пустяка. – Я вздыхаю и потираю затылок. – Даже если это не пустяки. Я говорил тебе, и не раз, чтобы ты не встречалась с Зедом, но ты не послушалась. – Я холодно смотрю на нее – не потому что зол, а чтобы увидеть ее реакцию, и добавляю: – Как бы ты себя вела, если бы я так поступил?

Она на глазах бледнеет.

– Я чувствовала бы себя ужасно. Я знаю, что была не права, встретившись с ним, – покорно признает она.

Этого я не ожидал. Я ждал, что она, как всегда, разорется и станет заступаться за этого говнюка Зеда.

– Да, но это, должно быть, так. Я сделал все, что мог, чтобы держать его подальше от тебя, но он не останавливается. Значит, ты сама должна держать его подальше.

– Так и будет, клянусь. Я больше не буду с ним видеться.

Она смотрит на меня, и я вздрагиваю при мысли, что, когда я ей звонил, она плакала из-за этой встречи.

– Мы не поедем в субботу на вечеринку, – заявляю я, и ее лицо выражает изумление.

– Почему?

– Потому что я не думаю, что это хорошая идея. – На самом деле я так не считаю.

– Я хочу пойти. – Ее полные губы сжимаются в ниточку.

– Мы не пойдем, – повторяю я.

Она выпрямляется и откидывается назад.

– Если я хочу пойти, я пойду.

Вот упрямая коза!

– Может, обсудим это потом? У нас еще туева хуча дел, если ты хочешь, чтобы я поехал на этот идиотский катер.

Она игриво улыбается:

– А еще больше ругательств ты в это предложение вставить не смог?

Я улыбаюсь, и она очень нежно ложится мне на колени. Это так приятно: кладу руку поперек, потирая пальцами ее кожу, не очень жестко, ровно столько, чтобы заставить ее порозоветь…

– Хардин?

Всплывают все мои потаенные извращенные мысли, которые я отталкивал от себя… до этого момента. Расскажи я, о чем мечтаю, она бы загородилась от меня руками.

Глава 21

Тесса

Я вновь трясу его за руку.

– Хардин! Тебе пора вставать! Мы опоздаем.

Я уже собралась, оделась и загрузила сумки в машину; я дала ему поспать столько, сколько было возможно. Черт возьми, я же вчера успела собрать вещи, он не очень-то мне помогал.

– Не… опоздаем, – бормочет он.

– Пожалуйста, вставай! – Я тяну Хардина и толкаю. Боже, вот бы он был жаворонком, как я!

Он закрывает лицо подушкой, но я хватаю ее и бросаю на пол.

– Нет, отстань!

Я решаю попробовать другой способ и кладу руку на его трусы спереди. Вчера он заснул прямо в джинсах, и я уйму времени убила, чтобы их стянуть, а он так и не проснулся. Но теперь Хардин уязвим.

Осторожно касаюсь ногтями татуированной кожи выше пояса… Он не двигается с места. Запускаю руку ему в трусы, и он открывает глаза.

– Доброе утро, – произносит он с похотливой улыбкой. Я вытаскиваю руки и встаю.

– Вставай.

Он резко зевает и говорит, глядя на трусы:

– Кажется, я… уже… встал.

Он не открывает глаза, но я вижу, что он притворяется. Вскоре Хардин начинает неестественно храпеть, как в мультфильмах. Это не то, чего я ждала, но это забавно! Надеюсь, что он сохранит такое настроение всю неделю или хотя бы до конца дня.

Снова забираюсь ему в трусы, а когда его глаза приоткрываются и он смотрит на меня, как нетерпеливый щенок, говорю «ой-ой» и вытаскиваю руку.

– Нечестно! – стонет он.

Но все же встает, натягивает джинсы, затем подходит к комоду и берет черную футболку, смотрит на меня, кладет ее обратно и достает белую. Он проводит пальцами по волосам, ставя их торчком, потом отбрасывает назад.

– У меня еще есть время почистить зубы? – саркастически спрашивает он хриплым со сна голосом.

– Да, но поторопись. Чисти поскорей, – командую я и обхожу квартиру, чтобы убедиться, что все в порядке.

Через несколько минут Хардин добирается до гостиной, и мы наконец выходим.

Кен, Карен и Лэндон ждут нас на обочине. Я опускаю окно.

– Простите, мы немного опоздали, – извиняюсь я, когда мы паркуемся рядом с ними.

– Все нормально! Мы решили, что поедем все вместе, туда довольно далеко, – говорит Карен с улыбкой.

– Черт, нет! – шепчет Хардин.

– Давайте. – Она показывает на черный внедорожник на другой стороне дороги. – Кен купил мне его на день рождения, и мы ни разу еще на нем не ездили.

– Нет. Блин, нет! – бормочет Хардин чуть громче.

– Все будет хорошо, – успокаиваю его я.

– Тесса… – начинает он.

– Хардин, пожалуйста, не делай из этого проблему, ладно? – прошу я.

Ладно, только спокойствие: смотрю на него так соблазнительно, что это должно сработать.

Через мгновение его взгляд смягчается.

– Ладно. Блин, везет, что я тебя люблю.

Я сжимаю его руку.

– Спасибо, – отвечаю я и поворачиваюсь к Карен. – Хорошо, – говорю я ей с улыбкой и глушу машину.

Хардин с недовольным видом ставит наши чемоданы в багажник машины Карен.

– Будет весело! – смеется Лэндон, когда я залезаю в автомобиль.

После пререканий на тему, что он не собирается сидеть рядом с Лэндоном, Хардин садится со мной на заднем сиденье. Кен выезжает на дорогу, Карен включает радио и начинает тихонько подпевать.

– Это чертовски похоже на какую-то дурацкую комедию, – замечает Хардин и берет меня за руку.

Глава 22

Тесса

– Висконсин! – кричит Карен, хлопает в ладоши и показывает на проезжающий мимо грузовик.

Не могу удержаться от смеха при виде испуганной физиономии Хардина.

– О боже, мать его! – фыркает он, откидываясь на сиденье.

– Может, прекратишь? Ей весело, – занудствую я.

– Техас! – вопит Лэндон.

– Открой дверь, я тут выскочу, – бормочет Хардин.

– Ты все драматизируешь, – смеюсь я в ответ. – Что такого, что они играют, называя города по номерам машин? Думаю, ты тоже можешь присоединиться. Вы с друзьями, кажется, ведь ужасно любите дурацкие игры типа «Правды или действия»?

Прежде чем Хардин успевает сказать мне что-нибудь умное, Карен восклицает:

– Мы так рады, что вы тоже увидите катер и дом!

Непонимающе таращусь на нее.

– Дом?

– Да, у нас есть небольшой домик прямо на воде. Думаю, тебе понравится, Тесса.

Хорошо, что мне не придется спать в катере, как я подозревала.

– Надеюсь, будет солнечно, погода отличная, несмотря на февраль. Летом, конечно, лучше. Может быть, съездим потом еще раз? – спрашивает Кен, глядя в зеркало заднего вида.

– Конечно! – отвечаем мы с Лэндоном хором.

Хардин закатывает глаза. Видимо, он собирается по-детски дуться всю поездку.

– У тебя в Сиэтле все готово, Тесса? – спрашивает Кен. – Я вчера говорил с Кристианом, он с нетерпением ждет твоего приезда.

Чувствую на себе взгляд Хардина. Но меня это не остановит.

– Планирую начать сборы после нашего возвращения, но я уже перевелась в новый университет, – отвечаю я.

– Этот университет ничто по сравнению с моим, – шутит Кен, и Карен смеется. – Нет, на самом деле он неплохой. Если у тебя будут какие-то проблемы, дай мне знать.

Я улыбаюсь; здорово, что он на моей стороне.

– Спасибо, обязательно.

– Подумай об этом, – продолжает он. – Со следующей недели у нас будет работать новый профессор из Сиэтла. Он заменит одного из наших профессоров богословия.

– Ого, которого? – спрашивает Лэндон, приподняв в удивлении брови.

– Сото, молодого. – Кен снова бросает взгляд в зеркало заднего вида. – Он ведь ведет у тебя занятия?

– Да, – отвечает Лэндон.

– Не помню, куда он уходит, кажется, переезжает, – продолжает Кен.

– Дело хорошее, – бормочет Лэндон себе под нос, но я слышу и улыбаюсь ему.

Нам обоим не нравится стиль преподавания профессора Сото и отсутствие академической строгости. Хотя мне очень понравилось делать записи в дневнике, который он заставлял нас вести.

Сквозь мысли пробивается нежный голос Карен:

– Вы уже сняли себе квартиру?

– Нет. Я вроде сняла квартиру, по крайней мере, я так думала, но хозяйка, кажется, испарилась. Это было хорошее место, мне по карману и близко к работе, – отвечаю я.

Хардин пододвигается поближе. Хочу добавить, что он не поедет со мной в Сиэтл, но поскольку я надеюсь использовать поездку к озеру, чтобы его переубедить, решаю промолчать.

– Знаешь, Тесса, в Сиэтле у меня есть друзья. Если хочешь, я могу договориться и ты поживешь у них до понедельника, – предлагает Кен.

– Нет, – быстро отвечает Хардин.

Я смотрю на него.

– На самом деле это было бы здорово, – отвечаю я, встречаясь с Кеном глазами в зеркале. – Иначе придется потратиться на отель, пока я не нашла квартиру.

Хардин отмахивается.

– Все нормально. Уверен, Сандра ей перезвонит.

Очень странно.

– Откуда ты знаешь, как ее зовут? – спрашиваю я.

– Что? – Он растерянно моргает. – Ты же сто раз говорила.

– А-а-а, – тяну я; он проводит по моему бедру рукой и мягко сжимает.

– Ну, дашь мне знать, если захочешь, чтобы я позвонил, – снова предлагает Кен.

Еще через двадцать минут Карен оглядывается на нас и с деланым оживлением спрашивает:

– Как насчет поиграть в «Шпиона»?

Лэндон тоже оживляется:

– Да, Хардин, как насчет «Шпиона»?

Хардин приваливается ко мне, кладет голову на плечо и обнимает.

– Я не против. То есть классно, но меня что-то клонит в сон. Но я уверен, Тесса с Лэндоном не против поиграть.

Несмотря на то что он смеется над игрой, от такого проявления чувств я улыбаюсь. Помню времена, когда в доме своего отца Хардин решался только держать меня за руку, да и то под столом, а теперь ему, кажется, все равно, что он обнимает меня на глазах всей семьи.

– О'кей! Я начну, – командует Карен. – Я шпион, и я заметил… что-то… синее! – взвизгивает она.

Хардин тихонько хихикает и косится на меня.

– Рубашка Кена, – шепчет он, прижимаясь ко мне.

– Экран навигатора? – гадает Лэндон.

– Нет.

– Рубашка Кена? – спрашиваю я.

– Да! Тесса, твой ход.

Ко мне прижимается Хардин, но я сосредоточиваюсь на улыбке Карен. Мне не так весело, чтобы играть в эти дурацкие игры, но она слишком милая, чтобы я могла отказаться.

– Хорошо, я заметила нечто. – Я гляжу на Хардина. – Черное.

– Душа Хардина! – восклицает Лэндон, и я смеюсь.

Хардин открывает один глаз и показываает сводному брату средний палец.

– Угадал! – хихикаю я.

– Прекрасно, значит, вы можете заткнуться и дать моей черной душе поспать, – бурчит он и опять закрывает глаза.

Мы не обращаем внимания и продолжаем играть, и уже через несколько минут дыхание Хардина выравнивается, и он начинает похрапывать мне в шею. Он что-то бормочет, потом соскальзывает и кладет голову мне на колени, обняв рукой за талию. Лэндон, вытянувшись на своем месте, следует его примеру.

Наслаждаюсь тишиной и любуюсь в окно на мелькающие пейзажи.

– Подъезжаем, осталось всего несколько миль, – сообщает Кен в воздух.

Я киваю и запускаю пальцы в мягкие волосы Хардина. От прикосновения веки вздрагивают, но он не просыпается. Медленно провожу пальцами по его спине, стараясь не нарушить его мирный сон, и Хардин обнимает меня еще крепче.

Вскоре мы оказываемся на небольшой улице, полностью вымощенной широкими сосновыми досками. Сворачиваем в переулок и оказываемся прямо на берегу.

Он прекрасен. Сверкающие синие волны набегают на берег, удивительно контрастируя с пожухшей травой (что, собственно, неудивительно для зимы в штате Вашингтон). Представляю, как тут красиво летом!

– Приехали, – говорит Кен.

Вижу впереди большое деревянное здание. Видимо, у Скоттов понятие «маленький домик» отличается от моего. Передо мной – двухэтажное строение темно-вишневого цвета, с белым крыльцом.

– Хардин, просыпайся.

Я постукиваю указательным пальцем по его подбородку. Он открывает глаза и часто моргает. Затем садится и протирает глаза пальцами.

– Дорогая, приехали, – будит Кен жену.

Карен поднимает голову, затем просыпается Лэндон.

Все еще не до конца проснувшийся Хардин заносит наши сумки в дом, и Кен показывает нам нашу комнату. Я иду за Карен на кухню, а Лэндон относит свой багаж в комнату.

На кухне такой же сводчатый потолок, как и в гостиной, только поменьше. Некоторое время посвящаю экскурсии по дому и выясняю, что кухня тут хоть и меньше, но не менее элегантная, чем у Скоттов в городе.

– Здесь очень красиво, – говорю я Карен. – Спасибо, что позвали нас.

– Спасибо, дорогая. Приятно, когда собирается много народу. – Улыбаясь, она открывает холодильник. – Нам нравится, когда вы приезжаете вдвоем. Никогда бы не подумала, что Хардин согласится на такую семейную поездку. Я понимаю, что это мелочь, но для Кена она много значит, – тихо произносит она, убедившись, что никто больше не слышит.

– Я тоже рада. Надеюсь, ему понравится, – сообщаю я вслух, убежденная, что сказанное вернее сбудется.

Карен оборачивается и с чувством берет меня за руку.

– Я буду скучать по тебе, когда ты уедешь в Сиэтл. С Хардином я меньше виделась, но и по нему буду скучать.

– Я буду приезжать. Тут всего пара часов езды, – уверяю я.

Я и сама думаю, что так будет. Я буду скучать по ней и Кену. И даже не хочу думать о приближающемся отъезде Лэндона. И хотя я сама уеду в Сиэтл еще до того, как он отправится в Нью-Йорк, не могу смириться с тем, что Лэндон будет так далеко. Из Сиэтла я все-таки могу приехать, но Нью-Йорк слишком далеко.

– Очень на это надеюсь. Боюсь, что с отъездом Лэндона мне будет одиноко. За двадцать лет я так привыкла быть матерью… – Карен плачет. – Извини, я так горжусь им. – Она вытирает слезы и осматривает кухню, чтобы найти себе занятие, чтобы отвлечься. – Может, пока Кен готовит лодку, кто-нибудь из вас сбегает в придорожный магазинчик?

– Конечно, – уверяю, как раз когда мужская половина заходит внутрь.

Ко мне со спины подходит Хардин.

– Я поставил сумки на кровать, чтоб ты распаковала. Все равно я это сделаю неправильно.

– Спасибо, – говорю я, довольная, что он даже не пытался. Он любит засовывать вещи как попало, а меня это бесит. – Я сказала Карен, что мы с тобой сходим в магазин, пока твой отец подготовит лодку.

– Ладно, – пожимает он плечами.

– Ты тоже, – обращаюсь я к Лэндону, и он кивает.

– Лэндон знает, где магазин: дальше по дороге. Можете дойти пешком или доехать. Ключ в дверях, – объясняет Кен.

Погода сегодня солнечная, отличная, гораздо теплее, чем бывает в это время. Небо ясное, голубое. Слышу, как грохочут волны, и каждый раз, когда до нас доносится порыв ветра, чувствую в воздухе запах соли.

Решаем дойти до магазинчика в конце улицы пешком. В джинсах и футболке с короткими рукавами мне комфортно.

– Здесь так хорошо, будто мы – в собственном мире, – говорю я Хардину и Лэндону.

– Мы и есть в собственном мире. Никто нам не мешает прийти на пляж в гребаном феврале, – замечает Хардин.

– Ну, думаю, это неплохо, – отвечаю я, не реагируя на тон.

– Кстати! – Лэндон смотрит на Хардина, который ступает на камни, пока мы идем по гравийной дорожке. – У Дакоты на этой неделе пробы на короткометражку.

– Правда? – восклицаю я. – Это же здорово!

– Да, я и сам впечатлен. Надеюсь, она получит роль.

– Разве она еще не учится? Почему они дают роли любителям? – спрашивает Хардин холодно.

– Хардин…

– Они дадут ей роль, потому что независимо от того, любитель она или нет, она прекрасно танцует и занимается балетом всю жизнь, – парирует Лэндон.

Хардин шутливо поднимает руки.

– Не надо заводиться, я просто спросил.

Но Лэндон продолжает защищать свою возлюбленную:

– Нет, она талантливая, и она получит эту роль.

Хардин закатывает глаза.

– Ладно… блин.

– Хорошо, что ты ее поддерживаешь. – Я улыбаюсь Лэндону, стараясь убрать напряжение между ним и Хардином.

– Я всегда буду ее поддерживать, независимо от того, чем она занимается. Поэтому я и переезжаю в Нью-Йорк. – Лэндон смотрит на Хардина, а тот сжимает челюсти.

– Так вот для чего вам вся эта поездка? Вы сговорились обработать меня? Считайте, что меня все это не касается, мать вашу! Я даже не собираюсь больше обсуждать это дерьмо! – рычит Хардин.

Останавливаемся, и мы с Лэндоном поворачиваемся к Хардину. Пока я соображаю, как его успокоить, Лэндон произносит:

– Значит, тебе не стоило приезжать. Всем было бы лучше без тебя и твоей кислой физиономии.

У меня глаза лезут на лоб от суровости Лэндона, мне хочется защитить Хардина, но я молчу. Кроме того, Лэндон, в общем-то, прав. Хардин не должен пытаться испортить всем отдых обидами на пустом месте.

– Чего-чего? Это ты один тут корчишь гребаные физиономии из-за того, что я назвал твою девчонку непрофессионалкой.

– Нет, ты начал придуриваться еще в машине, – отвечает Лэндон.

– Да, потому что твоя мать подпевала каждой песне и перечисляла штаты, – Хардин орет уже в полный голос, – пока я пытался любоваться видами!

Хардин пытается подойти к Лэндону, и я становлюсь между ними. Лэндон делает глубокий вдох и с вызовом смотрит на Хардина.

– Моя мама просто хочет, чтобы все хорошо провели время!

– Ну тогда, может быть, ей следует…

– Прекратите! Вы не можете ссориться все время. Никто этого не выдержит, поэтому, пожалуйста, остановитесь! – прошу я, не желая вставать на чью-либо сторону.

Несколько секунд они таращатся друг на друга. Мне смешно от того, как одинаково они себя ведут, как братья, хотя изо всех сил стараются так не делать.

– Ладно, – наконец произносит Лэндон и вздыхает.

– О'кей, – фыркает Хардин.

Остаток пути мы молчим, Хардин пинает ботинками гравий, и слышатся мягкие шаги Лэндона. Затишье после бури… или перед ней.

Или между ними, думаю я.

– Что ты собираешься надеть на катер? – спрашиваю я Лэндона на обратном пути.

– Наверное, шорты. Сейчас тепло, но на всякий случай я захвачу спортивный костюм.

– А.

Если бы было теплее, я бы надела купальник. У меня его нет, но от идеи купить его вместе с Хардином я улыбаюсь. Представляю себе, каких пошлостей он наговорит, и скорее всего он увяжется за мной в примерочную.

Не думаю, что я его остановлю.

Нужно перестать думать о таких вещах, особенно когда Лэндон говорит о погоде, следует хотя бы сделать вид, что я слушаю.

– Катер очень большой, – говорит Лэндон.

– Ого… – Я вздрагиваю. Сейчас, когда мы оказались рядом с морем, я волнуюсь.

Мы с Лэндоном идем на кухню разбирать сумки, а Хардин молча отправляется в спальню.

Лэндон через плечо оглядывается на дверь, за которой исчез его сводный брат.

– Он слишком нервничает, когда заходит разговор о Сиэтле. Он что, до сих пор не согласился с тобой поехать?

Я оглядываюсь, чтобы убедиться, что нас никто не слышит.

– Нет, не совсем, – отвечаю я, покусывая губу от смущения.

– Не понимаю, – прищурившись, замечает он. – Что в Сиэтле такого плохого, что он не хочет ехать с тобой? Или тут еще какая-то история?

– Нет… то есть я не знаю… – начинаю я, и тут мне приходит на ум сообщение Хардина. Он упоминал какие-то трудности, мешающие его переезду в Сиэтл. Может, дело в них? Не думаю. Надеюсь, что нет. Я не готова к новым сюрпризам.

– Ну, должна же быть причина, он же без тебя даже ванную найти не может, так что я не ума не приложу, что он будет делать, когда ты уедешь. Я думал, что он сделает все, чтобы удержать тебя рядом с собой… буквально все, – говорит Лэндон, делая упор на конец фразы.

– Я тоже. – Я вздыхаю, не зная, чем объяснить упрямство Хардина, и перевожу все в шутку: – Но он ходит в ванную без меня. Иногда.

Лэндон смеется.

– Вряд ли, он, наверное, повесил тебе на одежду скрытую камеру, чтобы следить за тобой.

– Камеры – это не мое. Я больше доверяю навигаторам.

Я подпрыгиваю от неожиданности и оборачиваюсь: Хардин стоит в дверях кухни.

– Спасибо, что помог мне доказать мою точку зрения, – произносит Лэндон, но Хардин только качает головой и хихикает.

Слава богу, он вроде бы в хорошем настроении.

– Где там этот катер? Скучно слушать, как вы перемываете мне кости.

– Мы просто шутили, – говорю я и подхожу, чтобы обнять его.

– Все нормально, я тоже так делаю, когда тебя рядом нет, – насмешливо отвечает он, хотя я не могу не заметить серьезность, скрытую в этих словах.

Глава 23

Тесса

– Сходни немного шатаются, но довольно прочные. Если мне кто-то поможет… – вслух размышляет Кен.

Мы идем с ним к месту швартовки. Со двора идет спуск прямо к воде – потрясающе! Волны врезаются в скалы, окаймляющие берег, и я инстинктивно прижимаюсь к Хардину.

– Что случилось? – тихо спрашивает он.

– Ничего. Просто немножко боюсь.

Он поворачивается ко мне лицом, засовывает руки в задние карманы моих джинсов.

– Это всего лишь вода, детка, все будет в порядке.

Он улыбается, но я не могу понять: он смеется надо мной или говорит искренно? И только когда губы касаются моей щеки, сомнения исчезают.

– Я забыл, что ты не любишь воду. – Он прижимает меня к себе.

– Я люблю воду… в бассейне.

– И в реке?

В его глазах загораются озорные огоньки. Улыбаюсь: я тоже вспомнила.

– Только в одной реке.

В тот день я тоже боялась. Хардину удалось заставить меня залезть в воду только подкупом. Он обещал ответить на один из бесконечных вопросов в обмен на то, что я зайду с ним в реку. Этот день, кажется, так далеко в прошлом, но, как наша тайна, он с нами в настоящем.

Хардин берет мою руку в свою, и мы спускаемся вслед за всеми к причалу. Судно меня ужасно пугает. Я мало знаю о катерах, но этот кажется просто огромным. Я знаю, что это не яхта, но все-таки он больше любого рыбацкого корабля, который я видела.

– Он такой большой! – шепчу я Хардину.

– Тсс, не говори о моем члене при моей семье, – тихо отшучивается он.

Я люблю такое его грубо-игривое настроение, да и улыбка у Хардина всегда заразительная. Доски причала скрипят под ногами, и я в панике крепко сжимаю руку.

– Смотрите под ноги! – кричит Кен, поднимаясь по трапу.

Хардин поддерживает меня за спину, помогает подняться по лестнице. Стараюсь представить себе, что это маленькая лесенка на детской площадке, а вовсе не трап на огромный катер. Уверенность, которую дает мне прикосновение Хардина, – это единственное, что удерживает меня от того, чтобы убежать и спрятаться дома под кроватью.

Кен помогает всем подняться на палубу. Теперь я могу оценить, как красиво судно, отделанное светлым деревом и кожей. Каюта большая, всем хватит места, с несколькими удобными креслами.

Когда он хочет помочь подняться Хардину, тот только отмахивается. Поднявшись на палубу, он оглядывается и заявляет:

– Приятно видеть, что на вашем катере комфортнее, чем дома у мамы.

С лица Кена исчезает горделивая улыбка.

– Хардин! – шиплю я и дергаю его за руку.

– Извините, – фыркает он.

Кен вздыхает, но, кажется, прежде чем уйти к противоположному борту лодки, слышит извинения Хардина.

– Ты в порядке? – Хардин наклоняется ко мне.

– Да, только, пожалуйста, повежливее. Меня это уже достало.

– Я буду вежлив. Я уже извинился. – Он садится в одно из кресел, я тоже.

Лэндон вытаскивает мешок с продуктами и, наклонившись, открывает банку газировки и пакет с закусками. Смотрю, как лодка выходит на открытую воду. Вокруг очень красиво, на волнах играет солнце.

– Я тебя люблю, – шепчет Хардин мне на ухо.

Двигатель катера с легким гулом приходит в движение, и я моментально оказываюсь рядом с Хардином.

– И я тебя люблю, – отвечаю я, глядя на воду.

– Если мы выйдем достаточно далеко, можем увидеть дельфинов, а если повезет, то и кита! – кричит Кен.

– Кит, конечно, превратит это суденышко в щепки одним ударом, – замечает Хардин, и я вздрагиваю. – Черт, извини.

Чем дальше мы отходим от берега, тем спокойнее я становлюсь. Это странно: я думала, что будет наоборот, но когда земля исчезает из виду, появляются спокойствие и уверенность.

– Вы часто видели тут дельфинов? – спрашиваю я Карен, потягивающую газировку.

Она улыбается:

– Всего один раз. Но мы все же надеемся!

– Невероятно, погода будто в июне, – радуется Лэндон, стягивая через голову футболку.

– Хочешь позагорать? – интересуюсь я, оглядывая его бледный торс.

– Или пытаешься произвести впечатление? – вставляет Хардин.

Лэндон закатывает глаза, но все же игнорирует замечание.

– Да, хотя он мне в городе и не понадобится.

– Если вода не ледяная, можем искупаться у берега, – предлагает Карен.

– Ну, летом – может быть, – напоминаю я, и она радостно улыбается.

– На всякий случай в доме есть джакузи, – замечает Кен.

Пользуясь моментом, любуюсь Хардином, который молча глядит куда-то вдаль.

– Смотрите! Вон там! – Кен указывает назад.

Мы с Хардином быстро поворачиваемся, и за мгновение успеваю заметить то, на что он показывает. Это стайка дельфинов, выпрыгивающих из воды. Они далеко от лодки, но мы можем увидеть, как синхронно они двигаются по волнам.

– Сегодня наш счастливый день! – смеется Карен.

Ветер треплет мне волосы, сдувает прядь на глаза, и Хардин протягивает руку и заправляет мне ее за ухо. Он всегда делает такие простые вещи, и поводы, которые он находит, чтобы прикоснуться ко мне без всякой задней мысли, трогают меня до слез.

– Это было здорово! – говорю я ему, когда дельфины исчезают из поля зрения.

– Да, точно, – удивленно говорит он.

После двух часов разговора о лодках, о совместном прекрасном летнем отдыхе, о спорте и после неловкого упоминания о Сиэтле, которое Хардин сразу же пресекает, Кен причаливает обратно к берегу.

– Классно было, да? – спрашиваем мы с Хардином друг друга одновременно.

– Думаю, нет, – смеется он и помогает мне спуститься по трапу на причал.

Солнце разрумянило его щеки и нос, а непослушные волосы развеваются на ветру. Он такой милый.

Мы заходим на двор – и все, о чем я могу думать, это как сильно я хочу сохранить спокойствие, которое появилось у меня в море.

В доме Карен объявляет:

– Я приготовлю обед – уверена, все уже проголодались, – и исчезает на кухне.

Мы молча усаживаемся в гостиной, каждый на свое место.

Наконец Хардин спрашивает отца:

– Чем еще тут можно заняться?

– Тут в городе есть хороший ресторан, мы планируем там завтра совместный обед. Там же старенький кинотеатр, библиотека…

– Значит, здесь место для гребаных неудачников? – подытоживает Хардин; слова звучат грубо, но тон скорее веселый.

– Это хороший город, дай ему шанс показать себя, – отвечает Кен, нисколько не обидевшись.

Все вместе отправляемся на кухню и ждем, пока Карен достает тарелки с бутербродами и фруктами. Хардин, какой-то чересчур ласковый, кладет руку мне на бедро. Может, ему тут нравится?

После обеда помогаю Карен вымыть посуду и сделать лимонад, а Хардин с Лэндоном обсуждают, как ужасна современная литература. Не могу не улыбнуться, когда Лэндон упоминает «Гарри Поттера». В результате Хардин разражается пятиминутной речью о том, что он никогда не читал и не прочитает эту книгу, а Лэндон отчаянно старается заставить его изменить мнение.

После того как лимонад приготовлен и мгновенно выпит, Кен объявляет:

– Мы с Карен собираемся навестить наших друзей, это через несколько домов отсюда по дороге. Если хотите, можете поехать с нами.

Хардин смотрит на меня, а я жду, что он ответит.

– Я пас, – наконец говорит он и продолжает смотреть на меня.

Лэндон поворачивает голову сначала ко мне, потом к Хардину.

– Я поеду, – произносит он, и могу поклясться, что он ухмыляется Хардину, прежде чем присоединиться к Кену и Карен.

Глава 24

Хардин

Я уже начинаю думать, что они никогда не уйдут, но когда наконец дверь закрывается, тяну ее к дивану.

– Ты не хочешь пойти?

– Нет. Черт, нет, какого хрена мне туда идти? Мне гораздо приятнее остаться тут с тобой. Наедине, – говорю я, отбрасывая волосы с ее шеи. Она отклоняется от света и дрожит от моих прикосновений. – Неужели ты хочешь пойти и сидеть там, слушать, как эти скучные задницы обсуждают свои скучные делишки? – спрашиваю я, касаясь губами ее подбородка.

– Нет. – Ее дыхание меняется.

– Ты уверена? – дразню я, зарываясь носом в ее волосы, и она запрокидывает голову.

– Не знаю, может ли быть что-то приятнее этого.

Я хихикаю, целую ее, и от моего дыхания ее кожа покрывается мурашками.

– Наверное, секс. В нашей комнате есть джакузи, помнишь?

– Да, но у меня нет купальника… – начинает она.

Я ласкаю ее шею, представляя, как она выглядит в купальном костюме.

Черт!

– Тебе он не пригодится, – шепчу я.

Она отклоняется и смотрит на меня, словно я сумасшедший.

– Нет, пригодится! Я не полезу в горячую ванну без одежды.

– А почему бы и нет? – Кажется, мы здорово можем провести время.

– Потому что здесь твоя семья.

– Не понимаю, почему ты всегда используешь это в качестве оправдания… – Мои руки спускаются к ее коленям, и я сжимаю ткань джинсов. – Иногда мне кажется, что тебя это заводит.

– Что именно? – спрашивает она, тяжело дыша.

– Возможность быть пойманной.

– Разве это кого-то возбуждает?

– Многие люди так делают – чувство острее, когда тебя могут поймать, знаешь?

Я сильнее прижимаюсь к ней между ног, и она пытается сжать их, борется с тем, чего хочет, но, как ей кажется, не должна хотеть.

– Нет, это… Не знаю, но мне это не нравится, – врет она. Я абсолютно уверен, что ее это возбуждает.

– Хм…

– Мне это не нравится! – кричит она, защищаясь, щеки ее краснеют, а глаза расширяются от смущения.

– Тесс, это нормально. Это чертовски круто, уверяю тебя.

– Я не…

Конечно, Тесса.

– Ладно, ты не понимаешь.

Я поднимаю руки в знак поражения, и она стонет оттого, что я ее не касаюсь. Я знал, что она в жизни никогда в этом не признается, но, блин, попробовать стоило.

– Так ты пойдешь со мной в джакузи? – спрашиваю я, убирая руку.

– Я приду… но не буду залезать.

– Как хочешь.

С улыбкой встаю. Я же знаю, что в конце концов она там окажется, просто ее необходимо поуламывать немного больше других. Размышляя об этом, прихожу к выводу, что никогда не был еще в джакузи с девушкой, голой или нет.

Она хватает меня за запястье и идет за мной наверх, в комнату, которая несколько ближайших дней будет считаться нашей. В ней есть балкон, в первую очередь, поэтому я ее и занял. А уж когда увидел джакузи, то понял, что эта комната создана для нас.

Неплохая кровать; она маленькая, но большая нам и не нужна.

– Мне тут очень нравится, так спокойно, – говорит она, присаживаясь на кровать, чтобы снять туфли. Я открываю дверь на балкон.

– Ничего так. – Не будь тут моего отца, его жены и Лэндона, было бы еще лучше.

– Мне нечего надеть в ресторан, о котором говорил твой отец.

Я пожимаю плечами и наклоняюсь, чтобы включить воду в ванне.

– Значит, не пойдем.

– Я хочу пойти. Я просто не знала, что мы куда-то собираемся, когда паковала вещи…

– Это они виноваты, что так все плохо спланировали, – говорю я, изучая датчики, чтобы убедиться, что они исправны. – Наденем обычные джинсы. Простой и непринужденный стиль.

– Не знаю.

– Ну, не хочешь джинсы, можем зайти в местный захолустный магазин, и ты что-нибудь себе подберешь, – предлагаю я, и она улыбается.

– Почему ты сегодня в таком хорошем настроении? – Тесса изгибает бровь.

Я опускаю палец в воду. Почти готово, вода быстро нагревается.

– Не знаю… Просто так.

– Ладно… То есть мне не следует волноваться? – спрашивает она, выходя на балкон.

– Нет. – Да.

Я указываю на плетеное кресло рядом с ванной.

– Может, хотя бы посидишь со мной, пока я расслабляюсь в обжигающе горячей ванне?

Она смеется и садится в кресло. Я смотрю в ее открытые глаза, затем снимаю футболку и расстегиваю штаны. Трусы решаю оставить. Я хочу, чтобы она их сняла с меня.

– Уверена, что не хочешь присоединиться? – спрашиваю я, перешагивая через край ванны.

Черт, жарко, как в аду. Через несколько секунд тело привыкает, и я откидываюсь на твердый пластик наклонной стенки.

– Уверена, – отвечает она, вглядываясь в лес на горизонте.

– Никто нас не увидит. Неужели ты действительно думаешь, что я упрашивал бы тебя забраться сюда голой, если бы кто-то мог нас заметить? Это с моей-то ревностью и всем остальным.

– А если они вернутся? – спрашивает она тихо, будто кто-то может ее услышать.

– Они сказали, что уйдут на час или два.

– Да, но…

– Я думал, ты хоть немного научилась жить, – дразню я ее.

– Так и есть.

– Ты сидишь там зажатая, в кресле, а я наслаждаюсь видами.

– Я не зажатая, – отвечает она, еще больше зажимаясь.

Я ухмыляюсь, зная, что это ее раздражает.

– Ладно. – Она начинает дуться, и я закрываю глаза. – Кажется, я одинок. Придется самому о себе позаботиться.

– Мне нечего надеть.

– Дежавю, – произношу я, вспоминая наше первое купание в реке.

– Я…

– Да лезь уже в эту чертову воду, – командую я, не меняя тона и не открывая глаз. Я говорю с ней, и мы оба знаем, что это произойдет.

– Хорошо, я иду! – говорит она, безуспешно пытаясь убедить себя, что раздражена и делает это против воли.

Уговорить ее оказалось не так трудно, как я думал. Когда я открываю глаза, у меня перехватывает дыхание. Она стягивает через голову футболку, и, конечно же, на ней этот чертов красный лифчик.

– Сними лифчик.

Она опять оглядывается, и я качаю головой. Единственное, что видно с этого балкона, это море и деревья.

– Снимай его, детка, – упрашиваю я, и она соглашается, расстегивая лямки на спине.

Я никогда не могу ею насытиться. Независимо от того, сколько раз я касался ее, трахал, целовал, обнимал и сжимал в объятиях… этого никогда не будет достаточно. Я всегда буду хотеть еще. И дело даже не в сексе, которого у нас хватает; дело в том, что я единственный, с кем она была, и она доверяет мне настолько, что выходит на этот гребаный балкон раздетая.

Тогда почему я веду себя как идиот? Я совершенно не хочу разругаться с этой девушкой.

Ее джинсы оказываются рядом с футболкой, лифчик аккуратно сложен, разумеется.

– Трусы тоже, – подсказываю я.

– Нет, ты же в трусах, – отвечает она и шагает в воду. – Ой! – пищит она, выдергивая ногу обратно.

Немного потерпев, она выдыхает, тело привыкает к температуре воды.

– Иди сюда.

Я тянусь к ней, сажаю себе на колени. Кажется, неудобное пластиковое дно джакузи все же полезно. То, как ее тело касается меня, в сочетании с пульсирующими струями воды заставляет меня желать сорвать с нее трусики прямо сейчас.

– В Сиэтле все может быть так всегда, – говорит она, обнимая меня за шею.

– Как? – Меньше всего я хочу сейчас разговаривать о гребаном Сиэтле. Если бы я мог стереть этот проклятый город с лица земли, я бы это сделал.

– Вот так. – Она показывает на нас. – Только мы, никаких проблем с твоими друзьями типа Молли, никаких неприятностей. Только ты и я в новом городе. Мы могли бы начать все сначала, Хардин, вместе.

– Это не так просто.

– Просто; никакого Зеда.

– Я думал, ты собираешься потрахаться со мной, а не болтать о Зеде, – дразню я, и она напрягается.

– Извини, я…

– Успокойся, я шучу. Про Зеда. – Я придвигаю ее ближе к себе, так что ее ноги обвивают меня и грудь касается моей. – Ты для меня все. Ты же знаешь это, правда?

Я повторяю вопрос, который задавал много раз. Но сейчас она не отвечает. Вместо этого она кладет локти мне на плечи, запускает пальцы мне в волосы и целует меня. Она голодна. Я так и думал.

Глава 25

Хардин

Она впивается мне в губы, и я пытаюсь подтянуть ее голое тело еще ближе к себе. Она сжимает мои руки, и я опускаю ладонь ей между ног.

Нет смысла зря тратить время.

– Давай уберем это, – говорю я, оттягивая в сторону ее тонкие промокшие трусы. Она усмехается, затем резко втягивает воздух, когда мои пальцы погружаются в нее. Она оттягивает мою нижнюю губу так далеко, будто хочет оторвать. Она так чертовски сексуальна, так соблазнительна, и это она еще не хочет.

Когда она начинает покачивать бедрами в такт движению моей руки, я снимаю ее с коленей, обхватив за талию, и кладу рядом с собой. Широко раздвигаю ей ноги и продолжаю удовлетворять пальцами.

Эти чертовы трусики меня раздражают.

Она удивленно смотрит на меня и возмущенно пищит, когда я, достав из нее пальцы, быстро хватаю их и мгновенно стягиваю вниз, к ступням. Мгновение я смотрю, как струя относит их к противоположной стороне ванны; завораживающее зрелище: последний барьер медленно уплывает прочь.

Тесса хватает меня за запястье и заставляет войти в нее снова.

– Чего ты хочешь? – спрашиваю я, желая услышать ответ.

– Тебя. – Она мило улыбается, затем раздвигает ноги шире, проявляя свое настоящее вульгарное естество.

– Тогда повернись, – говорю я.

Не давая возможности ответить, резко разворачиваю ее, отчего она взвизгивает. На мгновение я теряюсь, но потом до меня доходит, что ее маленькая киска уже готова. От этого она и стонет. Через минуту она будет просто кричать.

Становлюсь на колени позади; люблю входить в нее так. Я чувствую ее гораздо лучше, могу касаться ее белой кожи на спине, и видеть, как под кожей ходит каждая мышца, – я вижу каждый ее вдох, как она напрягается, когда я двигаюсь вперед. Я отбрасываю ее длинные волосы в сторону и осторожно, медленно нажимая, погружаюсь. Ее спина изгибается, я беру в ладони ее груди и начинаю медленно двигаться вперед-назад. Черт, как чертовски хорошо, лучше, чем когда-либо! Вхожу и выхожу, а вокруг нас плещется горячая вода. Тесса стонет, и я наклоняюсь, чтобы убедиться, что падающая вода ее не обжигает. Глаза закрыты, рот, наоборот, приоткрыт, она судорожно хватается за края ванны.

Мне хочется двигаться быстрее, оттрахать ее как следует, но заставляю себя оставаться в этом медленном, как сладкая пытка, темпе.

– Хардиииии, – стонет она.

– Черт, я чувствую каждый сантиметр внутри тебя. – И в момент, когда я это произношу, в ужасе отрываюсь от нее.

Презерватив.

Я даже не вспомнил, что его нужно надеть. Что она со мной сделала?

– Что случилось? – Она поворачивается, лицо его мокро.

– Я не надел презерватив! – Я провожу рукой по волосам.

– А, – спокойно говорит она.

– Что? Что ты имеешь в виду этим «а»?

– Так ты его наденешь? – Ее взгляд кроток, как у лани.

– Так нельзя! – Я вылезаю из ванны. Она ничего не говорит. – Если бы я не вспомнил об этом, ты могла бы залететь.

Она понимающе кивает:

– Да, конечно, но ты же не забыл.

Почему она так спокойно об этом говорит? Она вынашивает грандиозный план переезда в Сиэтл – ребенок бы все на хрен испортил. Или погоди…

– Это что, твой план? Если бы я заделал тебе ребенка, ты думаешь, я поехал бы с тобой? – Похоже на дурацкую теорию заговора, но это неважно.

Она со смехом оборачивается на меня.

– Ты что, шутишь? – И когда она пытается меня обнять, я отшатываюсь.

– Нет.

– Брось, это безумие. Иди сюда, милый.

Она снова пытается обнять меня, но я снова уворачиваюсь, отодвигаюсь в дальний угол джакузи.

Боль светится на ее лице, как неоновая вывеска, она сжимает сиськи руками.

– Ты сам забыл про презерватив и пытаешься теперь обвинить меня в том, что я хотела связать тебя беременностью? – Тесса недоуменно качает головой. – Послушай сам себя.

Ну, это не первый в мире фокус полоумной цыпочки. Я придвигаюсь к ней поближе, но она быстро поднимается с колен и садится. Я безразлично смотрю на нее и молчу.

Ее глаза наполняются слезами, она поднимается и вылезает из ванны.

– Я в душ, – объявляет она и хлопает сначала дверью спальни, а потом душевой.

– Черт! – кричу я, ударяя ладонью по бурлящей воде, словно ожидая получить сдачу.

Мне нужно следить за тем, что я говорю, – это ведь не какая-то случайная полоумная сучка. Это Тесса. Так какого черта я творю? Я просто гребаный параноик. И дело все в этом Сиэтле, из-за него я теряю самообладание. Точнее, то, что от него осталось.

Я должен исправить это, по крайней мере попытаться. Я виноват, что обвинил ее. Главное дело, я сам же и забыл о презервативе…

Нет. Я не хочу, чтобы она уходила от меня, и я не знаю, что мне сделать, чтобы заставить ее остаться. Ребенок не вариант, в этом я абсолютно уверен. Я сделал все, что мог, разве что в квартире ее не запирал. Конечно, эта идея несколько раз приходила мне в голову, но я не думаю, что ей она понравится. К тому же у нее будет дефицит витамина D. И она перестанет посещать йогу… и носить эти штаны.

Нужно пойти, попросить у нее прощения и присунуть ей, пока вся шайка не вернулась. Может, мне повезет и они заблудятся в лесу на несколько часов. Но сначала нужно кое-что сделать. Я вылезаю из джакузи и захожу в комнату, там чертовски холодно, а я в одних мокрых трусах. Смотрю то на телефон, то на дверь ванной, выходящую в нашу комнату. Вода в душе все еще течет, и я хватаю телефон и одеяло и возвращаюсь на балкон.

Пролистав список контактов, останавливаюсь на имени «Сэмюэл»; реально очень ловкий трюк. Не знаю, зачем я сохранил ее номер. Наверное, знал, что запутаюсь и мне придется снова ей звонить. Я изменил имя на случай, если Тесса будет рыться в моем телефоне. А я знал, что будет. Я уж думал, что она меня поймала, когда спросила, почему я удалил список вызовов, и сказала, что слышала, как я орал на Молли по телефону. В каком-то смысле я уверен, что она предпочла бы увидеть в списке вызовов Молли, чем этого человека.

Глава 26

Тесса

С ума сойти: Хардин имел наглость заявить, что я хотела привязать его к себе беременностью, и вообще думает, что я на такое способна по отношению к нему… или себе. Все это полная чушь и глупость!

Все было просто замечательно – правда, просто невероятно, пока он не вспомнил про презерватив. Ему надо было только выйти из ванны и надеть его; я же знаю, что у него в сумке их целая куча. Сама видела, как он их туда засунул после того, как я аккуратно уложила багаж.

Наверное, он просто расстроен всей этой ерундой с Сиэтлом и поэтому погорячился, да и я тоже. Раздражением на грубость Хардина я испортила такой… момент в джакузи, и мне приходится стоять под душем. Через несколько минут горячая вода расслабит напряженные мышцы, успокоит нервы и очистит голову. Мы оба принимаем все слишком близко к сердцу, он несколько больше меня, и конфликт был совершенно бессмысленным. Тянусь к шампуню – и вдруг понимаю, что так была возмущена обвинениями, что забыла захватить умывальные принадлежности. Отлично!

– Хардин? – зову я.

Сомневаюсь, что он слышит, когда я в душе, а он – в горячей ванне, но все же оттягиваю цветную занавеску и на всякий случай смотрю, не придет ли он. Когда через несколько секунд он не появляется в дверях, хватаю полотенце и, обернув его вокруг тела, проскальзываю в спальню, добираюсь до чемоданов, лежащих на кровати. И в этот момент слышу голос Хардина.

Не могу расслышать, что он говорит, но улавливаю тон, ненатуральную любезность, по которому я могу понять, что он пытается быть вежливым и не показать свое разочарование. Что свидетельствует о том, что он считает этот разговор достаточно важным, чтобы вести себя как обычно. Я осторожно ступаю по деревянному полу, и, поскольку у него включена громкая связь, слышу, как кто-то говорит:

– Потому что я риелтор и моя работа – заполнять пустые квартиры.

Хардин вздыхает:

– Ну, может, у вас есть еще пустые квартиры?

Погоди-ка, Хардин хочет снять мне квартиру? Я потрясена и обрадована. Он наконец пришел к тому, чтобы переехать в Сиэтл, и действительно пытается мне помочь, а вовсе не действует против меня. Как раньше.

Женский голос на другом конце, на удивление очень знакомый, отвечает:

– У меня складывается впечатление, что мне не стоит тратить время на эту вашу подругу Тессу, пытаясь подобрать ей квартиру.

Что? Погоди… что?..

Он не станет этого делать.

– Дело в том… она не так плоха, как я ее описал. Не то чтобы она мусорит или съезжает не заплатив, – говорит он.

У меня обрывается сердце. Он это сделал.

Я распахиваю дверь.

– Ты больной эгоистичный ублюдок! – кричу я первое, что приходит в голову.

Хардин с вытянутым лицом поворачивается ко мне, рот широко открыт, телефон падает на пол, и он таращится на меня, словно я какая-то жуткая тварь, которая пришла его сожрать.

Я просто в ярости.

– Как ты мог? Как ты мог так поступить?

– Я… – начинает он.

– Нет! Даже не трать время на оправдания! Чем ты думал? – Я гневно тычу в него рукой.

Возвращаюсь в спальню, и он бежит за мной и умоляет:

– Тесса, послушай меня!

Я оборачиваюсь, чувствуя одновременно и ярость, боль, обиду и гнев.

– Нет! Ты послушай меня, Хардин, – цежу я сквозь зубы, стараясь говорить негромко. Но не могу. – Я устала от этого, я сыта по горло твоими попытками уничтожить в моей жизни все, что не связано с тобой! – кричу я и сжимаю кулаки.

– Я не…

– Заткнись! Заткнись! Ты самый эгоистичный, себялюбивый, ты просто… тьфу!

Я просто не могу сейчас думать, оскорбления вылетают из моего рта, я машу руками.

– Я не знаю, о чем я думал. Только что я пытался все исправить.

На самом деле я даже не удивлена. Следовало догадаться, что за внезапным исчезновением Сандры стоит Хардин. Он не задумываясь влезает в мою жизнь, портит мою карьеру, и я страдаю из-за него.

– Именно об этом я и говорю. Ты всегда так поступаешь. Постоянно скрываешь что-то. Постоянно ищешь новый способ, пытаясь контролировать все, чем я занимаюсь, и я так больше не могу! Это слишком.

Я непроизвольно расхаживаю по комнате туда-сюда, а Хардин испуганно таращится на меня. Я могу вытерпеть твои маленькие безумства, могу вытерпеть бесконечные скандалы. Блин, я могу даже примириться с тем, что половину всего времени ты ведешь себя как полный мудак, потому что в глубине души всегда знаю, что ты делаешь то, что считаешь для меня правильным. Но это перебор. Ты пытаешься разрушить мое будущее – а мне это на хрен не надо.

– Мне очень жаль, – открывает он рот.

Я знаю, что он искренен, но…

– Да тебе, блин, всегда жаль! И всегда одна и та же хрень: ты что-то скрываешь, что-то говоришь, я плачу, ты говоришь, что тебе жаль, и бац! Все забыто. – Я сурово тычу в него пальцем. – Но не в этот раз.

Очень хочется дать ему пощечину, и я ищу глазами, на чем бы выместить злость. Хватаю с кровати декоративную подушку и швыряю на пол. Затем вторую. Это не сильно помогает, но будет еще хуже, если я испорчу что-нибудь из вещей Карен.

Это очень утомительно. Не знаю, на сколько меня еще хватит, прежде чем я сломаюсь.

Черт, я не сломаюсь! Я устала ломаться – потому что делаю это постоянно. Мне нужно собрать себя, аккуратно сложить все части вместе и держаться от Хардина подальше, чтобы обезопасить себя от очередного грубого топтания по моей душе.

– Я устала от этого замкнутого круга. Я много раз тебе об этом говорила, но ты не слушал. Ты ищешь новые способы замкнуть цикл, а с меня хватит, с меня уже хватит, черт возьми!

Не знаю, злилась ли я на него когда-нибудь сильнее, чем сейчас. Да, он делал вещи и похуже, но я всегда могла от этого отстраниться. Но мы еще не попадали в ситуацию, когда я думала, что он перестал что-то скрывать, что он понимает, что не надо мешать моей карьере, потому что она для меня очень много значит. Я насмотрелась на то, что происходит с женщиной, у которой нет ничего своего. У моей матери никогда не было ничего, чего бы она сама достигла, а мне это необходимо. Мне это нужно. Нужен шанс доказать, что, несмотря на то что я очень молода, я могу жить самостоятельно и для себя. И я никому не позволю отнять у меня шанс, который утратила моя мать.

– С тебя хватит… быть со мной? – Голос заметно дрожит. – Ты сказала, что с тебя хватит…

Я не знаю, что я имела в виду. Скорее всего, что мне стоит с ним порвать, но я знаю, что лучше не отвечать прямо сейчас. Обычно я плачу и прощаю его, мы целуемся… но только не в этот раз.

– Я просто выжата, не могу больше этого выносить. Я не могу с этим примириться! Ты собирался сделать так, чтобы я переехала в Сиэтл, где у меня нет жилья, просто чтобы я передумала!

Хардин молча стоит передо мной. Делаю глубокий вдох, ожидая, что гнев пройдет. Но гнев не проходит. Он только нарастает, пока у меня в буквальном смысле глаза не наливаются кровью. Хватаю оставшиеся подушки, воображая, что это стеклянные вазы, которые разобьются вдребезги об пол, создав беспорядок, который кому-то придется убирать. Впрочем, уборщиком тут буду я; Хардин палец о палец не ударит, чтобы меня от этого избавить.

– Убирайся! – кричу я.

– Нет. Прости, хорошо, я…

– Пошел вон. Быстро. – Мне становится абсолютно все равно, и он смотрит на меня так, словно не узнает.

Может, это действительно так.

Он разворачивается и выходит из комнаты.

Я хлопаю за ним дверью, а потом возвращаюсь на балкон. Сажусь в плетеное кресло и гляжу на море, пытаясь успокоиться.

Никаких слез, только воспоминания. Воспоминания и сожаления.

Глава 27

Хардин

Я знаю, что она измучена, когда мы ругаемся, я каждый раз читаю это на ее лице. Вражда с Зедом, ложь об исключении – каждый мой подобный поступок убивает какую-то ее часть. Она думает, я не замечаю, но я вижу.

Почему я начал разговаривать с Сандрой по громкой связи? Если бы я этого не сделал, то мог исправить все это и сказать ей о своей подлой выходке после того, как уладил дело. И она бы не расстроилась.

Я не подумал, что Тесса будет делать после того, как обнаружит мою подлость, и где будет жить, если не передумает переезжать. Я ведь думал, что стоит мне все предусмотреть – и, если у нее не будет жилья, она отменит поездку.

Путь чертовски сложен, Хардин.

Я думал: ну-ну, я не хочу, но придется. Я знаю, что это просто последнее дело – так крутить с квартирой в Сиэтле, но я схватился за соломинку, пытаясь вынудить ее остаться со мной, ведь я знаю, что произойдет в Сиэтле и что добром это не кончится.

Эмоции зашкаливают, я бью кулаком по стене рядом с лестницей.

– Да чтоб тебя!

На мое счастье, это не гипсокартон. Это дерево, и от этого гораздо больнее. С малых лет я решаю все кулаками, и надо остановиться, начать контролировать себя и не воспроизводить такую идиотскую реакцию. Мне повезло, что я ничего не сломал. Конечно, первое время это будет сложно, потому что в новинку.

«Я устала от этого замкнутого круга. Я много раз тебе это говорила, но ты не слушал». Я сбегаю вниз по лестнице и бросаюсь на диван, как обиженный ребенок. Вот уж действительно, веду себя, как глупый малыш. Она знает это, я знаю, – блин, да любой это знает. Надо напечатать это на одной из своих черных футболок. Мне просто нужно пойти к ней и еще раз попытаться поговорить, но, честно говоря, я побаиваюсь. Никогда не видел ее в таком бешенстве.

Мне надо свалить. Если бы Тесса не заставила меня ехать со всей семейкой, я мог бы сразу уехать и прервать эту дебильную прогулку. Я бы, наверное, вообще не приезжал.

Думаю, что катание на лодке, конечно, было клевым… но в целом поездка дурацкая, и сейчас, когда она на меня злится, нет никакого смысла тут торчать. Я таращусь в потолок и не знаю, что теперь делать. Я не могу тут сидеть, потому что рано или поздно снова пойду наверх, к Тессе.

Пойду прогуляться. Именно так и поступают нормальные люди, когда сердятся, а не пробивают стены и не ломают барахло. Нужно надеть хоть что-нибудь, прежде чем идти, но я не могу подняться наверх, не то она убьет меня в буквальном смысле слова.

Со вздохом поднимаюсь. Если бы я не был так поражен поведением Тессы, я бы заранее этим озаботился.

Дверь в комнату Лэндона распахивается, и я медленно закатываю глаза. Его одежда аккуратно разложена на кровати; видимо, он собирался положить их на полку, когда его мама и мой папа потащили его с собой.

Я роюсь в его ужасном барахле в отчаянных поисках чего-нибудь без воротника. Наконец нахожу простую синюю футболку и черные тренировочные штаны. Прекрасно, блин. Теперь я меняюсь с Лэндоном одеждой. Надеюсь, гнев Тессы будет продолжаться недолго, но на этот раз я не могу сказать, что будет дальше. Я не ожидал и половины того, что произошло; дело

не в словах, которые она говорила, а в том, как она на меня смотрела. Ее взгляд сказал мне больше, чем она могла бы выразить вслух.

Я смотрю на дверь, за которой двадцать минут назад была наша комната, затем поворачиваюсь и выхожу на улицу. Едва я выхожу на эту гребаную дорогу, как передо мной возникает мой сводный брат. По крайней мере, он один.

– Где папа? – спрашиваю я.

– Ты надел мою одежду? – отвечает он, по-видимому, растерявшись.

– Ну да. У меня не было выбора, не придавай этому большого значения. – Я пожимаю плечами, понимая по его улыбке, что он именно это и собирался сделать.

– Ладно… Что ты там натворил?

Какого черта?

– С чего ты взял, что я что-то натворил?

Он приподнимает бровь.

– Ладно… Я и правда натворил кое-что совершенно идиотское. – Я вздыхаю. – Но я не хочу слышать твой бред по этому поводу, так что не думай об этом.

– Хорошо. – Он пожимает плечами и разворачивается, чтобы уйти.

Я надеялся услышать от него еще что-то, какие-нибудь его обычные замечания.

– Погоди! – кричу я, и он оборачивается. – Ты не хочешь узнать, что произошло?

– Ты только что сказал, что не хочешь об этом говорить, – отвечает он.

– Да, но я… о'кей. – Я не знаю, что сказать, и он смотрит на меня так, словно у меня две головы.

– Ты хочешь, чтобы я спросил? – Он выглядит довольным, но, к счастью, не слишком самодовольным ослом.

– Я хотел бы… – начинаю я, но тут замечаю Карен и отца, которые идут по дороге.

– Хотел что? – спрашивает Лэндон, оглядываясь на них.

– Ничего, забей, – вздыхаю я и в отчаянии провожу рукой по волосам.

– Привет, Хардин! Где Тесса? – спрашивает Карен.

Почему все всегда спрашивают меня об этом, будто я не могу находиться от нее дальше двух метров?

Боль в груди напоминает мне: действительно не могу.

– Она внутри, спит, – вру я, повернувшись к Лэндону. – Пойду прогуляюсь, убедись, что с ней все нормально.

Он кивает.

– Куда пойдешь? – спрашивает отец, когда я прохожу мимо них.

– Так! – отрезаю я, ускоряя шаг.

Дохожу до знака «СТОП». Я отмахал уже несколько поворотов и не имею ни малейшего понятия, куда иду и даже как вернуться туда, откуда пришел. Знаю только, что какое-то время шел и что все эти дороги обманчиво ветвятся.

Я всерьез ненавижу это место.

Было не так уж плохо, когда я наблюдал развевающиеся волосы Тессы, которая глядела на сверкающую воду, а на губах ее светилась счастливая улыбка. Тесса казалась такой спокойной, как размеренные волны в открытом море, ровные и невозмутимые, пока наша лодка не разрезала их неторопливое движение. Теперь позади нас ревет вода, бьет в борта. Скоро вода вернется в состояние покоя, пока новая лодка не нарушит их безмятежность.

– Что-то потеряли?

Я оборачиваюсь и с удивлением обнаруживаю рядом девушку примерно своего возраста. Ее каштановые волосы такой же длины, как у Тессы. Она одна, поздно вечером. Оглядываюсь вокруг. Ничего нет, пустое гравийное шоссе и лес.

– А ты? – отвечаю я, обращая внимание на ее длинную юбку.

Она улыбается и подходит ближе. Видимо, у нее в мозгу не хватает серого вещества, раз она посреди пустыря лезет к незнакомцу типа меня с расспросами, не потерял ли я что-нибудь.

– Нет. Я сбежала, – говорит она, заправляя волосы за ухо.

– Убежала из дома? Сколько тебе, двадцать?

В таком случае ей лучше идти куда шла. Последнее, что мне нужно, это встретить разъяренного отца, разыскивающего расфуфыренную дочку-подростка.

– Нет, – смеется она. – Я приехала из колледжа домой навестить родителей и чуть не умерла от скуки.

– А, ну, рад за тебя. Надеюсь, твои поиски свободы приведут тебя в Шангри-Ла, – отвечаю я и поворачиваюсь, чтобы уйти.

– Тебе в другую сторону! – кричит она вслед.

– Неважно.

И, услышав за своей спиной хруст гравия, мысленно подвываю.

Глава 28

Тесса

Я так измучена, так устала от переживаний после скандала с Хардином. Не знаю, что теперь делать и куда идти. Несколько месяцев мы с ним были все время вместе, и я не представляю себе, как находиться порознь. Мы возвращаемся к самому началу.

– Тесса? – Лэндона слышно и в комнате, и на балконе.

– Я здесь, – отвечаю я.

Хорошо хоть, что я надела шорты и футболку. Хардин всегда меня дразнит, когда я так одеваюсь, но в такую погоду это удобно, не холодно, не жарко.

– Привет, – начинает Лэндон, усаживаясь в кресло рядом со мной.

– Привет. – Я смотрю на него, потом снова опускаю взгляд на воду.

– Все в порядке?

Пользуюсь моментом, чтобы обдумать его вопрос. В порядке ли я? Нет. А буду? Да.

– Да, на этот раз, думаю, да. – Я подтягиваю колени к груди и обнимаю их руками.

– Хочешь поговорить об этом?

– Нет. Я не хочу портить отдых своими переживаниями. Со мной правда все нормально.

– Ладно, но знай, если захочешь поговорить, я готов тебя выслушать.

– Я знаю. – Я смотрю на Лэндона, и он ободряюще улыбается. Не знаю, что бы я без него делала.

Он вдруг вытаращивает глаза, указывая куда-то:

– Это?..

Я смотрю туда же.

– О боже!

Вскакиваю, хватаю красные трусы, плавающие в джакузи, и запихиваю их в карман.

Лэндон прикусывает губу, стараясь удержаться от смеха, но я прыскаю. Мы хохочем – он искренне, я от смущения. Но лучше уж смеяться с Лэндоном, чем, как обычно, рыдать после каждодневных стычек с Хардином.

Глава 29

Хардин

Я все больше и больше устаю от того, что вокруг этого маленького городишка нет ничего, кроме гравия и деревьев. Странная девушка все еще тащится следом, а на душе камнем лежит ссора с Тессой.

– Ты собираешься идти за мной вокруг всего города? – спрашиваю я эту прилипчивую девицу.

– Нет, я собираюсь вернуться в домик к родителям.

– Ну и иди туда одна.

– Ты не очень-то вежлив, – бормочет она.

– Правда? – Я закатываю глаза, хотя она все равно не может этого видеть. – А мне говорили, что вежливость – одно из моих главных качеств.

– Тебе наврали, – хихикает она.

Я пинаю камень, в этот раз добром поминая чистоплотность Тессы, заставившей меня снять ботинки на пороге, иначе мне пришлось бы сейчас надевать кроссовки Лэндона. Не самое приятное зрелище. Плюс к тому я уверен, что размер ноги у него гораздо меньше, чем у меня.

– Ты откуда? – спрашивает она.

Делаю вид, что не слышу, и продолжаю идти. Думаю, на следующем повороте надо повернуть налево. Я уверен, то есть адски надеюсь на это.

– Из Англии?

– Да. – Теперь, полагаю, я тоже вправе спросить. – Куда нам?

Поворачиваюсь и вижу, что она сворачивает направо. Конечно же, я ошибся.

У нее синие глаза, юбка метет по гравию. Она напоминает мне Тессу… когда я с ней только познакомился. Моя Тесса больше не носит такие ужасные шмотки, как эти. Лексический запас ее тоже пополнился; в этом, конечно, моя заслуга, теперь она может использовать его для того, чтобы осыпать мою задницу сравнениями в любых случаях жизни.

– Ты здесь тоже с родителями? – Голос у нее низкий и даже приятный.

– Нет… ну, типа того.

– Они являются кем-то типа родителей? – улыбается она.

Выражение «они являются» вместо короткого «они» тоже напоминает мне о Тессе. Я снова смотрю на девушку, чтобы убедиться, что она существует, а я не вляпался во что-то вроде диккенсовской «Рождественской истории» и она на самом деле – призрак, который пришел, чтобы преподать мне урок.

– Они – это моя семья и моя девушка. У меня есть девушка, кстати, – предупреждаю я.

Не думаю, что она заинтересована в таком парне, как я, но когда-то я думал то же самое и о Тессе.

– Хорошо… – говорит она.

– Хорошо.

Я ускоряюсь, желая увеличить расстояние между нами. Поворачиваю направо, она тоже. Мы оба сходим на обочину, когда мимо проезжает грузовик, и девушка снова меня догоняет.

– Где она? Твоя подруга? – спрашивает она.

– Спит. – Я использую ту же ложь, что для отца и Карен.

– Хм…

– Что «хм»? – Я смотрю на нее.

– Ничего. – Она глядит в сторону.

– Ты уже прошла со мной половину пути. Если тебе есть что сказать, говори, – раздраженно бросаю я.

Она крутит что-то в руках, глядя под ноги.

– Я просто подумала, что ты пытаешься убежать от чего-то или спрятаться… не знаю почему.

– Я не прячусь; она велела мне проваливать, что я и сделал.

Что этот клон Тессы вообще может знать?

Она смотрит на меня.

– Почему она тебя прогнала?

– Ты всегда такая любопытная?

Она улыбается.

– Да, – утвердительно кивает она.

– Терпеть не могу любопытных.

Кроме Тессы, конечно. Хотя, когда она устраивает мне допрос, несмотря на всю любовь, мне хочется залепить ей рот скотчем. Она реально самый привязчивый человек, которого я в жизни видел.

На самом деле я вру. Мне нравится, когда она меня выспрашивает; раньше меня это бесило, но теперь все изменилось. Я тоже хочу знать о ней все… что она думает, что делает, чего хочет. И, к собственному ужасу, понимаю, что задаю гораздо больше вопросов, чем она…

– Так что ты мне хотел сказать? – напоминает девушка.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я, уклоняясь от ответа.

– Лилиан, – представляется она и выбрасывает что-то, что держала в кулаке.

– Хардин.

Она заводит прядь за ухо.

– Расскажи мне о своей девушке.

– Зачем?

– Похоже, ты расстроен, и кому еще лучше излить душу, как не незнакомцу?

Не хочу с ней говорить: она слишком похожа на Тессу, и мне это не нравится.

– Не думаю, что это хорошая идея.

Солнце тут заходит рано, и небо уже почти черное.

– Хочешь держать это в себе? – спрашивает она понимающе. Слишком понимающе.

– Слушай, ты кажешься… хорошей и все такое, но я тебя не знаю, а ты не знаешь меня, так что разговора не будет.

Она хмурится. Потом вздыхает:

– Ладно.

Наконец вдалеке замечаю знакомую покатую крышу.

– Ну, вот я и дома, – говорю я с облегчением.

– Правда? Погоди-ка… твой отец – Кен, так? – Она хлопает себя по лбу маленькой ладошкой.

– Да, – удивленно отвечаю я.

Мы останавливаемся на обочине.

– Я идиотка, ну конечно! И акцент, как я не подумала об этом раньше, – смеется она.

– Не понимаю. – Я смотрю на нее сверху вниз.

– Наши отцы – друзья, они вроде как вместе в колледж ходили. Я только что провела целый час, слушая их рассказы о добрых старых временах.

– Ну надо же, какое совпадение! – усмехаюсь я.

Я уже не чувствую себя рядом с этой девушкой неловко, как несколько минут назад.

Она широко улыбается:
– Ну, значит, мы не такие уж и чужие друг другу, в конце концов.

Глава 30

Тесса

– Печенье! – хором отвечаем мы с Лэндоном.

– Точно, печенье, – улыбается Карен, открывая духовку.

Она без остановки что-то печет, жарит, парит. Пожаловаться не на что, ее стряпня невероятно вкусная.

– Уже темно. Надеюсь, он там не заблудится, – замечает Кен.

Лэндон только пожимает плечами. Это Хардин.

Хардин ушел уже более трех часов назад, и я изо всех сил пытаюсь не волноваться. Я знаю, что с ним все в порядке; если с ним что-нибудь случится, я это почувствую. Не знаю, как объяснить, но в глубине души я уверена, что почувствую.

Так что я беспокоюсь не о том, что с ним случилось что-то плохое. Я боюсь, что его настроение станет причиной поиска местного бара. Как бы я ни хотела, чтобы он поскорее вернулся, если он появится в дверях и от него будет разить перегаром, меня это просто убьет. Мне требуется время и пространство, чтобы остыть. Я стараюсь ни о чем не думать, изо всех сил стараюсь.

– Я подумала, что мы все могли бы принять джакузи сегодня или завтра с утра? – предлагает Карен.

Лэндон фыркает газировкой из стакана, а я от неожиданности прикусываю щеку изнутри. Воспоминание о том, как Лэндон обнаружил мои кроваво-красные трусы, плавающие в воде, еще свежи; у меня горят щеки.

– Карен, милая, не думаю, что они хотят принимать ванну с нами, – смеется Кен, и Карен понимающе улыбается.

– Наверное, ты прав. – Она смеется и, наморщив нос, начинает делить тесто для печенья на небольшие шарики. – Терпеть не могу делать тесто.

Я знаю, что для Карен ничего нет хуже, чем месить тесто, а мне это очень нравится. Особенно сейчас.

Когда пришли Карен и Кен, мы с Лэндоном вовсю обсуждали его скорую встречу с Дакотой и то, что они скоро будут снимать квартиру. Они рассказали, как столкнулись с уходившим Хардином. Видимо, он сказал, что я сплю, поэтому я сделала все возможное, чтобы подтвердить его ложь, рассказывая, что проснулась только что, когда пришел Лэндон.

Не перестаю думать о том, где Хардин и скоро ли он вернется. Часть меня все еще не хочет его видеть, но другая часть, гораздо большая, хочет знать, что он не делает ничего, что может поставить под угрозу наши и без того хрупкие отношения. Я все еще ужасно злюсь на него за то, что он вмешался в мой переезд в Сиэтл, и понятия не имею, что же, черт возьми, мне теперь делать.

Глава 31

Хардин

– Ты сорвал ей съем квартиры? – спрашивает Лилиан, пораженно уставившись на меня.

– Я же говорил, что сделал ужасную гадость, – напоминаю я.

Мы идем вдоль дороги к ее родителям, нас освещает фарами очередная машина. Я собирался вернуться в дом отца, но Лилиан оказалась весьма достойным слушателем. Поэтому, когда она попросила проводить ее до дома и договорить, я согласился. Пусть у Тессы будет время поостыть; надеюсь, к моему возвращению она будет готова к разговору.

– Ты не говорил, что дошел до такого. Я ее не виню, что она на тебя разозлилась.

Она девушка и, конечно, всегда готова принять сторону Тессы. Не представляю себе, что бы она подумала, если бы знала обо всей той фигне, которую я натворил за последние полгода.

– И что же ты собираешься теперь делать? – спрашивает она, открывая двери.

Она приглашает меня войти в дом своих родителей так, словно наверняка знает, что я хочу войти.

Внутри я понимаю, что здесь роскошно. Даже роскошнее, чем у моего отца. Это чертовски богатые люди.

– Они должны быть наверху, – говорит она, когда мы заходим.

– Кто должен быть наверху? – раздается женский голос.

Лилиан, поморщившись, оборачивается к женщине, полагаю, своей матери. Она выглядит точь-в-точь как Лилиан, за исключением возраста.

– Кто это? – спрашивает она.

В этот момент в гостиную входит мужчина средних лет в рубашке-поло и защитного цвета брюках.

Прекрасно, просто прекрасно. Я должен был просто довести Лилиан до дому. Интересно, что бы подумала Тесса, если бы узнала, что я здесь? Она все еще зла на меня за тот случай, когда были причины ревновать меня к Молли. Но тем не менее эта девушка не Молли, у них нет ничего общего.

– Мама, папа, это Хардин, сын Кена.

На лице мужчины появляется широкая улыбка.

– Очень рад с тобой познакомиться! – восклицает он с шикарным английским акцентом, который сразу объясняет, откуда он знает моего отца.

Подойдя поближе, он хлопает меня по плечу. Я делаю шаг назад, и он слегка хмурится, хотя, мне кажется, ожидал такой реакции. Отец, наверное, предупредил его обо мне. Я почти усмехаюсь при этой мысли.

– Дорогая, – обращается он к жене, – это сын Триш.

– Вы знаете мою маму? – спрашиваю я прежде, чем его жена успевает ответить.

– Да, я знала твою маму еще до того, как она стала твоей мамой, – отвечает женщина с улыбкой. – Мы дружили, все пятеро, – добавляет она.

– Пятеро? – спрашиваю я.

Отец Лилиан смотрит на нее.

– Дорогая.

– Ты так на нее похож, вылитый! Только глаза отцовские. Я не виделась с ней с тех пор, как вернулась в Америку. Как она?

– Хорошо, скоро выходит замуж.

– Правда? – взвизгивает она. – Передай ей, что я ее поздравляю и рада об этом слышать.

– Хорошо, – отвечаю я.

Эти люди чертовски много улыбаются. Все равно что находиться в комнате одновременно с тремя Карен, только более приставучими и менее красивыми.

– Ну, мне пора, – сообщаю я Лилиан, но получается довольно неловко.

– Нет-нет. Не уходи, мы уже поднимаемся наверх, – говорит отец Лилиан, обнимает жену и уводит за собой.

Лилиан смотрит им вслед, потом снова на меня.

– Извини, они такие…

– Искусственные? – договариваю я за нее. Я умею почувствовать неискренность за сверкающей белозубой улыбкой.

– Да, очень! – смеется она и садится на диван.

Я неуклюже переминаюсь у двери.

– Твоя девушка будет возражать, если узнает, что ты здесь? – спрашивает она.

– Не знаю, наверное, – вздыхаю я, раздраженно проводя рукой по волосам.

– Ты хотел бы, чтобы она так поступала? Что бы ты почувствовал, если бы она пришла в гости к парню, с которым только что познакомилась?

Как только она это произносит, в груди у меня закипает гнев.

– Я бы озверел! – рычу я.

– Так я и думала, – ухмыляется она и хлопает ладонью по дивану рядом с собой.

Глубоко вздыхаю и направляюсь к креслу напротив. Не знаю, как к ней относиться: она адски груба и несколько раздражает.

– Ты ревнивый парень, верно? – спрашивает она, разглядывая меня.

– Думаю, да. – Я пожимаю плечами.

– Готова поспорить, твоей подружке не очень понравится, если ты меня поцелуешь.

Она тянется ко мне, и я вскакиваю. Я уже на полпути к дверям, когда она начинает хохотать.

– Что ты, блин? – Я стараюсь говорить негромко.

– Да я просто прикалываюсь. Я не серьезно, поверь, – улыбается Лилиан. – И очень рада видеть, что и ты тоже. Можешь расслабиться.

Может быть, у нее действительно много общего с Тессой, но она не такая милая… и не такая невинная. Я сажусь на стул напротив дивана. Я еще недостаточно знаю эту цыпочку, чтобы ей доверять. Я здесь только потому, что мне нужно некоторое время не возвращаться в дом отца. А Лилиан, несмотря на то что она мне чужая, все-таки нейтральная сторона, в отличие от Лэндона, лучшего друга Тессы. Все-таки приятно поговорить с человеком, которому нет причин меня осуждать. К тому же, черт, она немного грубее, так что с ней сейчас лучше, чем там, откуда я пришел.

– Теперь расскажи, что там такого в Сиэтле, что ты не можешь поехать туда ради нее?

– Ничего конкретного. У меня там была пара неприятных инцидентов, но дело не в этом. А в том, что она там будет двигаться вверх, – отвечаю я, понимая, как глупо это звучит.

Но я не кретин; эта девушка топала за мной целый час, так что если кто и дурак, то это она.

– И это плохо?

– Нет. Я, конечно, хочу, чтобы она развивалась. Просто хочу быть частью этого.

Вздыхаю оттого, что мы с Тессой не рядом, хотя прошло всего несколько часов. Но дело в том, что раз она так сердится на меня, я могу оказаться вдали от нее на гораздо дольший срок.

– Так ты отказываешься ехать в Сиэтл, потому что хочешь быть частью ее жизни? Это бессмысленно, – убежденно заключает Лилиан.

– Я знаю, ты этого не понимаешь, и она тоже, но она единственное, что у меня есть. Все, что есть в моей жизни, буквально все, что мне нужно, и я не могу ее потерять. Без нее у меня нет ничего.

Зачем я все это ей рассказываю?

– Я понимаю, что это звучит дико жалко.

– Нет, ты не понимаешь. – Она сочувственно улыбается, и меня передергивает. Последнее, чего я хочу добиться от нее, – это сочувствия.

Гаснет свет на лестнице, я смотрю на Лилиан.

– Мне пора? – спрашиваю я.

– Нет, я уверена, отец просто в восторге, что я притащила тебя домой, – отвечает она без всякого сарказма.

– Почему?

– Ну, с тех пор, как я познакомила их с Райли, они все ждут, когда мы расстанемся.

– Ему он не нравится или что?

– Она.

– Что?

– Ему не нравится она, – говорит она, и я еле сдерживаю усмешку.

Я сочувствую ей, что родители не принимают ее отношения, но вынужден признать, что мне становится легче.

Глава 32

Тесса

Лэндон объясняет, что их квартира очень близко к кампусу и до университета нетрудно дойти пешком. Не нужно ездить, и ему даже не придется каждый день спускаться в метро.

– Я очень рада, что вы не будете садиться за руль в этом огромном городе. Слава богу, – говорит Карен, положив руку на плечо сыну.

Он качает головой.

– Я прекрасно вожу, лучше Тессы, – дразнится он.

– Я не так уж плохо вожу, лучше, чем Хардин, – отвечаю я.

– Нашла чем хвастаться! – смеется Лэндон.

– Я беспокоюсь не о ваших водительских навыках, а об этих сумасшедших таксистах! – кудахчет Карен, как наседка.

Хватаю с подноса печенье и снова оглядываюсь на входную дверь. Я постоянно смотрю на нее в ожидании Хардина. Моя злость медленно улетучивается, с каждой убегающей минутой.

– Хорошо, спасибо, что дала знать. Завтра увидимся, – говорит Кен кому-то по телефону, заходя к нам на кухню.

– Кто это был?

– Макс. Хардин у него дома с Лилиан, – говорит он, и мой желудок сжимается.

– Лилиан? – Я не могу удержаться от вопроса.

– Дочь Макса. Примерно твоего возраста.

Зачем Хардин пошел к соседям и их дочери? Он ее знает? Неужели он с ней встречался?

– Уверен, он скоро вернется.

Кен хмурится. Ловлю его взгляд и понимаю, что он заранее не подумал о моей реакции. И то, что ему становится неловко, заставляет меня чувствовать себя еще более неловко.

– Да. – Я вздыхаю, вставая с табурета. – Я просто… Я собираюсь ложиться, – говорю я, пытаясь держать себя в руках.

Чувствую, что меня захлестывает злость и нужно уйти раньше, чем она вырвется наружу.

– Я пойду с тобой, – предлагает Лэндон.

– Нет, все нормально, правда. Мы очень рано встали, был насыщенный день, и уже поздно, – уверяю я, и Лэндон кивает, хотя уверена, что он на это не купился.

У лестницы слышу, как он произносит:

– Он полный идиот.

Да, Лэндон. Так и есть.

Перед тем как подойти к шкафу и переодеться в пижаму, закрываю балконную дверь. Мысли так бурлят, что трудно сосредоточиться на одежде. Кроме одежды Хардина, ничего не попадается, но не хочу надевать его белую футболку. Мне нужно найти, в чем спать, среди своей дурацкой одежды. Порывшись в ящике, сдаюсь, решаю спать в тех шортах и футболке, которые на мне, и ложусь.

Кто эта таинственная девушка, с которой сейчас Хардин? Как ни странно, я больше расстраиваюсь из-за квартиры в Сиэтле, чем из-за нее. Если он хочет поставить наши отношения под угрозу, обманывая меня, это его выбор. Да, это то, что разрывает оставшуюся меня на куски, и не думаю, что когда-нибудь смогу восстановиться, но я не собираюсь зацикливаться на этом.

Не могу себе представить. Не верю, что он действительно мне изменяет. Несмотря на все то, что он совершил в прошлом, я просто не могу себе этого представить. Не после его татуировки и не после того, как он вымаливал прощение, стоя на коленях. Да, он изводит меня контролем и слишком деспотичен, кроме того, он не понимает, когда следует прекратить вмешиваться в мою жизнь, но он скорее хочет удержать меня рядом с собой, а не попытаться обманом сбежать.

Даже спустя час после того, как я, уставившись в потолок, считаю трещины в досках крыши, во мне пульсирует обида на Хардина. Не знаю, в состоянии ли я говорить с ним, но я знаю, что не в состоянии заснуть, пока не услышу, что он вернулся. Чем дольше его нет, тем больше я себя накручиваю. Не могу не видеть в наших отношениях двойные стандарты: если бы я была где-то с парнем, а Хардин не знал, где я, он, наверное, попытался бы поджечь лес вокруг. Это нелепо, смешно, но мне не до смеха. Я снова закрываю глаза, мысленно призывая сон.

Глава 33

Хардин

– Хочешь выпить? – спрашивает Лилиан.

– Конечно. – Я пожимаю плечами и поглядываю на часы.

Она встает и открывает бар. Перебирает бутылки, наконец выбирает одну и быстро показывает ее мне, словно Ванна Уайт. Отвинтив крышку с бутылки коньяка, который, я уверен, дороже, чем огромный телевизор на стене, она смотрит на меня с притворным сочувствием.

– Ты не можешь постоянно трусить.

– Заткнись.

– Ты так похож на нее, – хихикает она.

– На Тессу? Нет, абсолютно. С чего ты взяла?

– Нет, не на Тессу. На Райли.

– Чем именно?

Лилиан наливает темный коньяк в бокал и передает его мне, а потом опять усаживается на диван.

– А себе не нальешь?

Она царственно качает головой:

– Я не пью.

Конечно, не пьет. Мне тоже не следует пить, но слегка сладковатый, насыщенный аромат коньяка уносит воспоминание прочь.

– Так ты скажешь мне, чем я на нее похож? – Я в ожидании гляжу на нее.

– Вы оба такие; она тоже всегда ведет себя так, словно сердита на весь мир. – Она изображает на лице преувеличенное страдание и подгибает под себя ноги.

– Ну, может, она на что-то злится, – защищаю я ее подругу, хотя совсем ее не знаю.

И одним глотком наполовину опустошаю бокал. Коньяк крепкий, выдержан до совершенства, чувствую, как меня обжигает до пальцев ног.

Лилиан не отвечает. Вместо этого она поджимает губы и смотрит на стену позади меня в глубокой задумчивости.

– Я не какой-нибудь доктор Фил[2], без всяких «Хочешь поговорить об этом?», или там чертова «Кумбайя»[3], – говорю я, и она кивает.

– Я и не жду «Кумбайю», но считаю, что ты должен, по крайней мере, придумать план, как извиниться перед Тамарой.

– Ее зовут Тесса, – поправляю я, внезапно раздражаясь из-за этой мелкой ошибки.

Она улыбается и перекидывает свои каштановые волосы на одно плечо.

– Тесса, извини. У меня двоюродную сестру зовут Тамарой, наверное, я сейчас думала о ней.

– С чего ты решила, что я стану извиняться? – Я прижимаю язык к нёбу в ожидании ее ответа.

– Шутишь, что ли? Ты должен извиниться! – почти кричит она. – По крайней мере, ты должен сказать, что поедешь с ней в Сиэтл.

Я устало морщусь.

---

[2] Ведущий популярного телешоу о психологии «Доктор Фил» Филипп Макгроу.

[3] «К у м б а й я» («Приди, Господь») – спиричуэл, с начала XX века популярный среди скаутов в США. В настоящее время – символ морализаторства, лицемерия или наивно оптимистических взглядов на мир.

– Я не собираюсь в Сиэтл, черт возьми.

В конце концов, почему Тесса и эта гребаная Тесса номер два заставляют меня ехать в Сиэтл?

– Тогда, я думаю, она уедет без тебя, – отвечает она отрывисто.

Смотрю на нее, на эту девушку, которая, как я думал, сможет меня понять.

– Что ты сказала? – Я резко ставлю бокал с коньяком, так, что коричневая жидкость выплескивается и растекается по белой поверхности стола.

Лилиан удивленно поднимает брови.

– Я сказала, что думаю, что она уедет без тебя, потому что ты пытался помешать ей снять квартиру, а значит, не готов двигаться по жизни вместе.

– Да мне совершенно насрать на то, что ты думаешь.

Хочу уехать. Я знаю, что она права, но не могу этого признать.

– Да, ты переедешь с ней, ты просто не можешь это признать. Ты пришел, чтобы разобраться в себе. Ты притворяешься, что тебя все это не касается, но на самом деле тебя эта ситуация сильно беспокоит.

Снова беру бокал и допиваю остатки, потом встаю и иду на выход.

– Ты обо мне всего не знаешь, – цежу я сквозь зубы.

Лилиан встает и случайно касается меня.

– Да. Как я и говорила, ты очень похож на Райли.

– Тогда мне ее жалко, потому что ей приходится терпеть, – начинаю я раздраженно, но останавливаю себя: ведь Лилиан не сделала ничего плохого, она на самом деле пытается помочь мне и не заслуживает моего гнева.

Я вздыхаю.

– Прости, ладно? – Я иду обратно в гостиную и шлепаюсь на диван.

– Видишь, извиняться не так сложно, не правда ли? – Лилиан улыбается, подходит к бару и приносит коньяк. – Думаю, тебе нужно еще выпить. – Она улыбается и берет мой пустой бокал.

После третьей порции я бормочу:

– Тесса терпеть не может, когда я пьян.

– Ты много пьешь?

– Нет, – машинально отвечаю я, но вижу, что ей действительно интересно, на пару секунд задумываюсь и решаю немного подкорректировать ответ. – Иногда.

– Хм.

– Почему ты не пьешь?

– Не знаю, просто так.

– А твой пар… – Я вовремя поправляюсь: – Твоя девушка пьет?

– Да, иногда, но не так много, как раньше, – кивает она.

– А. – У нас с Райли, возможно, найдется больше общего, чем я думал.

– Лилиан? – зовет ее отец, а потом я слышу шаги на лестнице.

Я инстинктивно немного отодвигаюсь от Лилиан, когда она поворачивается к нему.

– Да, папа?

– Уже почти час ночи. Я думаю, пора сворачивать посиделки.

Час ночи? Вот блин.

– Хорошо. – Лилиан кивает и смотрит на меня. – Он, кажется, забыл, что я уже взрослая, – шепчет она мне, и я ясно слышу в ее голосе раздражение.

– Мне все равно пора идти. Тесса меня убьет.

Я потягиваюсь и встаю: ноги плохо слушаются.

– Ты можешь зайти к нам завтра, Хардин, – говорит друг моего отца, когда я поворачиваюсь, чтобы уйти.

– Давай извинись и переезжай в Сиэтл, – напоминает мне Лилиан.

Решаю не обращать на сказанное внимания и выхожу на улицу. Мне реально нравится, как живет ее отец, он явно чертовски богат.

Вокруг темно, хоть глаз выколи, буквально не могу разглядеть собственную руку. Как идиот, я машу перед собой. Дохожу до поворота и вижу вдалеке свет окон отцовского дома. Иду в ту сторону и поднимаюсь на крыльцо. Прозрачная дверь скрипит, когда я открываю ее, и я тихонько чертыхаюсь. Меньше всего мне хочется, чтобы отец проснулся и учуял, как от меня разит коньяком. Может, он сам хочет выпить. Моя внутренняя Тесса укоряет за подобные циничные мысли, но, ущипнув себя за переносицу и помотав головой, прогоняю ее.

Чуть не опрокидываю лампу, пытаясь стащить с ног ботинки. Опираясь за стену, чтобы не упасть, я наконец справляюсь с обувью и ставлю ее рядом с парой Тессы. Стараюсь как можно тише подняться по лестнице, отчего взмокают ладони. Я не пьян, но совершенно невменяем от усталости и волнения, и понимаю, что Тесса от этого еще больше расстроится. Она и так не особо веселилась, а теперь, когда я притащился так поздно, да еще и пьяный, это ее вряд ли обрадует. Я по-настоящему… побаиваюсь. Она была просто в ярости, когда выгнала меня.

Дверь в комнату, в которой мы ночуем, открывается с тоненьким скрипом, и я передвигаюсь по комнате как можно тише, стараясь не разбудить ее.

Не удалось.

Лампа на тумбочке вспыхивает, и Тесса бесстрастно пронзает меня взглядом.

– Извини… Не хотел тебя будить, – оправдываюсь я.

Ее полные губы сжимаются.

– Я не спала, – произносит она, и в груди у меня появляется нехорошее чувство.

– Я понимаю, что уже поздно, прости. – Слова вылетают сами собой.

Она вглядывается в меня.

– Ты пьян?

Несмотря на резкий тон, взгляд ее теплеет. Мне хочется присесть на кровать и прикоснуться к ней.

– Да, – отвечаю я, ожидая новой вспышки ярости.

Она вздыхает и подносит руки ко лбу, чтобы отбросить пряди, выбившиеся из хвоста. Кажется, она не удивлена.

Секунд тридцать я все еще жду скандала. Но его нет.

Она просто сидит на кровати, откинувшись назад и глядя на меня печальным усталым взглядом, а я неуклюже переминаюсь посреди комнаты.

– Ты собираешься что-то сказать? – спрашиваю я наконец, желая прервать тягостное молчание.

– Нет.

– Почему?

– Я устала, а ты пьян; мне правда нечего сказать, – говорит она совершенно равнодушно.

Я всегда с ужасом ожидаю последней капли, точки, когда она перестанет терпеть, и, честно говоря, я боюсь, что сейчас может быть финал.

– Я не пьян, выпил только три рюмки. Ты же знаешь, для меня это фигня, – сообщаю я и сажусь на край кровати.

По позвоночнику бежит холодок: она отодвигается к спинке кровати, чтобы оказаться подальше от меня.

– Где ты был? – спокойно спрашивает она.

– Неподалеку.

Она продолжает смотреть на меня, ожидая, что я еще скажу.

– Я был с девчонкой Лилиан, ее отец ходил в колледж вместе с моим, мы разговорились, слово за слово, и…

– О боже! – Тесса закрывает глаза, затыкает уши руками, подтягивая колени к груди.

Я протягиваю руки и беру ее за запястья, осторожно опускаю на колени.

– Нет-нет, ты не так поняла. Блин. Мы говорили о тебе, – шепчу я, ожидая увидеть в ее глазах недоверие.

Она открывает глаза и смотрит на меня.

– Что именно обо мне?

– Да все про этот чертов Сиэтл.

– С ней ты говорил о Сиэтле, а со мной не хочешь?

В ее голосе не злость, только любопытство, и я на самом деле сильно путаюсь. Я ведь не хотел говорить об этом с другой, она меня практически заставила, но, кажется, я доволен, что она это сделала.

– Не совсем так: ты же меня прогнала, – напоминаю я девушке с лицом Тессы, но сейчас такой непривычно чужой.

– И ты был с ней все это время? – Ее губы вздрагивает, и она прикусывает нижнюю зубами.

– Нет, я пошел прогуляться и случайно с ней столкнулся.

Я протягиваю руку, чтобы поправить волосы, и она не отстраняется. Ее кожа горячая, а щеки словно светятся. Она наклоняется к моей ладони и закрывает глаза, когда я провожу пальцем по ее щеке.

– Она очень похожа на тебя.

Я не ожидал, что все пойдет так. Я ждал третьей мировой войны с Тессой.

– Значит, она тебе понравилась? – спрашивает она, приоткрывая глаза.

– Да, она нормальная.

Я пожимаю плечами, и она снова закрывает глаза. Я сбит с толку ее поведением, это чересчур сложно для и так несколько расслабленного старым коньяком Хардина.

– Я устала, – говорит она, убирая мою руку от щеки.

– Ты не злишься? – удивленно спрашиваю я.

В глубине сознания шевелится беспокойство, не всплывая на поверхность. Проклятый коньяк!

– Я просто устала, – отвечает она и опускается на подушку.

Ладно…

Тревожный звоночек… Нет, целая сирена перед торнадо воет во мне, когда я слышу ее абсолютно безэмоциональный голос. Она чего-то недоговаривает. А я хочу, чтобы она это сказала. Но как только она засыпает или, по крайней мере, делает вид, понимаю, что сегодня следует проигнорировать все тревожные сигналы. Уже поздно. Если я слишком надавлю на нее, она снова меня прогонит, а я этого не хочу. Я не могу заснуть без нее, и я благодарен, что она позволяет мне лежать рядом, после всей этой херни с Сандрой. А еще я благодарен тому, что коньяк нагоняет на меня такой сон, что я продрыхну всю ночь, не мучаясь тем, что происходит в голове у Тессы.

Глава 34

Тесса

В комнату льется утренний свет, солнце уже давно встало. Перевожу взгляд с неприкрытых балконных дверей на собственный живот, на котором лежит татуированная рука Хардина. Его пухлые губы открыты, и из них доносится мягкое сопение. Я не знаю, стоит ли его будить, поэтому просто провожу рукой по копне темных волос и прижимаюсь губами к розовой коже.

Я зла, чертовски зла на Хардина за все, что произошло вчера вечером. Он имел наглость вернуться в полвторого ночи, и, как я и боялась, от него разило спиртным. Еще одна загадка в нашей запутанной истории: кто эта девушка, с которой он провел несколько часов? Он сказал, что они просто болтали, и дело не в том, что я не верю, а в том, что со мной он отказывается обсуждать Сиэтл или вообще все, что имеет к этому отношение, а с ней об этом разговаривает. Не знаю, что думать, и устала все время переживать! Всегда обязательно найдется какая-нибудь проблема, которую нужно решать. А я устала. Устала от всего этого. Я люблю Хардина больше, чем могу понять его, но не знаю, на сколько меня еще хватит. Я не могу не беспокоиться каждый раз, когда он приходит домой пьяный. Хочется накричать на него, бросить подушку ему в лицо и сказать, какой он идиот, но я наконец начинаю понимать, что можно бороться с одним и тем же лишь до тех пор, пока ты не разлюбил.

Не знаю, что буду делать, если он не поедет в Сиэтл, но понимаю одно: от того, что мы проснулись вместе в одной кровати, ничего не изменилось. Я приподнимаю руку Хардина, выкручиваясь из-под нее, и мягко кладу на подушку. Он стонет во сне, но, к счастью, не просыпается.

Беру телефон с прикроватной тумбочки и не спеша выхожу на балкон. Дверь открывается почти бесшумно, и я, облегченно вздохнув, прикрываю ее за собой. На улице намного холоднее, чем вчера. Конечно, ведь только семь утра.

С телефоном в руках обдумываю ситуацию с несуществующим жильем в Сиэтле. Переезд начинает доставлять больше хлопот, чем я ожидала, и, честно говоря, порой мне кажется, что хлопот чуть ли не больше, чем оно того стоит. Быстро обрываю такие мысли. Ведь именно этого Хардин и добивается: он пытается создать побольше сложностей для моего переезда и, наверное, надеется, что я брошу свой замысел и останусь с ним.

Но этого не будет.

Я открываю браузер на телефоне и с нетерпением ожидаю, когда загрузится Гугл. Раздраженно смотрю на маленький экранчик, где бесконечно крутится кружок загрузки. Разочаровавшись в низкой скорости своего старого мобильника, возвращаюсь в спальню и беру со стула мобильник Хардина, после чего вновь иду на балкон. Если он проснется и обнаружит у меня свой мобильник, то, конечно, рассердится. Но я не собираюсь копаться в его вызовах и сообщениях. Я только воспользуюсь Интернетом.

«Да, она нормальная». В голове крутятся его слова о Лилиан и мешают поискам квартиры в Сиэтле. Мотаю головой, избавляясь от воспоминаний, и любуюсь роскошной квартирой, которую хотела бы себе позволить. Я проматываю дальше, к квартирке поменьше. Мне не будет там комфортно, я хотела бы что-то с прихожей и комнатой, особенно если я буду жить в Сиэтле одна. Проматываю экран еще несколько раз, прежде чем нахожу наконец квартиру со спальней средних размеров. Это превышает мой бюджет, но не намного. Если понадобится, могу немного поголодать.

Сохраняю номер себе в телефон и продолжаю смотреть варианты. Погружаюсь в фантазии о совместном поиске квартиры с Хардином. Вот мы оба сидим на кровати, я – скрестив ноги, а Хардин – вытянув перед собой и прислонившись к изголовью. Я показываю квартиру, и он закатывает глаза, устав от поиска жилья, но я бы все равно совала ему под нос вариант, улыбалась и смотрела на его губы. Он бы сказал, что я милая, когда волнуюсь, и забрал бы у меня ноутбук, уверяя, что сам найдет нам квартиру.

Впрочем, это слишком просто. Слишком легко. Полгода назад все в моей жизни было просто. Мама помогала мне найти общежитие, у меня все было распланировано и намечено с момента появления в университете.

Мама… Мне так ее не хватает. Она понятия не имеет, что я встретилась с отцом. Уверена, она бы рассердилась, если бы узнала.

Прежде чем я могу самой себе объяснить зачем, набираю ее номер.

– Алло? – спокойно отвечает она.

– Мама, ты?

– Кто же еще это может быть?

Я уже жалею, что позвонила.

– Как поживаешь? – спокойно спрашиваю я.

Она вздыхает:

– Хорошо. Просто была занята всем, что тут происходило.

– Что происходило?

Она знает об отце? Я быстро решаю, что если не знает, сейчас не лучшее время говорить об этом.

– Да так, ничего особенного. Я работаю, много сверхурочной работы, у нас новый пастор, да, и еще Рут скончалась.

– Рут Портер?

– Да, я собиралась тебе сообщить, – говорит мама, и ее металлический голос немного теплеет.

Бабушка Ноя Рут была одной из самых приятных женщин, которых я имела удовольствие знать. Она всегда была такая добрая, совсем как Карен, и готовила лучшее шоколадное печенье на земле.

– Как поживает Ной? – осторожно спрашиваю я.

Он был очень привязан к бабушке, я знаю, что без нее ему будет трудно. У меня никогда не было шанса познакомиться со своими бабушками и дедушками – родители отца умерли, когда я была слишком маленькой, чтобы их запомнить, а родители матери не те люди, с кем можно сблизиться.

– Ему сейчас довольно тяжело. Тебе надо позвонить ему, Тесса.

– Я… – начинаю я, собираясь сказать, что не могу позвонить ему, но останавливаюсь. Почему я не могу ему позвонить? Я могу, и я это сделаю. – Хорошо… Я позвоню ему прямо сейчас.

– Правда? – Она явно очень удивлена. – Ну, по крайней мере, подожди до девяти, – советует она, и я не могу сдержать улыбку. Я знаю, что она тоже улыбается на том конце. – Как идет учеба?

– В понедельник я переезжаю в Сиэтл, – признаюсь я и слышу, как там что-то гулко падает на пол.

– Что?

– Я говорила тебе, ты забыла? – Я ведь ей говорила?

– Нет, ты мне не говорила. Ты сказала, что твоя компания переезжает в Сиэтл, но не говорила, что тоже собираешься переехать.

– Прости, я была слишком занята Сиэтлом и Хардином.

Она, изо всех сил контролируя себя, спрашивает:

– Он едет с тобой?

– Не знаю… – вздыхаю я.

– Все нормально? Мне кажется, ты расстроена.

– Все хорошо, – вру я.

– Я знаю, что последнее время мы с тобой были не в лучших отношениях, но я все еще твоя мать, Тесса. Ты можешь поговорить со мной, если в твоей жизни что-то происходит.

– Все в порядке, правда. Я просто нервничаю из-за переезда и перевода в другой университет.

– Ах, вот что. У тебя все получится – ты преуспеешь в любом университете, Тесса. Ты можешь достичь успеха во всем, – уверенно говорит она.

– Я знаю, но я уже так привыкла к этому университету, много знакомых среди профессоров, есть друзья… несколько друзей.

На самом деле у меня нет друзей, по которым я стану так уж скучать, не считая Лэндона. И может быть, по Стеф… но больше по Лэндону.

– Тесса, это именно то, чего мы добивались столько лет. Посмотри на себя: за какое короткое время ты многого достигла. Ты должна гордиться собой.

Удивительно! Пытаюсь переварить услышанное.

– Спасибо, – бормочу я.

– Скажи мне, как переедешь в Сиэтл, я навещу тебя, поскольку ты, видимо, не собираешься в ближайшее время приезжать ко мне, – продолжает мама.

– Обязательно. – Я игнорирую ее резкий тон.

– Я тебе перезвоню. Мне надо собраться на работу. И не забудь позвонить Ною.

– Хорошо, я позвоню ему в ближайшие пару часов.

Вешаю трубку. Какое-то движение на балконе привлекает мое внимание, и, обернувшись, замечаю Хардина. Теперь он одет в свои обычные черные джинсы и черную футболку. Он стоит босиком, пронзая меня взглядом.

– Кто это был? – спрашивает он.

– Моя мама, – отзываюсь я, подтягивая колени к груди.

– Зачем она звонила? – Он хватается за спинку соседнего стула и со скрежетом подвигает его ближе ко мне, прежде чем сесть.

– Это я ей звонила, – отвечаю я, не глядя на него.

– Почему тут мой телефон? – Он хватает свой телефон у меня с колен и начинает проверять.

– Я заходила в Интернет.

– А, – произносит он так, словно мне не верит.

Если ему нечего скрывать, что он так волнуется?

– О ком ты говорила, что собираешься позвонить? – спрашивает он, присаживаясь на край джакузи.

– О Ное, – сухо бросаю я.

Его глаза сужаются.

– Черта с два.

– Это так.

– Зачем тебе с ним говорить? – положив руки на колени, он наклоняется вперед. – Тебе это не надо.

– Значит, ты можешь часами пропадать с кем-то и вернуться пьяным, но…

– Он твой бывший, – прерывает меня Хардин.

– Откуда мне знать, что она не одна из твоих бывших подружек?

– Потому что у меня не было бывших подружек, забыла?

Я вздыхаю в отчаянии, моя прежняя решимость исчезла, и я снова начинаю злиться.

– Ладно, те девчонки, с которыми ты тогда трахался. Без разницы. – Я по-прежнему стараюсь говорить тихо и ровно. – Ты не имеешь права указывать мне, кому мне можно звонить. Бывшему или нет.

– Я думал, ты на меня не сердишься.

Я вздыхаю, перевожу взгляд на воду, потом снова гляжу в его глаза, с колечками в бровях.

– Я правда не злюсь. Ты поступил именно так, как я и ожидала.

– Как?..

– Исчез на несколько часов, а потом вернулся, дыша перегаром.

– Ты велела мне убираться.

– Это не значит, что ты должен возвращаться домой пьяным.

– Начинается! – стонет он. – Я знал, что ты не сможешь промолчать так же, как ночью.

– Промолчать? Видишь ли, в этом твоя проблема; ты хочешь, чтобы я молчала. Мне это надоело.

– Что надоело? – Он наклоняется ко мне слишком близко.

– Это… – Я резко машу рукой и встаю на ноги. – Мне все это просто надоело. Ты не останавливаешься, ты делаешь все, что хочешь, черт возьми, но можешь найти кого-нибудь другого, кто будет сидеть рядом с тобой, не обращать внимания на твои выходки и оставаться спокойной, потому что я больше не могу.

Отворачиваюсь от него. Он вскакивает на ноги и хватает меня за руку, мягко разворачивая обратно.

– Стоп, – приказывает он. Одной рукой он обвивает мою талию, другой держит за руку. Я подумываю вывернуться, но он прижимает меня к своей груди. – Хватит воевать со мной: ты никуда не поедешь.

Его губы вытягиваются в тонкую линию, когда я вырываюсь из его хватки.

– Отпусти меня, я хочу сесть! – кричу я.

Я не хочу сдаваться и не хочу больше тратить время. Если я уеду, рано или поздно Хардин последует за мной, и когда-нибудь мы поставим большой фонтан перед нашим фасадом.

Он быстро отпускает меня, и я шлепаюсь в кресло. Он тоже садится напротив меня и выжидающе смотрит, уперев локти в колени.

– Что? – не выдерживаю я.

– Так значит, ты уезжаешь от меня? – шепчет он, немного смягчая мой жесткий тон.

– Если ты имеешь в виду, уезжаю ли я в Сиэтл, то да.

– В понедельник?

– Да, в понедельник. Я в сотый раз тебе это говорю. Знаю, ты думал, что твой маленький трюк меня остановит, – говорю я, вскипая, – но нет, ты ничего не сможешь с этим поделать.

– Ничего? – Он смотрит на меня сквозь ресницы.

Когда он был пьян, то сказал, что женится на мне. Он на это сейчас намекает? Как бы я ни хотела спросить его об этом прямо сейчас, прямо здесь, не могу. Думаю, я не готова к его трезвому ответу.

– Хардин, что такого в Сиэтле, что ты так не хочешь туда ехать? – спрашиваю я вместо этого.

Он отводит взгляд.

– Ничего особенного.

– Хардин, я клянусь, что если есть что-то, что ты хочешь скрыть от меня, то клянусь, я никогда об этом не заговорю! – с жаром произношу я. – С меня достаточно этой ерунды, правда.

– Ничего особенного, Тесса. У меня есть там несколько старых приятелей, но я не особенно переживаю об этом, потому что они часть моей прежней жизни.

– Прежней жизни?

– Да, той, что была до тебя: пьянки, гулянки, первые попавшиеся девчонки, – говорит он. Меня передергивает, и он поспешно добавляет: – Извини. – И продолжает: – Никаких там секретов нет, просто неприятные воспоминания. Но я не потому не хочу туда ехать.

Я жду, когда он заговорит по существу, но он замолкает.

– Хорошо, тогда объясни почему. Я не понимаю.

Он с непроницаемым лицом поворачивается ко мне.

– Зачем тебе нужно объяснение? Я не хочу туда ехать и не хочу, чтобы ты ехала без меня.

– Ну, этого недостаточно. Я туда поеду, – заявляю я, качая головой. – И знаешь что? Я больше не хочу, чтобы ты ехал со мной.

– Что? – Его глаза темнеют.

– Я не хочу, чтобы ты ехал со мной. – Я сохраняю спокойствие, насколько это возможно, и поднимаюсь со стула. Я горжусь собой за то, что говорю об этом без лишних воплей. – Ты пытался разрушить то, что было моей мечтой, сколько я себя помню, ты пытался все уничтожить. Ты превратил то, чего я должна ждать с нетерпением, в нечто зыбкое, что я должна удерживать изо всех сил. Я должна сейчас с воодушевлением готовиться ко встрече со своей мечтой. А вместо этого ты сделал так, что у меня нет ни жилья, ни какой-либо поддержки. Так что я не хочу, чтобы ты ехал со мной.

Он открывает и закрывает рот, потом встает и делает шаг ко мне.

– Ты… – начинает он, потом останавливается, словно передумав говорить то, что хотел.

Но поскольку это Хардин и он совершенно не изменился, он только выбирает слова пожестче и пообиднее.

– Ты… знаешь что, Тесса? Никто так не сходит с ума по Сиэтлу, кроме таких, как ты. Кто всю жизнь планирует переехать в этот сраный Сиэтл. Это же так престижно, – рычит он, яростно фыркая. – И кстати, если ты забыла, я – единственная причина, по которой у тебя появилась эта возможность. Ты думаешь, кто-то получает такие оплачиваемые стажировки на первом курсе колледжа? Ни хрена! Большинство людей из кожи вон лезут, чтобы получить оплачиваемую стажировку даже после учебы.

– Это тут совершенно ни при чем. – Я бледнею от злости.

– Это при том, что ты просто обычная…

Я делаю шаг, и прежде, чем осознаю, что делаю, моя рука взлетает к его лицу.

Но Хардин реагирует быстро: хватает меня за запястье и останавливает руку в сантиметрах от своей щеки.

– Нет, – предупреждает он.

Он груб и зол, и я жалею, что мне не удалось дать пощечину. Чувствую на щеке его дыхание, это он пытается сдержать себя.

Продолжай, Хардин, мысленно призываю я. Я не боюсь ни твоей ярости, ни твоих жестоких слов. Я сама могу все это дать тебе в избытке.

– Ты не можешь ничего дать людям, не напоминая потом о своей услуге и не требуя ничего взамен, – вырываются жесткие, даже угрожающие слова.

– Взамен? – Он смотрит на меня сверху вниз горящими глазами. – Я никогда ничего не получал взамен.

Ненавижу, когда он напоминает о своей помощи со стажировкой, ненавижу, что он вечно поступает наперекор. Ненавижу, когда он так меня бесит, что хочется его ударить, и ненавижу ощущать, что теряю контроль над тем, что, может быть, никогда мне и не подчинялось.

Я гляжу на него, рука Хардина все еще сжимает мою, напрягаясь ровно настолько, чтобы не дать мне влепить ему оплеуху; он кажется таким страдающим, донельзя несчастным. В его глазах такая мольба, что я не выдерживаю. Он подносит мою руку к своей груди, не сводя с меня глаз, и произносит:

– Ты ничего не знаешь о безвозмездности.

Он уходит, еще раз взглянув на меня, и мои руки бессильно опускаются.

Глава 35

Хардин

Что, блин, она о себе вообразила? Она считает, что только из-за того, что я не хочу ехать с ней в Сиэтл, она может говорить мне такие гадости? Она, блин, не хочет, чтобы я ехал?

Она не приглашает меня с собой в Сиэтл, и этим она пытается меня поймать? Не похоже. Обычно только я психую, и то, что она попыталась меня ударить, меня весьма удивило. Как же она ненавидяще вытаращила глаза; лучше сейчас держаться подальше от всей этой ерунды.

Захожу в небольшое кафе. Кофе на вкус как деготь, к тому же я заказываю какой-то голимый кекс, который еще хуже. Ненавижу этот дурацкий городишко, где ничего не найдешь. Вскрываю сразу три пакетика сахара и засыпаю их в этот отвратительный кофе, помешивая пластиковой ложечкой. Еще ужасно рано.

– Доброе утро, – приветствует меня знакомый голос. Хотя и не тот, что я хотел бы услышать.

– А ты почему здесь? – Поворачиваюсь и вижу Лилиан.

– Ну, ты явно не жаворонок, – сладким голоском говорит она, занимая место напротив меня.

– Проваливай, – огрызаюсь я.

Оглядываю кафе. Очередь выстроилась почти до дверей, почти все столики заняты. Вероятно, стоит сделать им одолжение и предложить найти какой-нибудь гребаный «Старбакс», потому что это место отстойное.

Она смотрит на меня.

– Я так понимаю, ты не извинился.

– Господи, ты чертовски любопытна. – Я тру переносицу, и она улыбается.

– Ты будешь это доедать? – Лилиан указывает на кекс передо мной, твердый как камень.

Я пододвигаю тарелку к ней, и она откусывает кусочек.

– Я бы не стал это есть, – предупреждаю я, но она все равно жует.

– Не так уж плохо, – врет она. Уверен, ей хочется его выплюнуть, но она проглатывает. – Так расскажешь, почему ты не извинился перед Тамарой?

– Ее зовут Тесса, если ты о ней…

– Ладно, расслабься. Шучу! Я просто прикалываюсь.

Она радостно хихикает над тем, что я разозлился.

– Ха-ха. – Я допиваю остатки кофе.

– И все-таки почему?

– Не знаю.

– Нет, знаешь, – настаивает она.

– Почему тебя это волнует? – Я наклоняюсь к ней, и она откидывается на спинку стула.

– Не знаю… Потому что ты, кажется, любишь ее, и ты мой друг.

– Твой друг? Я сам себя не знаю, а ты уверена, что хорошо знаешь меня, – многозначительно замечаю я.

Ее спокойствие мгновенно исчезает, и она начинает часто моргать. Если она заплачет, я кого-нибудь стукну. Не могу перенести спокойно столько драм за одно утро.

– Слушай, ты хорошая и все такое. Но это, – я качаю рукой, показывая на пространство между нами, – не дружба. У меня нет друзей.

Она наклоняет голову набок.

– У тебя совсем нет друзей? Ни одного?

– Нет, у меня есть знакомые из братства и Тесса.

– Тебе нужны друзья, по меньшей мере один.

– О какой дружбе между нами может идти речь? Мы здесь только до завтрашнего полудня.

Она пожимает плечами.

– Мы никогда бы не смогли подружиться, если бы не встретились.

– Очевидно, у тебя тоже нет друзей.

– Немного. Райли, кажется, их не любит.

– И что? Почему это для тебя важно?

– Не хочу с ней ругаться, поэтому предпочитаю поменьше видеться с ними.

– Извини, но Райли ведет себя как сука…

– Не говори так о ней! – Щеки Лилиан вспыхивают; впервые за все время нашего знакомства вижу ее бурные эмоции вместо обычного спокойствия и рассудительности.

Кручу в руках чашку и радуюсь, что Лилиан хоть немного мне открылась.

– Хочу и говорю. Если бы кто-нибудь попробовал указывать, встречаться мне с друзьями или нет…

– Так ты говорил мне, что у Тессы есть друзья и она встречается с ними без тебя? – Она приподнимает бровь, и я неожиданно начинаю думать над вопросом.

У нее есть друзья… У нее есть Лэндон.

– Да.

– Ты не в счет.

– Нет, не я. Лэндон.

– Лэндон – твой сводный брат. Это не считается.

Стеф была подругой Тессы, но не очень близкой, и Зед, но он уже тоже отдалился.

– У нее есть я.

– Это именно то, о чем я подумала.

– Какое это имеет значение? После того, как мы уедем отсюда и начнем все заново, она может завести новых друзей. Мы можем завести новых друзей вместе.

– Конечно. Проблема в том, что ты не собираешься с ней ехать.

– Она останется со мной. Я знаю, что тебе это не нравится, но ты ее не знаешь. Я делаю так, как считаю нужным, и знаю, что она не сможет жить без меня.

Лилиан задумчиво смотрит на меня.

– Ты знаешь, есть большая разница между «не в состоянии жить без кого-то» и любовью.

Эта малышка даже не подозревает, что говорит.

– Я не хочу больше говорить о ней, если мы хотим подружиться, то мне нужно знать о тебе и Риган.

– Райли, – отвечает она резко.

Я тихонько хихикаю.

– Раздражает, не так ли?

Лилиан игриво дуется, но потом рассказывает, как она встретила свою подругу. Они вместе сидели на первом курсе. Райли сначала была грубой, но потом они сблизились, что, кажется, удивило их обеих. Райли ревнива и темпераментна. Что-то знакомое.

– Большинство наших ссор – на почве ревности. Она всегда боялась, что я отдалюсь от нее. Не знаю почему, ведь только она привлекает всех, и парней и девушек, и встречалась и с теми и с другими. – Она вздыхает. – Для нас обеих это игра с огнем.

– А ты нет?

– Нет, я никогда не встречалась с парнем. – Она морщит нос. – Ну, только один раз, в восьмом классе, потому что чувствовала, что должна. Мои подруги дразнили меня, что я ни с кем не встречаюсь.

– Почему бы тебе не соврать им?

– Это не так просто.

– Это элементарно.

Она улыбается:

– Да, элементарно? Но нет. В общем, я ни с кем не была, кроме Райли и еще одной девчонки. – Потом ее улыбка исчезает. – Но в основном с Райли.

Остаток утра и весь день трачу на проблемы этой девчонки. И я не спорю, хоть иногда и думаю иначе. Приятно чувствовать, что я не единственный, кто задается такими вопросами. Лилиан очень напоминает мне Тессу и Лэндона. Если бы они смогли совместиться в одного человека, это, без сомнения, будет Лилиан. Не хочется это признавать, но я не против ее общества. Она аутсайдер, как и я, но зато она меня не осуждает, потому что мало меня знает. Люди приходят и уходят, и каждый раз, когда в кафе появляется девушка со светлыми волосами, не могу не посмотреть в ее сторону, надеясь, что это окажется моя блондинка.

Раздается веселая мелодия.

– Наверное, это папа… – говорит Лилиан и смотрит в телефон. – Черт, уже почти пять! – в панике восклицает она. – Мы должны идти. То есть я должна. У меня до сих пор нечего надеть на вечер.

– Куда? – спрашиваю я, когда она встает.

– На ужин. Ты в курсе, что мы собираемся к твоим родителям на ужин?

– Карен не моя… – начинаю я, но решаю не продолжать. Она знает.

Поднимаюсь и тащусь за ней в небольшой магазинчик, полный цветастых платьев и безвкусной бижутерии. Там пахнет нафталином.

– Ничего нормального нет, – стонет она, щупая ярко-розовое платье с оборками.

– Отвратительное, – подтверждаю я, и она вешает платье обратно.

Неожиданно я задумываюсь, чем занимается Тесса прямо сейчас. Интересно ли ей, где я? Уверен, она думает, что я с Лилиан, и это правда, но ей не о чем волноваться.

Погоди… Нет, она же не знает об этом. Я же не сказал ей о подруге Лилиан!

– Тесса не знает, что ты лесбиянка, – замечаю я, когда она показывает мне черное платье со стразами.

Лилиан мягко смотрит на меня и демонстрирует мне платье, приподнимая его в руке так же, как прошлым вечером показывала мне коньяк.

– Я ничего не могу сказать о моде, так что не спрашивай, – говорю я, и она закатывает глаза.

– Так почему же ты ей не сказал?

Я дергаю ожерелье из перьев на стойке.

– Не знаю, как-то не придал этому значения.

– О, я очень польщена, что моя ориентация не кажется тебе чем-то экзотическим, – сообщает она с ненатуральной благодарностью в голосе. – Но тебе стоит ей сказать. Неудивительно, что она тебя чуть не побила.

Я знал, что не стоило говорить ей о пощечине.

– Замолчи. Я ей скажу… – Хотя это может не сработать в мою пользу. – Может быть, – добавляю я.

Лилиан снова закатывает глаза. Она делает это так же, как и Тесса.

– С ней сложно, и я знаю, что мне делать, хорошо?

По крайней мере, я думаю, что мне делать. Я точно знаю, на какие кнопки жать, чтобы добиться от нее того, что я хочу.

– Тебе стоит принарядиться; место, куда мы вечером пойдем, отвратительно пафосное, – предупреждает она, перебирая платья.

– Нет, блин, я не собираюсь. С чего ты вообще взяла, что я пойду?

– Почему бы и нет? Ты же хочешь, чтобы твоя благоверная не напилась?

На мгновение меня передергивает.

– Благоверная? Не называй ее так.

Она застегивает пуговку на своей груди.

– Просто надень хорошую рубашку хотя бы, иначе мой папа выскажет тебе все, – говорит она, удаляясь к раздевалке.

Через несколько минут она выходит в черном платье. Оно хорошо смотрится – она сексуальная и все такое, но я сразу же начинаю представлять, как в этом платье будет выглядеть Тесса. Гораздо круче. У Тессы сиськи побольше, чем у Лилиан, бедра пошире, так что она будет смотреться намного лучше.

– Вот это не такое стремное, как все остальное здешнее дерьмо, – отвешиваю я комплимент.

Лилиан закатывает глаза и закрывает шторку, показав мне напоследок средний палец.

Глава 36

Тесса

Я смотрюсь в зеркало и спрашиваю Лэндона:

– Как считаешь, мне идет?

– Да, тебе хорошо, – с улыбкой отвечает он. – Может, мы не будем забывать, что я все-таки парень?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.